
**ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКОЙ
ДЕМОГРАФИИ
СССР**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ
И ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

АКАДЕМИЯ НАУК УССР
Институт истории

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ СССР

Сборник научных трудов

АНДРЕЯ ВОСКОВА

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1988

В сборнике освещаются проблемы методологии и методики историко-демографических исследований, вопросы становления и развития исторической демографии, палеодемографии. Исследуются взаимосвязи демографических, социальных и этнических процессов.

Для научных работников, преподавателей и студентов исторических и экономических факультетов.

Редколлегия *Поляков Ю.А.* (отв. редактор), *Я.Е.Водарский*, *В.Б.Жиромская* (отв. секретарь), *Ю.Ю. Кондуфор* (зам. ответственного редактора), *Ю.А. Курносов*, *А.Л. Перковский*, *С.И. Пирожков*, *Д.К. Шелестов*

Рецензенты *С.В. Кульчицкий*, *К.Н. Тарновский*, *В.И. Наулко*

Редакция исторической литературы

П 0503000000-213
М221 (04)-88 КУ-1-158-88

© Издательство "Наукова думка", 1988

ISBN 5-12-000131-9

ПРЕДИСЛОВИЕ

Историко-демографические исследования необходимы для разработки научно обоснованной социальной, в том числе и демографической, политики. Без историко-демографических знаний немыслимы всестороннее понимание исторического процесса и перспектив общественного развития, современной демографической ситуации, закономерностей воспроизводства населения, составление демографических прогнозов. Развитие исторической науки на современном этапе существенно повышает роль демографического анализа и синтеза, в частности в проведении историко-социологических исследований, изучении генезиса социально-экономических укладов, формирования многоукладных народнохозяйственных систем, исторического аспекта природно-демографических (демоэкологических) связей.

Решения XXVII съезда партии и последующих пленумов ЦК КПСС открывают новые возможности для изучения проблем исторической демографии советского общества. Утверждение гласности, критики и самокритики в общественно-политической жизни страны способствует увеличению объема статистической информации о демографических структурах и процессах, предоставляемой в распоряжение исследователей.

Учитывая возросшую актуальность исторической демографии, Президиум Академии наук СССР с целью расширения и углубления ее изучения создал Научный совет АН СССР по исторической демографии и исторической географии. Важное значение имеют периодически проводимые Всесоюзные семинары по исторической демографии (с 1984 г. они работают под эгидой Научного совета). Зачинателем семинаров выступили эстонские историки-демографы во главе с Р.Н. Пуллатом. Первый семинар состоялся в 1974 г. в Таллине, последующие — в Риге (1977 г.), Омске (1979 г.), Кишиневе (1983 г.), Львове (1985 г.). Итоги работы семинаров отражены в систематически издаваемых сборниках научных трудов¹. Тематика историко-демографических исследований в стране постепенно углубляется и расширяется. Так, вопросам исторической демографии была посвящена XX сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории². Замечные успехи делает палеодемография, в частности в создании комплексных концепций палеодемографического развития регионов СССР³.

Нельзя не сказать и об "узких местах": недостаточно обобщен опыт ре-

гиональных историко-демографических исследований в союзных республиках; весьма слабо поставлено изучение динамики общей численности населения за длительные промежутки времени по современным административно-территориальным единицам; недостаточно глубоко исследуется история переписей, развития демографии и собственно исторической демографии.

Данный сборник научных трудов подготовлен на основе материалов V Всесоюзного семинара по исторической демографии (г. Львов, ноябрь 1985 г.)⁴. Он состоит из трех разделов. В первый раздел ("Проблемы теории и историографии") включены статьи по методологии и методике историко-демографических исследований, демографии и демографической политики. В ряде случаев изложение вопросов методологии и методики связано с привлечением конкретного историко-демографического материала. Например, в статье Ю.Ю. Кондуфова и Ю.А. Курносова рассмотрены методологические вопросы изучения демографического аспекта эволюции социально-классовой структуры социалистического общества на примере Украинской ССР; в статье А.Я. Кваши — проблемы цикличности демографического развития в связи с демографическими потерями, вызванными Великой Отечественной войной; в статье Р.Н. Пуллата на конкретном материале демографической истории г. Таллина впервые в СССР применен метод совмещения графика и диаграмм для изображения демографических процессов в историко-демографических исследованиях.

Во втором разделе ("Общие и региональные проблемы историко-демографического развития СССР") помещены статьи, построенные на общесоюзном материале, а также освещающие отдельные проблемы и вопросы демографической истории РСФСР, УССР, МССР, ЛатССР, ЭССР, Закарпатской области.

В последние годы в историко-демографических исследованиях усиливается тенденция более углубленного (в частности, в хронологическом срезе) изучения отдельных демографических процессов. В статье Л.В. Чуйко освещение изменений в брачности и разводимости населения Украины во второй половине XIX—XX в. объективно подчинено решению более общих назревших задач как демографии современности, так и исторической демографии. В частности, такой подход необходим при изучении исторических особенностей демографического перехода, т.е. смены типов воспроизводства населения, детерминированной общим ходом развития производительных сил. Демографический переход на примере истории населения Латвийской ССР исследуется в статье П.П. Звидриньша.

В третьем разделе ("Из историко-демографического наследия") впервые публикуется статья старейшего украинского советского демографа П.И. Пустохода. Она посвящена статистической характеристике сдвигов в численности помещиков и крепостных в дореформенной России (на примере украинских губерний), проблеме демографического кризиса в крепостной деревне страны.

В сборнике поставлен ряд важнейших проблем: вопросы становления и

развития демографии в целом и исторической демографии в частности; палеодемографии; взаимосвязи демографических, социальных и этнических процессов; динамики общей численности населения, влияния занятости на демографические структуры.

Ю.А. Поляков

¹ Проблемы исторической демографии СССР. — Таллин, 1977; Численность и классовый состав населения России и СССР (XVI—XX вв.). — Таллин, 1979; Проблемы исторической демографии СССР. — Томск, 1980—1982. — Вып. 1—2.; Проблемы исторической демографии СССР (период социализма). — Кишинев, 1985; Проблемы исторической демографии СССР (дооктябрьский период). — Кишинев, 1987.

² Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни: XX сес. Всесоюз. симп. по изуч. пробл. аграр. истории : Тез. докл. и сообщ., Таллин, 24—28 сент. 1984 г. — М., 1984.

³ Демографическая ситуация в Причерноморье в период великой греческой колонизации : Сб. ст. — Тбилиси, 1981.

⁴ Ряд работ участников V семинара опубликован: Тудоряну Н.Л. Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма. — Кишинев, 1986; Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. — 1917 г.). — М., 1986; Маниев Ф.С. Социальные сдвиги в азербайджанской деревне на современном этапе. — Баку, 1986.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ

Ю.Ю. КОНДУФОР, Ю.А. КУРНОСОВ
ВОПРОСЫ ВЗАИМОСВЯЗИ
ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И ИЗМЕНЕНИЙ
СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ

Повседневная практика широко и всесторонне подтверждает ленинскую мысль о том, что для марксистского анализа состояния и перспектив развития общества необходимо знать и учитывать состояние и перспективы развития его социальной структуры, не усвоив ее изменений, "нельзя сделать ни шагу в какой угодно области общественной деятельности"¹. Это ленинское положение КПСС постоянно учитывает при разработке социальной политики. В частности, проблемы изменения социальной структуры были подробно освещены на XXVII съезде КПСС. Новая редакция Программы партии определила сближение рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, становление бесклассовой структуры общества (при решающей роли в этом процессе рабочего класса) как важную закономерность развития социальных отношений на современном этапе².

Актуальность освещения вопросов развития социально-классовой структуры обусловливается прежде всего настоятельной необходимостью уяснить степень социальной зрелости советского общества на пути к созданию общества без классов. Изучение изменений в социальной структуре населения помогает уточнить очередные задачи и определить исходные данные при создании долгосрочных планов экономического и духовного прогресса страны, является необходимым условием научного руководства общественным развитием, ибо оно вооружает Коммунистическую партию детальным знанием объекта управления. И, наконец, понимание сути основных тенденций развития социально-классовой структуры советского общества имеет огромное мировоззренческое значение, способствует сознательному участию широких масс трудящихся в практическом воплощении социально-экономической политики КПСС.

Таким образом, актуальность, теоретическая и практическая значимость исследований социально-классовой структуры советского общества несомненны. Однако в работах обществоведов эти проблемы во многом освещались на основе застывших представлений о социализме. "Социальная струк-

тура общества, — говорил М.С. Горбачев, — изображалась схематично как лишённая противоречий и динамизма многообразных интересов его различных слоев и групп"³.

Важное значение имеет разработка вопросов взаимосвязи изменений социально-классовой структуры населения и демографических процессов.

Необходимость исследования названной проблемы обусловлена также тем, что социально-демографическая структура выступает как один из срезов социальной структуры общества, определяется ею. Демографические процессы, наряду с социальными и национальными, являются наиболее важными факторами развития общества, их необходимо учитывать при составлении хозяйственных планов, они определяют настоятельную потребность в техническом перевооружении отраслей народного хозяйства, внедрении новейших достижений науки и передового опыта. Теоретическая и практическая значимость освещения взаимосвязи этих вопросов состоит в том, что дает более четкое представление о степени социальной зрелости советского общества на пути его продвижения к социальной однородности, всесторонние данные о конечных социальных результатах воспроизводства населения и его динамики.

Внимание к освещению взаимосвязи демографической ситуации и социальной структуры общества объясняется и тем, что в современной научной литературе они, как правило, рассматриваются раздельно. Однако в 20–30-е годы XX в. демографы исходили из того, что прирост населения является сложным следствием изменений в различных его классах и социальных группах⁴.

Возможности расширения научных разработок проблемы значительно возросли с вступлением советского общества в период дальнейшего упрочения и развития социализма, когда в формуляр переписи населения 1937 г. был впервые введен вопрос о принадлежности опрошиваемого к той или иной социальной группе, что, однако, не предопределило усиление внимания ученых к исследованию взаимосвязи социально-демографической и социально-классовой структуры.

В последние годы советская историография обогатилась многими серьезными работами по социально-классовой структуре советского общества, но лишь в некоторых из них затронуты отдельные стороны демографических процессов. М.Н. Руткевич, обосновав соотношение понятий "социальная группа" и "общественная группа", а также терминов "социально-демографическая структура" и "демографическая структура", предположил анализу социально-классовых различий освещение проблем, связанных с вопросами демографии. В частности, довольно подробно рассмотрены положение в социалистическом обществе таких общественных групп населения, как женщины, молодежь и пенсионеры, их права и обязанности⁵. С.Л. Сенявский в контексте стирания существенных различий между городом и деревней отметил принципиальные различия между социалистической и капиталистической урбанизацией и проанализировал пути ее осуществления в социалистическом обществе⁶. В целом же в работах по социальной структуре советского общества демографическим вопросам отводится крайне незначительное место.

В то же время только в некоторых трудах демографов речь идет о социально-классовой структуре. Так в монографии Г.А.Слесарева⁷ довольно подробно рассмотрены демографические аспекты воспроизводства и совершенствования социальной структуры советского общества на примере рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции Украинской ССР и других союзных республик. Связи социальной структуры и динамики населения Украинской ССР в период между двумя Всесоюзными переписями населения 1959 и 1970 гг. посвящен раздел в коллективной монографии⁸.

Все сказанное выше обуславливает важность разработки вопросов взаимосвязи социально-классовой структуры и демографической ситуации в современной научной литературе. Вот почему возникла необходимость проследить некоторые проявления этих процессов на Украине в современных условиях, а также сравнить их с общесоюзным материалом и частично с процессами, происходящими в некоторых союзных республиках, что позволит сопоставить общее и особенное в развитии названных взаимосвязей.

Тесное единство социально-классовых и демографических процессов проявляется в том, что дальнейшее сближение классов, социальных групп и слоев советского общества все отчетливее воздействует на характер и течение демографических изменений, а они, в свою очередь, играют важную роль в воспроизводстве и изменении социальной структуры общества. Например, от уровня рождаемости, темпов роста численности подрастающего поколения, соотношения лиц мужского и женского пола, увеличения числа людей пенсионного возраста в значительной мере зависят удельный вес трудоспособного населения, его профессионально-квалификационная структура, степень распространения различной по характеру и содержанию трудовой деятельности, распределение трудовых ресурсов по отраслям и сферам производства и, следовательно, по классам, социальным группам и слоям и т.п. И наоборот, количественный и качественный состав рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции оказывают существенное влияние на тенденции демографического характера: темпы естественного прироста населения, его миграционные потоки, урбанизацию, структуру занятости, состав семьи и т.п. Таким образом, эти два процесса диалектически взаимосвязаны, выступают как целостное явление.

Социально-классовая структура рассматривается в трехчленной формуле: рабочий класс, колхозное крестьянство и народная интеллигенция, динамика количественных изменений которых как в республике, так и во всей стране неодинакова. Если численность рабочих и интеллигенции возрастает, то крестьянства — имеет стойкую тенденцию к уменьшению. При этом быстрее всех растет численность интеллигенции — в 1960—1985 гг. в республике она возросла в 3,8 раза (что соответствует общесоюзным показателям). Рост численности рабочих в Украинской ССР был заметно ниже, он составил в названные годы 81,1 % (по всей стране — на 76,8 %, что объясняется сравнительно меньшими темпами роста прежде всего в Рос-

сийской Федерации (57,5 %), где сосредоточена большая часть рабочего класса СССР*).

Следует учитывать такую характерную особенность, как снижение темпов количественного роста интеллигенции и рабочего класса республики и страны в целом на современном этапе развития социализма. В течение 60-х годов численность рабочего класса Украинской ССР возросла на 47 %, в 70-е — на 21 %, в первой половине 80-х годов эти темпы еще более снизились, хотя в целом соответствовали общесоюзным. Однако если в 60-е годы темпы роста численности рабочего класса всей страны уступали Украинской ССР, то в 70-е и первой половине 80-х годов они все заметнее стали ее превышать — при общей тенденции к снижению. Это обуславливалось, прежде всего, нарастанием темпов увеличения количества рабочего класса в республиках Средней Азии и Закавказья, которые превысили соответствующие общесоюзные показатели.

Такая же картина характерна и для темпов роста численности интеллигенции в Украинской ССР и в стране в целом. Так, в 60-е годы XX в. количество дипломированных специалистов на Украине возросло на 96,8 %, в 70-е — на 65,9 %, а в СССР — соответственно на 91,7 и 69,9 %. Общая же тенденция снижения темпов роста численности рабочего класса и интеллигенции отражает уменьшение темпов количественного роста городского населения — эти два процесса совпадают по времени и обуславливают друг друга.

Вследствие развития производительных сил и производственных отношений в деревне в целом, в колхозах в частности, а также миграции из села в город весьма значительного количества сельских жителей происходят сокращения численности колхозного крестьянства, уменьшение его удельного веса среди занятого населения. Так, среднегодовая численность занятого в колхозах крестьянства УССР сократилась с 6396,0 тыс. в 1960 г. до 3936,0 тыс. в 1985 г. (на 38,6 %). В результате его удельный вес среди лиц, занятых в народном хозяйстве республики, снизился с 37,5 до 16,0 %, а по стране в целом — еще более. Однако это не означает снижения роли колхозного крестьянства в жизни советского общества. Наоборот, она возрастает в связи с решением задач, намеченных Продовольственной программой.

Количественные и качественные изменения в среде рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции, наряду с указанными факторами, в значительной мере определяются научно-техническим прогрессом — главным стратегическим рычагом интенсификации народного хозяйства, важным условием снижения затрат живого труда. Значительное влияние на эти процессы оказывают также факторы демографического характера, прежде всего снижение рождаемости, а значит, и уменьшение среднего размера семьи.

* Здесь и далее рассчитано по данным следующих работ: Народное хозяйство СССР в 1985 г.: Стат. ежегодник. — М., 1986; Народное хозяйство Украинской ССР в 1985 году: Стат. ежегодник. — Киев, 1986; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. — М., 1972—1974. — Т.2—7; Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюз. переписи населения 1979 г. — М., 1984.

Развитие социальной структуры общества происходит через непрерывное ее воспроизводство, которое определяется прежде всего естественным приростом населения, а он обуславливается в первую очередь уровнем рождаемости. В течение послевоенного периода в СССР происходило снижение рождаемости. Одной из самых низких в середине 80-х годов XX в. она была в УССР.

Правда, в 70-е годы XX в. темпы снижения рождаемости на Украине замедлились, а в отдельные годы происходило даже увеличение числа рождений, обусловленное вступлением в брачный возраст значительных контингентов людей, родившихся в послевоенные годы, а значит, увеличением количества браков и рождений детей в новых семьях. В целом по стране в 70-е годы вследствие прежде всего высоких темпов рождаемости в среднеазиатских республиках было не только приостановлено ее снижение, но даже появилась тенденция роста числа рождений на 1 тыс. чел. населения. В УССР этого не произошло. Намечившееся на рубеже 60–70-х годов XX в. уменьшение разницы в динамике рождаемости между УССР и страной в целом с начала 70-х годов вновь уступило место увеличению.

Темпы рождаемости обусловлены различными причинами, в том числе и степенью участия женщин в общественном производстве. На рубеже 70–80-х годов на Украине, так же как в РСФСР, Белоруссии, Молдавии, Литве, Латвии, Эстонии, более половины рабочих и служащих были женщины. Одновременно в этих республиках наблюдался самый низкий уровень рождаемости. И наоборот, в республиках Средней Азии и Закавказья, где женщины составляли менее 50 % рабочих и служащих, число рождений было наибольшим.

В УССР при общем росте количества семей происходило уменьшение их среднего размера: 3,5 чел. — в 1959 г. и 3,3 — в 1979 г. Такая динамика обуславливалась, во-первых, тем, что в указанные годы происходило увеличение доли семей без детей или имеющих одного ребенка, а удельный вес семей с двумя, тремя детьми и более уменьшался; во-вторых, значительным возрастанием числа разводов. Если в 1950 г. на 1 тыс. чел. было зарегистрировано 11,7 брака и 0,3 развода, то в 1960 г. частота разводов увеличилась в 4, а в 1985 г. — в 12 раз (на 1 тыс. чел. 9,6 брака и 3,6 развода). Снижение среднего размера семьи происходило и в стране в целом, но в 1979 г. он был большим, чем в УССР — 3,5 человека, что объясняется значительным удельным весом многодетных семей в республиках Средней Азии и Закавказья.

Количество детей в семье зависит от принадлежности матери к той или иной общественной группе. Так, среди матерей в УССР и в стране в целом наибольшее количество детей имели колхозницы, за ними следовали рабочие, затем служащие. Больше всего детей было у женщин, занятых в личном подсобном сельском хозяйстве, затем — у занятых преимущественно физическим трудом; меньше всего — у занятых умственным трудом. Взаимозависимость числа детей и уровня образования выглядит следующим образом: наименьший удельный вес детей приходится на женщин с высшим, незаконченным высшим и средним специальным образованием; по мере снижения образовательного уровня матерей количество детей у них увеличивается.

Уменьшение рождаемости и снижение среднего размера семьи, где все ее члены принадлежат к одной общественной группе, в Украинской ССР происходило в 1970–1979 гг. наиболее низкими темпами среди интеллигенции, затем — рабочих. Однако наиболее быстрыми темпами уменьшалось число детей, рожденных женщинами, имеющими высшее, незаконченное высшее или среднее специальное образование. Заметно меньшими темпами снижалось количество детей, рожденных у женщин, имеющих общее среднее и неполное среднее образование. А у тех, кто имел начальное образование или не имел и его, число рождений значительно возросло. В результате, в 1979 г. средний размер семей интеллигенции, где все члены семьи принадлежат к одной общественной группе, был ниже, чем у рабочих и колхозников.

В 70-е годы наиболее быстрыми темпами снижался средний размер семей среди сельского населения, большинство которых составляло колхозное крестьянство, что обуславливается степенью занятости женщин в общественном производстве, спецификой возрастного состава жителей села, миграцией довольно значительного количества наиболее дееспособной части сельского населения в город или выездом их на строительство крупнейших территориально-производственных комплексов страны.

Оптимизации названных демографических процессов будет способствовать осуществление решений XXVII съезда КПСС об укреплении семьи и ее устоев, особой заботе о молодых семьях, материальной помощи молодоженам, прежде всего в бытовой сфере⁹.

Процесс роста городов не мог не отразиться на состоянии сельскохозяйственного производства республики, на что указал июньский (1982 г.) Пленум ЦК Компартии Украины, обратив внимание, что чрезмерная миграция в города сельского населения обусловила сокращение численности работников в колхозах и совхозах, нехватку трудовых ресурсов на селе¹⁰. Однако к середине 80-х годов XX в. произошли сдвиги в обмене населения между городом и селом. Началось сокращение оттока сельского населения в города, что оказало влияние на увеличение рождаемости в сельских семьях Украины, а также РСФСР, Белоруссии, республик Прибалтики¹¹.

Дальнейшее улучшение социально-бытовых условий сельской жизни, в частности, условий работы и быта женщин и молодежи, будет способствовать закреплению кадров и повышению рождаемости, сможет обусловить процесс ремиграции из города в село, формирование соответствующих жизненных планов подрастающего поколения в сельских семьях и школах, профессиональную ориентацию юношей и девушек на работу в сельскохозяйственном производстве, причем не только по чисто "мужским", но и "женским" специальностям.

Одним из важнейших срезов взаимосвязи демографических процессов и изменения социально-классовой структуры общества является соотношение и динамика возрастного состава населения. Они обуславливают степень распространения различий по характеру и содержанию трудовой деятельности, распределение трудовых ресурсов по отраслям и сферам производства и, следовательно, по классам, социальным группам и слоям и т.п.

Довольно значительную часть всех элементов социально-классовой структуры советского общества составляет молодежь. Однако если среди промышленных рабочих и интеллигенции республики ее удельный вес, все возрастая, достиг к середине 70-х годов XX в. половины занятых в народном хозяйстве, то среди работающих в сельскохозяйственном производстве, прежде всего колхозного крестьянства, темпы ее количественного роста были ниже, чем у рабочих и интеллигенции, ее удельный вес к тому времени составлял лишь 30 %. Состояние возрастной структуры населения определяется также количеством и удельным весом пенсионеров в его составе. Так, в 1960 г. пенсионеров в республике насчитывалось 4,4 млн, в 1986 г. — 12 млн чел., т.е. в 2,7 раза больше, в то время как численность всего населения в указанные годы возросла только на 18,4, а занятого — на 44 %. Соответственно увеличился и удельный вес пенсионеров в общей численности населения УССР: 10,3 % — в 1960 г. и 23,5 % в 1986 г. Это привело к заметным изменениям в количественном соотношении пенсионеров и работающих. Если в 1960 г. соотношение пенсионеров к численности занятых в народном хозяйстве составило 1:3,8, то в 1986 г. — уже 1:2. В стране в целом численность пенсионеров росла более низкими темпами, что и обусловило к настоящему времени значительно меньший их удельный вес в составе ее населения. Таким образом, происходит процесс старения населения со всеми вытекающими отсюда последствиями и проблемами экономического, социального и демографического характера. Создание Всесоюзной организации ветеранов войны и труда, развитие кооперативного движения, совершенствование правового режима индивидуальной трудовой деятельности открывают дополнительные возможности граждан пенсионного возраста в народном хозяйстве*.

Социально-классовую структуру общества, как и ее составные элементы, в значительной мере определяет количественное соотношение лиц мужского и женского пола. Женщины составляют большую или преобладающую часть каждого класса и социальной группы. Численность женщин, принимающих активное участие в производстве, постоянно возрастает. Так, количество женщин-рабочих и служащих республики в 1960–1985 гг. увеличилось с 4,7 млн до 10,8 млн чел., или в 2,3 раза. Соответственно возрос и их удельный вес — с 45 до 52 %, хотя с середины 70-х годов XX в. он стабилизировался. В стране в целом это произошло примерно на таком же уровне (51 %) на рубеже 60–70-х годов XX в. На протяжении 60 — начала 80-х годов XX в. вместе с сокращением численности колхозного крестьянства уменьшается и количество женщин-колхозниц. Одновременно снижается и их удельный вес среди занятых в общественном хозяйстве колхозов: в 1970 — 52 %, в 1984 г. — 46 % (что несколько выше, чем в целом по стране, где он снизился до 45 %). Женщины составляют большую часть интеллигенции как республики, так и

* Социально-демографические проблемы занятости населения пенсионного возраста рассмотрены в материалах Украинской ССР, относящихся к 60-м — началу 80-х годов XX в., в монографии: Трудовая активность пенсионеров / Под ред. С.И.Пирожкова. — Киев, 1984.

страны в целом. Их численность на Украине в 1960–1985 гг. возросла с 965 тыс. до 3,7 млн чел., или в 3,9 раза. Реализация предначертаний XXVII съезда КПСС о создании условий труда и быта женщин позволит им успешно сочетать материнство с активным участием в трудовой и общественной деятельности.

Отмеченные выше и другие явления убедительно свидетельствуют, что изменения социально-классовой структуры населения УССР, как и страны в целом, взаимосвязаны с демографическими процессами. Характер и сущность этой взаимосвязи в главном идентичны общесоюзным, однако имеют, как указывалось выше, и свою специфику.

Ускорение социально-экономического развития страны, дальнейшая реализация преимуществ социалистического строя будут, с одной стороны, способствовать решению демографических проблем, с другой — оказывать положительное влияние на дальнейшее совершенствование социально-классовой структуры советского общества, в том числе и Украинской ССР. Все это найдет свое отражение на страницах многотомного труда "История классов и социальных слоев Украинской ССР", подготавливаемого Институтом истории АН УССР в соответствии с постановлением Президиума Академии наук АН УССР.

- 1 Ленин В.И. О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве // Полн. собр. соч. — Т. 20. — С. 186.
- 2 Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1986. — С. 155.
- 3 Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27–28 янв. 1987 г. — М., 1987. — С. 8.
- 4 См.: Корчак-Чепурківський Ю.О. Відтворення населення Української РСР до початку першої п'ятирічки // Демогр. дослідження. — 1975. — Вип. 3. — С. 79.
- 5 Руткевич М.Н. Становление социальной однородности. — М., 1982.
- 6 Сенявский С.Л. Социальная структура советского общества в условиях развитого социализма (1961–1980 гг.). — М., 1982.
- 7 Слесарев Г.А. Демографические процессы и социальная структура социалистического общества. — М., 1978.
- 8 Перковский А.Л. Социальная структура населения // Демографическое развитие Украинской ССР (1959–1970 г.). — Киев, 1977. — С. 82–95.
- 9 Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — С. 51.
- 10 Правда Украины. — 1982. — 25 июня.
- 11 Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 окт. 1984 г. — М., 1984. — С. 5.

В.З.ДРОБИЖЕВ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА — ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Среди важнейших направлений деятельности Советского государства можно выделить управление развитием населения. Эта сторона исторического опыта до сих пор остается практически неисследованной, а ее изучение может значительно обогатить представления о закономерностях строительства социализма.

Большое внимание проблемам демографической политики было уделено в Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза: "Предпосылки решения многих проблем семьи — создание таких условий труда и быта женщин, которые позволяли бы успешно сочетать материнство с активным участием в трудовой и общественной деятельности". На съезде были намечены меры по увеличению продолжительности оплачиваемого отпуска женщинам-матерям, по улучшению жилищных условий молодых семей¹. В новой редакции Программы КПСС особо выделен пункт о необходимости усиления заботы о семье. Семья "играет важную роль в укреплении здоровья и воспитании подрастающего поколения, обеспечении экономического и социального прогресса общества, в улучшении демографических процессов"².

Политическая значимость проблемы вполне очевидна. Без обобщения опыта предшествующих этапов социалистического строительства не могут быть разработаны эффективные меры, направленные на регулирование роста населения. Д.К.Шелестов был совершенно прав, когда писал: "Нет ни одного историка или демографа, который с необходимой научной обоснованностью ответил бы на вопрос: проводилась ли такая политика на решающих этапах общественно-исторического развития? И это не случайно. Исследования, специально посвященного истории демографической политики и политике народонаселения в целом, практически нет"³. С этими мыслями перекликается высказывание А.Г.Вишневого: "На первый взгляд такие актуальные задачи, как составление демографического прогноза или разработка методов эффективной демографической политики мало связаны с историко-демографической проблематикой. Оказывается однако, что понимание современных и будущих демографических тенденций в очень большой мере зависит от знания и понимания исторического пути, который привел к нынешней демографической ситуации"⁴.

Изучение истории демографической политики Советского государства приобретает особую актуальность в связи с тем, что эта проблема подвергается злостному искажению в буржуазной демографической литературе. Выдвигается концепция, будто бы воспроизводство населения, основные направления миграционных процессов не зависят от социального и экономического строя. Американские демографы Р.Льюис и Х.Ричард пишут: "Изменения населения относятся прежде всего к модернизации, но вовсе не связаны с политической или идеологической системой или с культурными, или с историческими факторами, присущими какой-либо стране"⁵. Некоторые аспекты демографической политики подаются в извращенном виде. Дело представляется таким образом, будто бы процессы урбанизации и миграции направляются Советским государством с целью усиления господства русских над нерусскими и особенно неславянскими народами.

Попытки буржуазных идеологов поставить знак равенства, отождествить воспроизводство населения при капитализме и социализме объясняются их стремлением биологизировать демографические явления, оторвать их от социально-экономических условий. Извращенные оценки демографической

политики Советского государства призваны создать наукообразную базу для более общих задач антикоммунистической и антисоветской пропаганды.

Существует ряд важных теоретических вопросов, без уяснения которых нельзя плодотворно изучать историю демографической политики, которую в литературе нередко отождествляют с политикой народонаселения. Пожалуй, наиболее ярко это видно из статьи А.Владимирова "Объективные предпосылки и возможности управления развитием народонаселения". Автор считает, что активная демографическая политика должна распространяться на несколько сфер деятельности. Первая из них "охватывает процесс производства и совершенствования условий применения рабочей силы, научную организацию труда". Вторая — "среди существования населения в широком смысле, как общественно-социальную, так и биологическую. Третья сфера влияния охватывает воспроизводство населения. Она включает рождаемость, смертность, половозрастную структуру населения, региональное распределение рождаемости, миграцию"⁶.

Конечно, все сферы человеческого бытия тесно связаны между собой. Точно также существует органическая связь и между различными мероприятиями государства, направленными на регулирование социально-экономического развития общества. Но если отказаться от признания *относительной* самостоятельности каждой из сфер социальной и экономической деятельности государства, то это обеднит исторический процесс, сделает невозможным разносторонний анализ специфических мер, направленных на регулирование одной из форм жизнедеятельности людей.

Интересную трактовку содержания демографической политики предложил А.Г.Вишневский. Он разделил мероприятия в области регулирования роста населения на специфические и неспецифические. К неспецифическим отнесены строительство детских учреждений, улучшение жилищных условий семьи и т.п. Признавая полезность "неспецифических" мер, А.Г.Вишневский вместе с тем указывает на слабую их эффективность. Что же касается "специфических" мер демографической политики, то они, по мнению автора, остаются до сих пор непознанными.

Исследователь проводит мысль, что тип воспроизводства населения не зависит от экономических и других внешних факторов. Особенность демографической политики сводится лишь к осознанному или неосознанному воздействию общества "на поведение людей, направленное на ограничение разнообразия прорекреационных условий и повышение вероятности тех из них, которые в наибольшей степени соответствуют требованиям демографической системы"⁷.

Читатель не может не обратить внимания на то, что эффективность демографической политики измеряется здесь лишь соответствием требованиям демографической системы, которая рассматривается как сложная и автономная от способов производства.

Вишневский видит в демографической политике лишь меры к регулированию рождаемости. Вполне очевидно, что рождаемость — важный показатель демографического развития, и все-таки это лишь один из показателей.

Конечно, ряд специфических методов демографической политики до сих пор не найден. Тут огромное поле теоретической и экспериментальной работы. Но отрицать на этой основе то, что уже давно стало средством регулирования демографических процессов, нельзя. В трудах А.Г.Вишневого, А.Г.Волкова и некоторых других демографов подчеркивается, что демографическая политика — это до конца еще не понятый феномен и сама эта политика направлена лишь на регулирование рождаемости. Но такое ограниченное толкование содержания демографической политики, очевидно, является реакцией на стремление некоторых авторов слишком широко характеризовать деятельность государства в демографической области.

Но в литературе сложился и другой, более разносторонний подход к определению содержания демографической политики, представленный трудами Д.И.Валентея, А.Я.Кваши и других ученых. А.Я.Кваша показал, что демографическая политика является частью политики народонаселения, направлена на преодоление несоответствия отдельных демографических процессов объективным процессам общественного развития и состоит из системы мер, имеющих целью формирование соответствующего сознательного демографически количественно определенного поведения людей⁸. Исследователь специально подчеркивает, что управление демографическими процессами характеризуется комплексностью. Так, нельзя воздействовать только на рождаемость, не регулируя направление и интенсивность миграционных процессов.

Демографическая политика предстает как особая сфера деятельности государства, направленная на регулирование производства и воспроизводства главной производительной силы общества — человека. Основные элементы этой политики — влияние на условия труда, улучшение жизненных условий всех слоев общества, воздействие на воспроизводство населения. Демографическая политика является составной частью политики народонаселения и в конечном итоге социальной политикой КПСС и Советского государства. Демографическая политика — совокупность мероприятий, воздействующих на демографические процессы. Ее содержание — воздействие на характер процессов воспроизводства (рождаемость, смертность, брачность и т.д.) и миграции населения. Особенно хотелось бы выделить тезис, единодушно поддерживаемый всеми советскими учеными, что демографические процессы не могут быть объектами прямых, непосредственных (лобовых) воздействий. Речь может идти о создании условий, благоприятствующих демографически оптимальному развитию человеческого общества. Выделяются следующие методы осуществления демографической политики: социально-экономические, административно-правовые, воспитательно-психологические.

На каждом этапе истории советского общества демографическая политика осуществлялась своими специфическими методами и была сориентирована на решение конкретных задач. В первые годы Советской власти демографическая политика была направлена на разработку теоретических основ, раскрепощение женщины, укрепление семьи, охрану материнства и детства. Предпринимались героические усилия по борьбе со смертностью, по укреплению основ здравоохранения. В 1921–1923 гг. в центре внимания партии и

государства была борьба со смертностью населения. Голод 1921 г. привел к большим человеческим жертвам. Спасти человека труда от голодной смерти — главная задача деятельности государства в те годы. В период социалистической реконструкции народного хозяйства на первый план выдвигались проблемы, связанные с урбанизацией страны, с регулированием интенсивных миграционных процессов. Вместе с тем ликвидация неграмотности, развитие здравоохранения выдвигали задачи, связанные с упорядочением процессов воспроизводства населения.

По-иному стояли проблемы демографической политики в годы Великой Отечественной войны. На первый план выдвинулись задачи спасения человеческих жизней, эвакуации миллионов людей из районов, подвергшихся фашистской оккупации, развертывание широкой сети детских интернатов, организации питания. Все эти меры были направлены на сохранение численности населения.

После Великой Отечественной войны и особенно в 70 — первой половине 80-х годов Советское государство ведет активную демографическую политику, направленную на увеличение рождаемости, снижение смертности и укрепление семьи. В решениях XXVII съезда КПСС сформулирована программа активной демографической политики.

К сожалению, историческое изучение демографической политики явно отстает от потребностей жизни, что обедняет работу демографов.

В последние годы появилось несколько интересных работ об охране материнства и детства в первые годы Советской власти⁹. Автор одной из них Г.И.Литвинова совершенно правильно пишет, что "опыт первого в мире социалистического государства по охране материнства и детства имеет не только научно-историческое, но и политико-практическое значение"¹⁰.

Большой интерес с точки зрения анализа истории демографической политики представляет медицинская литература, в которой анализируется история развития здравоохранения в СССР¹¹.

Определенный вклад в разработку истории демографической политики вносят труды правоведов, которые изучают семейное право, законодательные меры, направленные на повышение рождаемости. В этих трудах сконцентрирован большой материал по истории выработки законов, регулирующих семейно-брачные отношения¹². Усилилось внимание к анализу миграционных процессов. Пожалуй, наиболее обстоятельным историко-демографическим исследованием миграционных процессов в первое десятилетие Советской власти является монография Н.И.Летунова "Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 — июль 1951 г.)" (Томск, 1976 г.). Основное внимание в книге уделено организации планового сельскохозяйственного и промышленного переселения в северные и восточные районы СССР.

В современной литературе есть труды, посвященные решению женского вопроса в СССР. Авторы этих работ анализируют социальные основы женского вопроса, показывают всестороннюю деятельность Советского государства по раскрепощению женщин, вовлечению их в активную производственную и

общественную жизнь. Вместе с тем большое внимание уделяется проблемам охраны материнства, перестройке быта на социалистических началах.

Анализ литературы показывает, что история демографической политики в СССР изучалась довольно фрагментарно, лишь по отдельным ее направлениям. Развитие научных знаний выдвигает задачу комплексного всестороннего анализа всей деятельности Советского государства в области регулирования воспроизводства населения.

- ¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1986. — С. 52.
- ² Там же. — С. 154.
- ³ Шелестов Д.К. Демография: история и современность. — М., 1983. — С. 261.
- ⁴ Вишневский А.Г. История демографии и история населения // Проблемы исторической демографии в СССР. — Томск., 1980. — С. 44—45.
- ⁵ Levis R., Richard H. Population redistribution in the USSR. Its impact on society, 1897—1977. — New York, 1979. — P. 2.
- ⁶ См.: Демографическая политика СССР. — М., 1983. — С. 14—15.
- ⁷ Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее. — М., 1982. — С. 147.
- ⁸ Кваша А.Я. Демографическая политика в СССР. — М., 1981. — С. 142.
- ⁹ Бойко Е.Д. Организация помощи детям в первые годы советской власти: 1917—1920 гг. // На путях дружбы и сотрудничества. — Киев, 1981; Хмыров А.Н. Охрана детства и профилактика беспризорности в Петрограде 1917—1922. — Л., 1980.
- ¹⁰ Литвинова Г.И. Охрана материнства и детства в СССР // Вопр. истории. — 1979. — № 12. — С. 33.
- ¹¹ Погулов Б.М. В.И. Ленин и охрана здоровья советского народа. — Л., 1969; Чикин С.Я. КПСС и охрана здоровья народа. — М., 1972.
- ¹² Ворожейкин Е.М. Семейное право и народонаселение. — М., 1976; Матвеев Г.К. История семейно-брачного законодательства Украинской ССР. — Киев, 1960.
- ¹³ Емельянова Е.Д. Революция, партия, женщина: Опыт работы ком. партии среди трудящихся женщин, окт. 1917—1925 гг. — Смоленск, 1971; Чирков П.Н. Решение женского вопроса в СССР (1917—1937 гг.). — М., 1978 и др.

А.Я.КВАША ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ЭХО ВОЙНЫ

Актуальность исследования тенденций развития населения СССР, в том числе в годы Великой Отечественной войны, имеет значение не только с исторических позиций. Одна из особенностей процессов, происходящих в населении, состоит в том, что они имеют, как говорят демографы, большую силу инерции, т.е. характер современных демографических процессов во многом определяется теми событиями, которые происходили в прошлом. Так, например, каждая семья имеет, как показывают демографические исследования, достаточно количественно определенное и устойчивое во времени представление о том, сколько желательно и даже "модно" иметь в ней детей. При этом молодежь всегда учитывает опыт своих родителей, демографическая ориентация которых формировалась в условиях, существовавших в прошлом. Иначе говоря, опыт прошлого часто проецируется, переносится на будущее.

Медленно меняется во времени и возрастно-половая структура населения, специфика которой также существенно влияет на число и характер демографических событий. Так, например, чем больше лиц старших возрастов (их количество определяется и уровнем рождаемости и смертности в отдаленном прошлом, практически лет 50—80 назад), тем может быть больше общее число смертей даже при мало меняющихся по возрастным показателям смертности. Поэтому изучение истории населения имеет важное значение для оценки перспектив развития населения, а значит, во многом и тенденции развития всего общества в целом.

Великая Отечественная война оказала огромное, сложное и многоплановое влияние на закономерности развития населения СССР; ее последствия, как будет показано далее, отнюдь не сводятся к одним только прямым потерям. Характер и направления воздействия последствий войны необходимо учитывать и при разработке демографических прогнозов, и при выработке мер демографической политики, и особенно в социально-экономическом планировании, в том числе развития здравоохранения, социального обеспечения и многих других компонентов социальной инфраструктуры, т.е. с позиций не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня.

Поэтому прежде чем разбирать детально последствия войны, их влияние на развитие населения, видимо, необходимо предложить определенную классификацию такого рода "направлений влияния" Великой Отечественной войны на демографические явления.

В последние десятилетия грань между так называемыми локальными конфликтами и большими по масштабам войнами стала весьма условной, поскольку первые часто переходят в войны, затрагивающие жизнь и здоровье больших масс населения. Можно привести как пример демографические последствия национально-освободительной борьбы вьетнамского народа, ирано-иракской войны, событий в Ливане. В ряде случаев при оценке последствий таких войн необходимо учитывать влияние используемых империалистическим принципом новых видов оружия, например, экологического оружия во Вьетнаме, которое особо тяжело сказывается на здоровье миллионов людей, т.е. усиливает влияние негативных демографических последствий.

Анализ демографических последствий Великой Отечественной войны имеет большое методическое значение. Изучение этих последствий важно еще и потому, что нельзя ими одними объяснить все те проблемы населения, которые существуют в нашей стране, прежде всего так называемый дефицит трудовых ресурсов, что связано прежде всего с недемографическими факторами.

Великая Отечественная война и ее последствия детально исследованы в советской литературе. Однако комплекс ее демографических последствий описан, как это не парадоксально, в весьма немногих специальных публикациях. Более того, рискуем утверждать, что демографические последствия первой мировой войны изучены более обстоятельно, чем Великой Отечественной войны.

Из публикаций, специально посвященных этим вопросам прежде всего в отношении СССР, можно выделить капитальную монографию Б.Ц.Урла-

ниси¹. Отметим труды Л.Е.Полякова², А.С.Георгиевского и О.И.Гаврилова, а также статью И.П.Ильиной³. В разработку методики оценки последствий войны большой вклад внесли А.Я.Боярский, И.Г.Венецкий, А.С.Семенова.

Говоря о классификации последствий войны надо отметить ее условность, но она позволяет более четко выявить именно систему последствий войны, направления и степени их влияния на демографическое развитие. Такого рода систематизация, видимо, может быть проведена по признаку характера воздействия войны. В этом плане можно выделить прямое, вторичное и третичное влияние или, как говорят, последствия войн. Под прямым влиянием мы будем понимать непосредственные, так сказать, явственно количественно ощущаемые прямые потери населения в ходе самих военных действий. Под вторичными — "недобор" населения в результате так называемых косвенных военных потерь, т.е. снижение рождаемости и роста "мирной" смертности в годы войны. Такого рода потери более или менее четко количественно определяемы, поскольку они в основном проявляются в изменении численности населения и его отдельных групп, хотя и здесь есть свои, порою достаточно методически и информационно сложные, вопросы. Прямые потери при всей человеческой и социальной сложности их трагедичности на развитие населения оказывают, как будет показано далее, менее долгосрочное во времени, но более явно ощутимое населением и экономикой в целом воздействие. В этом, видимо, одна из причин того, что этим проблемам уделяется большее внимание, чем вторичным и тем более третичным последствиям войны.

К "третичным" последствиям войны с позиций их влияния на развитие населения мы будем относить ухудшение состояния здоровья как участвующего в боевых действиях населения, так и лиц, бывших в годы войны вне зоны военных действий, в том числе детей, родившихся в годы войны и в тяжелые послевоенные годы. Сказываются последствия войны и на динамике процессов брачности и рождаемости. Негативно влияют войны и на культурное развитие населения в связи с общим ухудшением положения в стране, гибелью на войне значительной части молодежи, в том числе творческой. Ухудшение условий жизни вследствие ущерба, причиненного экономике в годы войны сохраняется и некоторое время после окончания военных действий*. Следовательно, и поколения, родившиеся в первые послевоенные годы, несмотря на большую помощь Советского государства, могут иметь ослабленное здоровье.

Но у этого явления есть и его, так сказать, "вторичная волна". У родителей с ослабленным здоровьем могут быть в свою очередь и дети с ухудшенным состоянием здоровья, что сказывается и на общем уровне смертности населения. Такого рода "демографические волны" могут быть достаточно длительными во времени. Изменение численности отдельных возрастных групп приводит и к колебаниям как числа рождений, так и уровня брачности, т.е. измерить их гораздо сложнее, чем прямые потери.

* Мы не рассматриваем проблему материального ущерба, нанесенного экономике СССР в ходе войны, поскольку это специальная тема.

Остановимся теперь подробнее на характере влияния разного типа последствий войны на долгосрочные тенденции демографического развития. Предварительно отметим еще одну важную особенность демографических процессов в нашей стране. Дело в том, что на развитие населения СССР накануне Великой Отечественной войны существенно воздействовали последствия первой мировой и гражданской войн. Между окончанием первой мировой и гражданской войн и началом Великой Отечественной войны прошло около 20 лет — срок в демографическом плане очень малый.

В Красную Армию в годы войны с фашизмом было призвано свыше 20 млн чел. В тылу врага, в партизанских отрядах и на подпольной работе было около 1,3 млн чел.⁴ В рядах Красной Армии за годы войны сражались с врагом около 800 тыс. женщин, в партизанских отрядах было около 100 тыс. женщин, в целом же примерно около 1 % общей численности женщин в довоенном 1940 г. с оружием в руках сражались против фашизма⁵.

Тяжелые испытания выпали на долю населения временно оккупированных территорий. Известно, что в первые годы войны (1941–1942 гг.) на оккупированной территории осталось свыше 40 % населения страны и значительная часть материальных ресурсов, что существенно осложнило проведение военно-мобилизационных мероприятий. Фашистские репрессии, угон населения, особенно молодежи, на принудительный труд в Германию, голод и болезни тяжело сказались как на общей численности, так и состоянии здоровья населения этих частей страны. Из СССР гитлеровцы угнали в рабство около 5 млн чел.⁶ По данным, приведенным Генеральным прокурором СССР Р.А.Руденко, от рук фашистских захватчиков погибло 3912 тыс. советских военнопленных⁷.

В тыловые районы страны была эвакуирована значительная часть промышленных объектов, около 25 млн чел. населения⁸.

Остановимся теперь подробнее на основных формах воздействия Великой Отечественной войны на развитие населения СССР.

Общие потери населения СССР в годы Великой Отечественной войны оцениваются более чем в 20 млн чел., т.е. около 10 % численности населения страны в 1940 г., причем примерно половина этих потерь приходится на долю мирного населения⁹.

О масштабах потерь населения в годы войны свидетельствует динамика его общей численности. По оценкам советских ученых, если бы не было войны, то население СССР на начало 1946 г. составляло бы 213 млн чел., а фактическая его численность на начало первого послевоенного года составила 167 млн чел.¹⁰ Если исходить из 1,5 % ежегодного прироста, как это было в 50-х годах XX в., и численности населения СССР на начало 1939 г. — 190,7 млн чел., то перепись населения 1959 г. должна была бы зарегистрировать около 257 млн чел., т.е. на 48 млн больше, чем фактически было зарегистрировано¹¹. Лишь к началу 50-х годов XX в. достигло довоенного уровня население Молдавии и прибалтийских союзных республик, к середине 50-х годов восстановилась довоенная численность жителей РСФСР и к концу этого десятилетия — Украинской ССР. Население же Белоруссии достигло числен-

ности 1940 г. лишь примерно к 1970 г., т.е. 25 лет спустя после окончания войны. Все население СССР достигло своей довоенной численности примерно к 1955 г.

Большие прямые потери населения в прошедшей войне оказывают существенное влияние на развитие демографических процессов в стране, в том числе на процессы рождаемости и смертности, темпы и пропорции формирования семей прежде всего через последствия изменений возрастно-полового состава населения СССР, особенно повозрастных соотношений численности мужчин и женщин. Известно, что в среднем на 100 новорожденных девочек всегда рождается примерно 105–106 мальчиков*. С годами, особенно после 30 лет, повышается смертность мужчин по сравнению с женщинами, повозрастное соотношение численности полов начинает изменяться в пользу женщин. Тем не менее соотношение численности мужчин и женщин также является косвенной характеристикой уровня военных потерь.

К моменту проведения переписи населения 1959 г., первой нашей послевоенной переписи, мужчины, принимающие активное участие в боевых действиях были в возрасте 33 года и старше. Именно на эти возрастные группы, особенно на возрастную группу, которой в 1959 г. было 35–39 лет, пришлись значительные потери в ходе боевых действий, особенно в первые, наиболее тяжелые годы войны. Так, в возрастной группе от 25 до 29 лет, не принимавшей в массе своей активного участия в боевых действиях, в среднем на 100 мужчин приходилось 112 женщин, в возрасте от 30 до 34 года соответственно 121 женщина, и в интервале от 35 до 39 лет — уже 159 женщин, а в возрастной группе от 40 до 44 лет — 160 женщин¹². Столь большая разница в численности мужчин и женщин в "воевавших возрастах" в основном вызвана военными потерями**.

Если использовать показатели таблиц смертности населения СССР за 1958–1959 гг., то можно подсчитать, что в возрасте от 35 до 39 лет, с учетом существовавшего в те годы режима смертности, в среднем на 100 мужчин должно приходиться примерно 105 женщин, а фактически приходится 156.

В условиях таких диспропорций значительное число женщин после 1945 г. не могло вступить в брак, что породило многие сложные социальные и психологические проблемы. В результате гибели на фронте мужей в стране осталось очень много вдов, из которых лишь незначительная часть смогла снова выйти замуж. Воспитание большого числа детей легло на плечи одних женщин. Все эти диспропорции привели как к существенному снижению общего числа рождений в стране, так в дальнейшем ускорили переход к массовому идеалу малодетной (т.е. до 3-х детей) семьи во многих районах страны.

* Встречающиеся иногда суждения о том, что после войны чаще рождаются мальчики, достаточно спорны, нуждаются в достоверном статистическом обосновании.

** Наиболее поучительные оценки потерь в годы войны могли быть сделаны методом реального поколения, но эти расчеты затруднены из-за отсутствия информации. По данным Б.Ц. Урланиса, погибло 34,5 % предвоенной численности мужчин 1906 г. рождения и 9,5 % — женщин. (См. Урланис Б.Ц. История одного поколения. — М., 1966. — С. 206–207.)

Теперь остановимся на так называемых "вторичных" последствиях войны. В военные годы в силу разрыва семейных связей и снижения брачности населения существенно снижается рождаемость*. По оценкам советских демографов, в 1940 г. в нашей стране родилось 6,1 млн детей, а в 1943 г. — в два раза меньше, т.е. около 3 млн детей¹³. Тяготы и лишения в тылу приводили к росту смертности. Масштабы снижения общего числа рождений в годы войны увеличились еще и потому, что в годы войны в период наиболее интенсивного деторождения вступило сравнительно немногочисленное поколение, родившееся в период первой мировой и гражданской войн. Снижение рождаемости и увеличение смертности приводят к тому, что страна "теряет" еще много населения, которое бы сохранилось, если бы не война. Это явление получило в демографии название косвенных военных потерь. Величина их составляет, по расчетам советских демографов, примерно 22 млн чел.¹⁴

Одним из главных моментов в изучении демографических последствий войн является вопрос о том, насколько устойчиво во времени их негативное влияние. Длительность такого периода не всегда можно определить достаточно точно. Кроме того, она неодинакова для тех или иных демографических процессов.

Наиболее четко этот интервал можно определить в отношении тех существенных диспропорций в численности мужчин и женщин, которые сформировались вследствие прямых безвозвратных потерь мужчин в годы войны. В результате этого снижаются возможности вступления в брак многих поколений женщин, а значит, и число формирующихся семей и, как следствие, сокращается общее число рождений в стране.

Прямое воздействие этих диспропорций теоретически сохраняется до тех пор, пока поколения, на которых сказалось влияние войны, находятся в детородном возрасте. К нему обычно относят в советской демографии женщин в возрасте от 15 до 49 лет и мужчин от 16 до 60 лет**. Известно, что в военных действиях наиболее активно участвовали мужчины 1926 и в меньшей мере 1927 и старше годов рождения, которым в 1945 г. было 18 лет и более. Учитывая, что обычно возраст женихов и невест расходится на 3–4 года, т.е. потенциальные невесты были 1929–1931 годов рождения, то границы детородного возраста эти контингенты "перешли" в начале 80-х годов. Таким образом, уже в наши дни прямое, но лишь прямое, влияние на рождаемость диспропорций возрастно-половой структуры, являющихся следствием военных потерь, сейчас практически уже не существует. Если вспомнить, что наибольшая интенсивность рождений у женщин приходится на возраст до 40 лет***,

* Проявление этих закономерностей во многом зависит от исторических условий. Известно, например, что в Англии в 1942–1944 гг. уровень рождаемости был достаточно высоким, поскольку основная часть вооруженных сил этой страны до середины 1944 г. находилась в метрополии.

** Эти интервалы, особенно для мужчин, имеют для верхней своей границы достаточно условный характер. Иначе говоря, за пределами их случаи рождений маловероятны.

*** Так, в РСФСР, республике, где население уже многие годы сознательно ограничивает рождаемость, в 1973 г. на долю женщин в возрасте 40 лет и старше приходилось 2,1 % общего числа рождений, а на возрастную группу 45 лет и старше — 0,2 %.

это воздействие серьезно ослабло уже в начале 70-х годов. В целом можно полагать, что существенное влияние прямых военных потерь мужского населения на рождаемость сохраняется на протяжении одного демографического поколения, т.е. 25—30 лет.

Но это только прямые последствия возрастных и половых диспропорций. Известно, что "дефицит женихов" в первые послевоенные годы приводит не только к снижению общего уровня брачности, но и к росту внебрачных рождений, способствует неустойчивости браков. Так, по расчету И.П.Ильиной, в 1939 г. в стране состояло в браке 78,7 % женщин в возрасте от 25 до 29 лет и 81,8 % в возрасте 30—34 года, а по данным переписи 1959 г. соответственно лишь 54,9 и 48,5 %. В значительной мере эти различия связаны с последствиями войны¹⁶. В наши дни положение в отношении внебрачных рождений изменилось и в юридическом и в моральном плане, хотя и сейчас воспитание ребенка в неполной семье связано с большими моральными и экономическими трудностями.

Великая Отечественная война и вызванное ее последствиями изменение возрастно-половой структуры населения в результате прямых военных потерь привело, если их представить графически, к появлению специфических "демографических" волн, которые длительное время сказываются на развитии населения и которые в статистическом плане не столь наглядны, но также весьма существенны и часто противоречивы по своему влиянию в тот или иной период времени.

Известно, чем больше в населении удельный вес молодежи, тем больше при прочих равных условиях и общее число рождений в стране. Когда относительно малочисленные контингенты военных лет рождения вступили в период наиболее активного деторождения, от 20 до 30 лет, а это произошло в 60-е годы XX в., то у них (при прочих равных условиях) было меньше детей, чем у более многочисленных предвоенных контингентов. В результате образуется новая, вторичная по своему характеру, "демографическая волна" в возрастной структуре населения. По своим размерам она несколько меньше первой и расстояние во времени между ними обычно равно длине одного демографического поколения — 25—30 лет. Возможно появление и "третьей волны", которая, в свою очередь, будет по размерам меньше вторичной и отстоит во времени от нее на 25—30 лет. Более того, возможно такое положение, когда при минимальной численности молодежи, вступающей в трудоспособный возраст, будет наблюдаться максимальная численность выходящих на пенсию контингентов. Такая ситуация характерна для двенадцатой пятилетки¹⁷.

Влияние такого рода "возрастных волн" на демографические процессы, в том числе общее число рождений, очень легко принять за качественный и долгосрочный сдвиг в их характере. На деле же они имеют по сути своей временный циклический характер, хотя их воздействие на динамику общего числа рождений в стране может быть весьма существенным.

Влияние этих структурных факторов достаточно длительно, хотя со временем размах этих колебаний "от волны к волне" как бы зату-

хает*. Но до полного их исчезновения, при прочих равных условиях, требуется примерно 75—90 лет, т.е. не менее длины трех демографических поколений. Иначе говоря, лишь в первых десятилетиях будущего века можно ожидать полного прекращения воздействия диспропорций возрастно-половой структуры, вызванных последствиями войны, на процессы рождаемости.

Великая Отечественная война оказала серьезное влияние и на другой важный компонент развития населения СССР — процессы смертности. Это влияние отнюдь не исчерпывается только прямыми потерями населения в годы войны. В эти годы многие участники боевых действий получили ранения и контузии. Хотя благодаря усилиям советской медицины основная часть раненых и больных военнослужащих возвратились в строй, их последствия всю жизнь сказываются на здоровье, особенно в старшем возрасте, что ведет к росту интенсивности смертности в этих возрастах.

Военные действия и связанные с ними голод и разрушения сказываются и на состоянии здоровья, в том числе состоянии нервной системы населения, особенно проживающего на оккупированной территории. Нелегким был для нашего народа и восстановительный период, особенно первые послевоенные годы, что также оказало влияние на здоровье не только взрослого населения, но и детей и подростков. Все это не могло не привести к повышенной заболеваемости, особенно сердечно-сосудистыми и некоторыми другими болезнями, связанными с нарушением деятельности различных систем человеческого организма. В 1983 г. на долю болезней органов кровообращения приходилось 53,9 % общего числа смертей в стране, а в 1971 г. — 47,9 %¹⁸.

Что касается заболеваний, вызванных различного рода инфекциями, то благодаря успехам науки и советской медицины они все более и более отступают, и число их практически ничтожно, снизилась во много раз и смертность от них.

По мере того как участники войны, а также лица, родившиеся в эти и первые послевоенные годы стареют, ранения, тяготы и лишения военных и первых послевоенных лет сказываются все более и более на здоровье этих контингентов, способствуют их повышенной смертности.

Важно не просто отметить влияние последствий войны на процессы смертности, но и попытаться измерить его. Учитывая, что на процессы смертности воздействуют многие другие, часто взаимопереплетающиеся факторы, сделать это, особенно для условного поколения, чрезвычайно трудно. Что же касается когортного анализа, т.е. сравнения уровня смертности поколений по степени их участия в войне, то сравнение по возрастной интенсивности смертности разных поколений может дать определенные результаты. Однако работы такого плана в нашей стране пока не публиковались.

Другой возможный путь такого рода исследований — сравнение уровня смертности населения разных стран, степень участия которых в войне, в данном случае второй мировой, была достаточно высокой, например, анализ этих последствий на примере населения Польши, Югославии, ФРГ, ГДР, осо-

* Эти процессы исследованы в советской демографии А.Я.Боярским и получили название правила амортизации.

бенно с помощью метода реального поколения. Однако между этими странами существовали и существуют серьезные различия и в степени влияния войны на население в военные годы, и в специфике послевоенного развития, что делает такой сравнительный анализ весьма трудным делом.

В целом анализ "демографического эха" Великой Отечественной войны продолжает оставаться важной темой историко-демографических исследований.

- 1 См.: Урлианс Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. — М., 1960.
- 2 Поляков Л.Е. Цена войны. — М., 1985.
- 3 Георгиевский А.С., Гаврилов О.И. Социально-гигиенические причины и последствия войны. — М., 1975; Ильина И.П. Влияние войн на брачность советских женщин // Брачность, рождаемость и смертность в России и в СССР. — М., 1979. — С. 50—62.
- 4 Жилин П.А. Усилия народов СССР по достижению победы во второй мировой войне. — М., 1970 — С. 87.
- 5 История Великой Отечественной войны Советского Союза : 1941—1945 : В 6 т. — М., 1965. — Т. 6. — С. 123.
- 6 Соколов П.В. Война и людские ресурсы. — М., 1966. — С. 127.
- 7 Правда. — 1969 — 24 марта.
- 8 Жилин П.А. Указ, соч. — С. 12.
- 9 История Великой Отечественной войны... — Т. 6. — С. 30.
- 10 Власевич Ю.Е. Экономическое бремя милитаризма. — М., 1980. — С. 51.
- 11 Курс демографии. — М., 1974. — С. 290.
- 12 Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. — М., 1972. — Т. 2. — С. 12—13.
- 13 Рождаемость: Известное и неизвестное. — М., 1983 — С. 9.
- 14 Козлов В.И. Национальности СССР. — М., 1975. — С. 160.
- 15 Население СССР, 1973 : Стат. сб. — М., 1975 — С. 106.
- 16 Ильина И.П. Влияние войн на брачность советских женщин. — С. 5.
- 17 Бубнова Е.М. Демографические волны и динамика занятости // Проблемы воспроизводства и занятости населения. — М., 1984. — С. 17.
- 18 Вестник статистики. — 1973. — № 12. — С. 80; 1984. — № 11. — С. 77.

А.Г.ВИШНЕВСКИЙ **РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ОБЪЯСНЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ** (на примере метаморфозы семьи)

Взросший в последние десятилетия интерес к историко-демографическим исследованиям обусловлен, вероятно, прежде всего внутренними потребностями исторической науки, ее стремлением углубить понимание закономерностей общественного развития в прошлом. Однако не следует недооценивать нужды демографической науки. Изучая наисовременнейшие тенденции процессов воспроизводства населения и сталкиваясь с проблемами, касающимися настоящего и будущего, демографы все яснее осознают, что ответы на эти вопросы нельзя дать, не имея достаточных знаний о демографической реальности более или менее отдаленного прошлого, о закономерностях исторической динамики демографических процессов. В одних и тех же явлениях

сегодняшнего дня, даже единодушно оцениваемых специалистами как неблагоприятные, можно видеть и проявление кризиса современных демографических отношений, и симптомы болезней роста, связанных с преодолением такого кризиса, развернувшегося на предшествующем историческом этапе (в России — во второй половине XIX — начале XX в., в период развития капитализма). Предпочтение, отдаваемое специалистами той или иной трактовке, в очень большой степени зависит от того как представляют они демографическое развитие в длительной исторической ретроспективе.

Сейчас демографы далеко не всегда достаточно надежно знают демографическую историю, поэтому в литературе постоянно встречаются взаимоисключающие либо сильно различающиеся утверждения по поводу демографических процессов, демографических отношений или демографического поведения в прошлом. Приведем несколько примеров таких утверждений, играющих важную роль при объяснении современных и ожидаемых тенденций рождаемости.

В средневековой Европе "модой (в статистическом смысле этого слова!) являлась одиодетная семья"¹.

В прошлом "высокая неконтролируемая плодовитость связана прежде всего с сознательным стремлением к многодетности"².

"Дети считались бесценным благом жизни, что приводило... к неограниченной потребности в них"³.

"Неожиданным и беспрецедентным оказалось снижение ценности детей, слишком быстрым и массовым"⁴.

"Сокращение рождаемости происходит вследствие уменьшения самой потребности в детях"⁵.

В докапиталистических формациях "после первых пяти лет брака семья постоянно пребывала как минимум в среднедетной форме (3—4 ребенка)"⁶.

"Поскольку крестьянство... не стремилось сознательно на нее (рождаемость — А.В.) воздействовать (в сторону понижения или повышения), то имея в виду и субъективную сторону, рождаемость в среде крестьянства следует назвать стихийной"⁷.

"Дети находились на периферии интересов общества и семьи... Родительская любовь существовала в неразвитых зачаточных формах"⁸.

"Происходит своеобразное "социальное возвышение" детей, которое ведет к развитию родительской любви и родительского долга"⁹.

"Теперь-то она (потребность в детях — А.В.) только и проявляется в качестве важнейшего двигателя прокреационного поведения и имеет тенденцию к усилению"¹⁰.

Сходные разночтения (иногда, может быть, только кажущиеся) имеются и во взглядах на структуру и размеры семьи, характер семейных отношений, поведение, непосредственно влияющее на здоровье и жизнь людей ("витальное поведение"), на другие стороны демографического бытия наших далеких и не очень далеких предков.

Что в подобных разноречивых утверждениях опирается на твердо установленные факты, а что относится к домыслам, к "мифологии", заполняющей пустоты незнания? Ответ на этот вопрос едва ли может быть получен до тех пор, пока историки и демографы будут работать порознь.

Большинство демографов сегодня обладают недостаточной исторической подготовкой, а их построения, касающиеся прошлого, как правило, носят отвлеченный характер. Эта умозрительность иногда получает даже нечто вроде теоретического обоснования. "Найти статистически убедительные материалы о детности семей в первые века нашего времени невозможно, поэтому усиливается роль теоретических объяснений связанных с анализом многообразных традиций многодетности"¹¹, — отмечает один из авторов, судя по контексту, имеющий в виду новое время.

Историки, вероятно, не согласятся с такой оценкой ситуации, не без оснований укажут на историко-демографические исследования, которые уже дали серьезный материал, в том числе и "статистически убедительный", позволяющий судить о многих сторонах демографического поведения семьи в прошлом. Однако верно и то, что многие исторические работы не содержат ответов на интересующие демографов вопросы и даже как будто не замечают этих вопросов. Кроме того, историко-демографические исследования, выполненные историками, иногда не удовлетворяют демографов, потому что они не опираются на достаточное знание демографии и ее методов.

Чтобы пояснить нашу мысль, возьмем очень важный и для истории, и для демографии вопрос о характере и направленности исторических изменений, переживаемых семьей. Демографов этот вопрос интересует прежде всего в связи со снижением рождаемости, которое многие из них связывают с разрушением семьи в период капитализма. Безусловно, капитализм сыграл решающую роль в разрушении средневековой патриархальной семьи. Однако можно ли согласиться с утверждением, что роль капитализма "в отношении семьи и ее функций была почти исключительно деструктивной"?¹² Цитируемый автор ссылается на слова К.Маркса о том, что "...крупная промышленность разрушает вместе с экономическим базисом старой семьи и соответствующего ему семейного труда и старые семейные отношения"¹³. Однако мысль К.Маркса прервана здесь на полуслове. В том же абзаце в "Капитале" мы читаем: "Но как ни ужасно и не отвратительно разложение старой семьи при капиталистической системе, тем не менее крупная промышленность... создает экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами"¹⁴. Эту же мысль применительно к развитию капитализма в России неоднократно подчеркивал В.И.Ленин. К.Маркс и В.И.Ленин были далеки от признания "почти исключительно деструктивного" влияния капитализма, а тем более крупной промышленности на семью, напротив, они подчеркивали и конструктивную сторону этого влияния. К.Маркс писал не о семье вообще, а о двух ее исторических формах, определенно называя новую форму "высшей".

В упомянутой трактовке происходивших перемен отразился взгляд на развитие семьи, который получил в последнее время распространение среди части наших демографов и связан с определенным видением демографического прошлого. По мнению некоторых из них, признаком деградации семьи служит ее нуклеаризация — "следствие того процесса, который вызвал отмирание многодетности. Нуклеаризация есть форма изменения семьи, со-

провожающая шествие малодетности"¹⁵. Нуклеарная семья, полагают цитируемые авторы, "всегда малодетная и потому дисфункциональная, дезорганизованная"¹⁶. Из такой констатации, естественно, вытекает следующий шаг — призыв к возрождению "расширенной" семьи прошлого. "Расширенная семья не обречена быть печальным пережитком однобоко трактуемого "традиционного" общества. Она способна раскрыть свои возможности при решении всех без исключения семейных проблем и в эпоху научно-технической революции"¹⁷.

Трудно рассчитывать на то, что "мифологема" демографов о нуклеаризации семьи как следствии "отмирания многодетности" найдет широкую поддержку среди историков. Более вероятно, что они вообще поставят под сомнение нуклеаризацию семьи как явление относительно нового времени (для России — начиная со второй половины XIX в.), а тем более его связь с уменьшением числа рождений в семье, что приобрело массовый характер уже в XX в. Подробно проанализировав результаты исследований состава русской крестьянской семьи советскими историками и связанную с этим эволюцию их взглядов, В.А.Александров приходит к выводу, что "повсеместно в среде сельского русского населения на протяжении более трех столетий (с XVI и до середины XIX в.) основой семейного строя оставалась малая семья... Определившись еще во времена Древнерусского государства в качестве самостоятельно функционировавшей общественной ячейки, малая семья в дальнейшем, безусловно, преобладала в общей структуре семейного строя"¹⁸.

Впрочем, демографы, со своей стороны, также могут высказать некоторые сомнения по поводу этого вывода историка. Конечно, он опирается на фактический материал и кажется убедительным. Но похоже, что здесь повторяется ситуация, сложившаяся несколько ранее при изучении истории западноевропейской семьи. Ее охарактеризовал американский историк Э.Шортер: "Социологи, которые первыми стали заниматься историей семьи, взяли дурную привычку раз и навсегда исходить из гипотезы, согласно которой до промышленной революции семьи были организованы как настоящие кланы или, по крайней мере, всегда были значительно "расширенными". Так как одной капли исторических знаний было достаточно, чтобы убедиться в ошибочности этой гипотезы применительно к европейскому обществу, начиная с 1960-х годов... под громкие возгласы восхищения стали открывать нуклеарную семью на каждом повороте истории... Авторы впали в противоположную крайность... они стали утверждать, что повсеместно и во все времена практически преобладала супружеская семья — отец, мать, дети и прислуга. Таким образом, они пришли к тому, что создали свою собственную фантастическую гипотезу: нуклеарная семья как историческая константа"¹⁹.

Само наличие в прошлом большого числа семей, состоящих только из родителей и детей, по-видимому, действительно подтверждается историческими исследованиями, однако к истолкованию этого статистического факта надо относиться с большой осторожностью. Полезно прислушаться к аргументации тех, кто продолжает настаивать на том, что до относительно недавнего

времени преобладающим *типом* семьи была все же семья сложная²⁰ и учесть при этом некоторые специальные аргументы, выдвигаемые демографами.

Особенно важно сознавать, что фиксируемые различные "типы" семей на самом деле "могут представлять различные фазы цикла одной и той же семейной структуры"²¹. Необходимо ясно понимать, в каких демографических условиях шло формирование семьи еще 100–200 лет назад. Для того, чтобы сложилась и была зафиксирована статистикой трехпоколенная "отцовская" семья, надо, чтобы в семье старшего поколения был хотя бы один сын, доживший до возраста, когда он может жениться и иметь детей, и чтобы хотя бы один из родителей (а в случае, когда учитываются лишь лица мужского пола, — только отец) был жив к этому моменту. В допромышленную эпоху в силу высокой ранней смертности, довольно значительного бесплодия, частых выкидышей и других подобных обстоятельств вероятность выполнения указанных условий была невысока.

Поэтому даже если большинство людей стремилось к созданию и сохранению многопоколенных неразделенных отцовских семей, то совершенно неизбежным было большое число несостоявшихся или частично состоявшихся неразделенных семей. Во втором случае возникала, например, "братская" семья — сложная, но двухпоколенная. В первом же случае очень часто образовывалась семья, состоящая только из родителей и детей, которая и трактуется исследователями как малая, нуклеарная. Но вернее было бы назвать ее "квазинуклеарной", ибо ее нуклеарность — вынужденная. Подобные малые семьи не стремятся сохраниться или воспроизвести себя в том же виде, а при малейших благоприятных условиях превращаются в сложные. Известны различные способы искусственного преодоления "нуклеарности", возникающей в силу неблагоприятных демографических обстоятельств, таких, как примачество, усыновление (иногда взрослых мужчин) и т.п. Все это могло несколько сократить число малых семей, но едва ли было способно изменить общую статистическую картину распределения семей по составу и величине, сделать незначительной долю тех из них, которые можно было бы назвать нуклеарными. Однако *идеалом* все же оставалась сложная, неразделенная семья — и, вероятно, не только в смысле состава ее членов, но и в смысле характера внутрисемейных отношений.

Малая супружеская семья, скорее всего, ровесница сложной, не разделенной, ее постоянная спутница. Количественно она могла даже преобладать. Но если иметь в виду качественные, ценностные аспекты их длительного сосуществования, то едва ли стоит говорить о "преобладании" малой семьи или даже о ее "противоборстве"²² с неразделенной семьей. Скорее речь должна идти об их своеобразном симбиозе. Несмотря на наличие в каждый данный момент достаточно большого числа малых семей, на протяжении столетий до XIX в. нет указаний на массовое вытеснение одной формы другою.

Малая семья, группирующаяся вокруг супружеского ядра, могла существовать самостоятельно, выполнять свои экономические, социальные и демографические функции, но она никогда не противостояла сложной семье, а скорее ощущала свою неполноценность, незавершенность по сравнению с

нею и всегда сохраняла готовность превратиться в многопоколенную. В данном случае речь идет о вопросе хотя и спорном, но все же основательно исследованном историками. Когда же мы хотим углубить понимание не только фактической стороны демографических явлений в прошлом, но движущих сил демографического поведения наших предков, его социально-экономических и социально-психологических оснований, порою вовсе не на что опереться.

Для демографов, например, очень важен вопрос: что побуждало людей во все эпохи стремиться к рождению большого числа детей? Вероятно, высокая рождаемость должна была быть экономически выгодной семье. Но так ли это на самом деле? Какие факты надо выявить и изучить, чтобы ответить на этот вопрос? Как, например, обстояло дело с экономической выгодностью детей в русской дореформенной и пореформенной деревне? Многие демографы, исходя скорее из общих соображений, нежели из фактов, склонны видеть только экономические плюсы многодетности. В демографической литературе постоянно повторяется один и тот же аргумент: дети рано начинали помогать родителям, а их воспитание обходилось очень дешево. Но, во-первых, и достаток семьи был совсем не тот, что сейчас. Не зря старая пословица гласила: "Сын да дочь, да и тех кормить невмочь". Во-вторых, были и другие статьи расходов. Чего стоило, например, девичье приданое! Один из исследователей, хорошо знавший быт предреволюционной русской деревни, утверждал, что "рождение девочки в семье рассматривается главой семьи как несчастье: оно несет разорение ей, и чем больше девочек, тем глубже оно"²³. Источник забот — приданое, особенно его главная часть — так называемый "наряд" — личное женское имущество по веками выработанной норме. По оценке цитируемого автора, его стоимось равна или почти равна стоимости всего хозяйства, причем эти средства отрываются от хозяйственных нужд.

Опять-таки это одно из многих соображений, которое следовало бы учесть, рассуждая об экономических плюсах и минусах высокой рождаемости для крестьянской семьи. А хорошо было бы иметь исследования, обобщающие все подобные соображения, — они были бы в равной степени важны и для историков, и для демографов.

Но даже если мы получим убедительный ответ на вопрос об экономической выгоды или невыгоды большого числа детей в семье, надо еще понять, как эта выгода или невыгода могла влиять на реальное демографическое поведение. Была ли вообще экономическая выгода единственным или даже главным мотивом семейного, демографического поведения крестьян? Можно считать доказанным, что крупные семьи больше отвечали требованиям земледельческого хозяйства как в дореформенное, так и в пореформенное время, в среднем такие семьи бывали более зажиточными. Тем не менее крестьянские семьи достаточно часто стремились к разделам, несмотря на постоянное противодействие властей. Стало быть, существовали какие-то другие мотивы их поведения. Что это были за причины, следует ли принимать их во внимание, когда речь идет об отношении крестьян к рождению детей, к заботе об их выживании?

Эти вопросы также пока остаются открытыми. Однако и ответив на них, мы все еще не сможем с достаточной полнотой судить о двигателях демографического поведения в прошлом. Остается еще очень важный вопрос о степени сознательности этого поведения. Говоря о сознательном (не в противовес бессознательному, а в противовес стихийному) поведении, мы имеем в виду такое поведение людей, которое осуществляется в соответствии с заранее поставленной целью в условиях свободы выбора целей и средств их достижения. У современного человека такая свобода выбора, разумеется, в определенных, социально очерченных границах — есть, он может менять цели и методы своего демографического поведения, каждый раз заново оценивая свою жизненную ситуацию и приспособляясь к ней: может отказаться от рождения, отложить его до более удобного времени и т.п., причем способен к этому не только технически, но и социально, социально-психологически. В какой мере к такому поведению была способна крестьянская семья, для которой все, что относится к рождению ребенка или сохранению его жизни, находилось в магическом круге, куда не было доступа человеку? Если выбор у нее все же был, тогда действительно надо искать более или менее рациональные критерии такого выбора — экономические, социальные и т.п. Если же выбора не было или почти не было, тогда демографическое поведение семьи надо описывать в каких-то иных терминах и понятиях, найти их — тоже общее дело историков и демографов.

Что представляли собой внутрисемейные отношения, какое место занимали в них дети? Что такое супружеская и родительская любовь в прошлом — то же, что и сейчас, или нечто совсем другое? Нельзя не видеть, что сейчас эти отношения нередко изображаются в подслащенных тонах, представляются гораздо менее грубыми, отчужденными, чем в изображении современников. Порой создается впечатление, что семейные добродетели в нашем сегодняшнем понимании и в понимании наших предков ничем не различаются, а в смысле следования этим добродетелям мы даже хуже. Например, революционный историк пишет о том, что "в отношениях между полами... видели одно лишь животное влечение"²⁴, а современный автор, рассуждая о супружеской любви в прошлом, пишет о "нравственно преображенном, духовно пресуществленном эротическом влечении"²⁵ и требует, чтобы мы вернулись к ценностям супружеской любви в духе прошлых эпох. Кто из них прав? И какой должна быть методология подхода к подобным вопросам? Предположим, что мы согласимся с тем, что во взаимоотношениях супругов господствовали "отношения взаимного уважения, взаимной заботы, преданности"²⁶. Однако все эти слова могли иметь совсем не то "наполнение", что сейчас. Сколько, например, писалось о патриархальном согласии помещиков и крепостных, о преданности, даже о любви к "своему" барину и т.п. Однако историки прекрасно умеют отличать историческую обусловленную связанность людей в условиях их личной зависимости от любви и преданности в современном смысле слова. Когда же речь заходит о семье, историческое чутье нам нередко изменяет, и вместо реальных противоречий жизни мы видим в прошлом лишь достойный оплакивания "золотой век", с воз-

вратом к которому связываем решение сегодняшних проблем. Так появляются предложения вернуться к расширенной семье, к прежнему пониманию супружеской любви, "изменить современную ситуацию, в которой большинство родителей не ожидают от своих детей... помощи и поддержки в старости"²⁷, "возродить... понятие продолжения рода и фамилии, добиться, чтобы у семьи вновь появилось желание иметь сыновей. В тех регионах нашей страны, где до сих пор отдается предпочтение мальчикам... надо способствовать сохранению этих традиций"²⁸ и т.д.

Давно известно: в карете прошлого далеко не уедешь. Конечно, историческое развитие создает непреходящие ценности, усвоение которых обязательно для каждой последующей эпохи. Но такие ценности должны выявляться научным знанием, не исходя из принципа оппозиции настоящему, как это нередко бывает, а на основе глубокого изучения соответствующей исторической реальности, которая была уж во всяком случае не менее противоречива, чем сегодняшняя. Именно анализ *реальных противоречий* в сфере воспроизводства населения в прошлом позволяет не только освободиться от идеализации демографических отношений и демографического поведения былых времен, но и лучше понять действительный генезис нынешних отношений, нынешнего поведения и нынешних проблем в демографической сфере, а значит подойти к научному осмыслению и совершенствованию затрагиваемой ее практической деятельности общества. В этом можно было бы видеть главный смысл сотрудничества историков и демографов в рамках той дисциплины, которая называется "историческая демография".

- ¹ Синельников А.В. Проблемы взаимосвязи рождаемости и смертности // Проблемы воспроизводства и занятости населения. — М., 1984. — С. 17.
- ² Дарский Л.Е. Формирование семьи. — М., 1972. — С. 160.
- ³ Козлов В.И. Этническая демография. — М., 1977. — С. 118.
- ⁴ Антонов А.И. Снижается ли ценность детей? // Рождаемость: Известное и неизвестное. — М., 1983. — С. 78–79.
- ⁵ Борисов В.А. Возможности и границы социального контроля репродуктивного поведения семьи // Демографическое поведение семей. — Ереван, 1975. — С. 122.
- ⁶ Антонов А.И. Социология рождаемости. — М., 1980. — С. 210.
- ⁷ Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половине XIX в.). — Новосибирск, 1979. — С. 137.
- ⁸ Вишневский А.Г. Культура и социальное управление демографическими процессами // Изучение истории культуры как системы. — Новосибирск, 1983. — С. 76.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Вишневский А.Г. О мотивационной основе рождаемости // Демографическое развитие семьи. — М., 1977. — С. 146.
- ¹¹ Антонов А.И. Социология рождаемости. С. 210.
- ¹² Дарский Л.Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи. — М., 1979. — С. 108.
- ¹³ Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 23. — С. 500.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Антонов А.И., Борисов В.А. Семья как объект социально-демографического управления // Региональные особенности воспроизводства населения и вопросы демографической политики. — Ереван, 1983. — С. 91.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.

- ¹⁸ Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России (XVIII — начало XIX в.) — М., 1984. — С. 68.
- ¹⁹ Shorter E. The making of the modern family. — N.Y., 1975. — P. 40.
- ²⁰ Вишневский А.Г., Кон И.С. Предисловие // Брачность, рождаемость, семья за три века. — М., 1979. — С. 3—13; *Этнография* русского крестьянства Сибири: XVII — середина XIX в. — М., 1981. — С. 50.
- ²¹ Berkner L.K. The use and misuse of census data for the historical analysis of family structure // J. interdisciplin. hist. — 1975. — Vol. 4. — P. 729.
- ²² Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе. — М., 1941. — С. 219.
- ²³ Внуков Р.Я. Противоречия старой крестьянской семьи. — Орел, 1929. — С. 7.
- ²⁴ Костомаров Н. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI — XVII столетиях. — СПб.; М., 1887. — С. 146.
- ²⁵ Давыдов Ю.Н. Семья и страсть // Социол. исслед. — 1985. — № 3. — С. 168.
- ²⁶ Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первой половине XIX в.). — Новосибирск, 1979. — С. 137.
- ²⁷ Мионов Б.И. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. — М., 1977. — С. 100.
- ²⁸ Синельников А.Б. Проблемы взаимосвязи рождаемости и смертности // Проблемы воспроизводства и занятости населения. — М., 1984. — С. 17.

С.Н.БИБИКОВ, П.П.ТОЛОЧКО ПРОБЛЕМЫ ПАЛЕОДЕМОГРАФИИ И ПАЛЕОЭКОНОМИКИ (Археологический аспект исследований)

К.Маркс, открывший закон народонаселения, писал, что всякому исторически особенному способу производства свойственны свои, имеющие исторический характер законы народонаселения¹. В сказанном заключено само содержание общего закона народонаселения, его социальная сущность, конкретность и историчность. Много сделал для его разработки и углубления В.И.Ленин. Он указывал, что ставить вопрос о населении на социально-экономическую почву — "это значит исследовать закон народонаселения каждой исторической системы хозяйства и изучать его в связи с данной системой"².

Таким образом, знание состояния и развития природных ресурсов, экономического потенциала, количественной, технической и социальной характеристик сообществ дает возможность правильно понять их социально-экономическую сущность, место в общепроцессе. Именно материалистические теоретические посылки, связанные с законом народонаселения, направляют исследовательскую мысль на поиск исторически обусловленных причинностей множества конкретных явлений.

Вероятно, в этих исследованиях и нужно искать ответы на многие проблемы изменений в социально-экономических структурах, в том числе и экологических, кризисных проявлений в базисных сферах сообществ, детерминированность миграций, причинность и формы их в различных исторически сложившихся условиях, возникновение и освоение новых видов хозяйств, военных конфликтов. И даже находить объяснение переходу от присваивающих форм хозяйства к производящим, а в условиях становления раннеклассовых структур — динамике расширенного воспроизводства. Общий за-

кон народонаселения проявляется в конкретных исторических условиях конкретных исторических обществ³.

В настоящей статье мы коснемся двух социально-экономических формаций: первобытно-общинной (доклассовой) и феодальной (раннеклассовой).

Сложилось так, что изучение древних и средневековых сообществ с применением палеодемографии у нас в стране началось сравнительно недавно. Начало и первые шаги в направлении палеодемографии были сделаны, по существу, лишь в 50-х годах XX в. В.И.Козловым и М.С.Авербухом. При этом нужно иметь в виду, что основным содержанием почти всех трудов остается разбор историко-демографических тем, которые преимущественно относятся к классовым обществам.

Дискуссии между А.Г.Вишневским, В.И.Козловым, М.С.Авербухом, А.Я.Поповым, Л.А.Баграмовым и другими не всегда дают ответ на главные методологические проблемы соотношений общего с частным. Поэтому, например, привязки проблем народонаселения к общей периодизации истории первобытного общества (по Энгельсу-Моргану), к археологической периодизации или к хронологически нечетким социологическим построениям носят в значительной степени искусственный характер.

Давно ведется спор о самом содержании вынужденных миграций. Известно, что разные исторические причинности при низком и высоком развитии производительных сил порождают сходство явлений. Поэтому нельзя без убедительных доводов отрицать миграции под воздействием абсолютных перенаселений на ранних этапах истории человечества. Позднее, с ростом производительных сил и особенно в условиях расширенного воспроизводства, перенаселения становятся относительными. Так называемый "закон убывающего плодородия почв" тоже следует рассматривать в историческом плане. Одно дело, когда речь идет о раннеземледельческих сообществах, например, трипольских (юго-восток Европы), т.е. с IV тыс. до н.э. У них полное незнание приемов совершенствования плодородия почв приводило к истощению и оставлению неплодоносящих земель, к организации новых поселков и пахотных площадей (Т.С.Пассек, Е.Ю.Кричевский и др.). Другое дело — эпохи феодализма и капитализма. Здесь истолкование этого закона в духе мальтузианства (С.Н.Булгаковым и др.) справедливо вызвало отрицательную реакцию.

Следует отметить, что взгляды К.Маркса и В.И.Ленина на законы народонаселения и вынужденные миграции вошли в теоретический арсенал историко-археологической науки с запозданием (1957 г.), после преодоления устаревших взглядов 30-х и более поздних годов. И, думается, напрасно некоторые демографы сетуют на археологию, якобы неспособную обогатить демографическую науку⁴. Они смотрят на археологию с узкопрофессиональных позиций, не вникая в существо ее источниковедческих возможностей и не ведая о том, что сделано ею в теоретическом и конкретно-историческом отношении.

В последние десятилетия наметился тесный контакт археологической науки с демографией и исторической географией. Палеодемографические выкладки, построенные на археологических материалах, сопровождаются ана-

лизом палеоэкономического состояния изучаемых обществ. При этом устанавливается не только род занятий сообществ, но и совокупность производственных отношений в них. В изучении первобытно-общинной формации археологические источники являются главными для выявления закономерностей развития общественных и хозяйственных форм, помогают выяснить сам механизм движения их, причинность некоторых надстроечных явлений. Сказанное справедливо и для раннефеодальной стадии развития общества.

В центре внимания ученых находится также проблема видовой смены человека на рубеже раннего и позднего палеолита, содержание и динамика известного "скачка" в его конкретном выражении. Предстоит еще многое сделать по изучению ряда вопросов эконологии палеолита и мезолита, истолкованию причинности кризисных состояний в общественном прогрессе, выяснению количественных колебаний численности населения в историческом разрезе и в разных регионах, совершенствованию статистических методов в археологии. Нужно исследовать процессы расселения человека с древнейших времен в Восточном полушарии планеты. К слову, трудно было предугадать необычайно раннее, как это теперь археологически установлено, расселение первобытного человека на территории от Атлантического океана до Тихого и от Индийского до Северного Ледовитого. Конечно, при анализе причин столь крупных миграций (как и автохтонных путей развития) больших массивов человечества, остается много неясностей, много спорных проблем. Но без прямого участия палеоэкономики и палеодемографии в их решении не обойтись.

Приведем здесь в самом кратком изложении разработки, открывшие новые познавательные перспективы палеодемографии. Недавно была издана работа Н.А.Береговой — справочное издание, которое содержит систематизированный и аннотированный перечень палеолитических местонахождений палеолита и отчасти мезолита в СССР, известных на 1970 г.⁵ Изучение этой сводки выявляет определенную тенденцию очень крупного возрастания численности местонахождений соответственно принятому хронологическому членению палеолита. К древнему палеолиту (домустьерское время) относятся 202 местонахождения, к среднему палеолиту (мустьерское время) — 572 местонахождения, к верхнему, или позднему палеолиту (селетско-маденское время) — 1596 местонахождений. Приведенные показатели необходимо воспринимать в определенных и очень разновеликих временных соотношениях. На период жизнедеятельности раннепалеолитических сообществ счет времени определяется сотнями, для верхнего палеолита — десятками тысячелетий.

Данные, приведенные в сводке Н.А.Береговой, удалось значительно пополнить, анализируя карты палеолита, составленные в последнее десятилетие по отдельным крупным регионам — Поднестровью (А.П.Черныш), Молдавии (Н.А.Кетрару), Белоруссии (В.Ф.Исаенко) и др. В результате, информативные возможности источника о демографическом состоянии и размещении палеолитических сообществ на огромнейших пространствах — и не только в европейской части СССР — неизмеримо возросли. Стало возможным объяснить

концентрацию таких сообществ в отдельных регионах страны, связав ее не только с экономическими причинами, но и с состоянием окружающей природной обстановки. Оказалось вполне осуществимым статистически подтвердить различие путей развития палеолитических объединений во всей приледниковой полосе вюрмского века (атлантическая зона) и южной полосы Старого Света. Для СССР — это территория, куда входят Крым и Кавказ. В европейской части СССР сейчас насчитывается более 600 древнепалеолитических памятников, тогда как позднепалеолитических вдвое больше. Но эти общие данные очень легко могут исказить саму суть культурно-исторического содержания или прогресса первобытных сообществ. В Крыму и на Кавказе и далее к югу наблюдается совершенно обратное соотношение между памятниками древнего и позднего палеолита, которое может быть выражено пропорциями 46:4 (Крым) и 162:65 (Кавказ). Имеют место и иные региональные соотношения, иногда объяснимые природной средой того времени. Можно сделать ряд обобщающих выводов по некоторым регионам палеолита. К примеру, археологические и статистические данные указывают на то, что именно в суровой зоне приледниковья вюрма, охватывающей почти всю южную половину Восточной Европы, а также и западную часть материка, в эпоху позднего палеолита наблюдается необычайно высокий и динамичный рост производительных сил, качественно новое содержание производственной и социальной жизни сообществ. В то же время наблюдается и резкий демографический "скачок", или "взрыв". Такое, казалось бы, парадоксальное явление в зоне, совсем неприспособленной к облегченным условиям жизни и сохранения потомства, на самом деле вполне объяснимо с позиций материализма. В дальнейшем, как показали исследования, этот подъем, развиваясь в других внешних условиях, привел к кризису охотничьего хозяйства, к началу воспроизводящих форм хозяйства — растениеводству и животноводству, становление которых прослеживается уже в эпоху мезолита. Процесс этот в палеодемографическом его проявлении уже освещался в нашей науке.

Между экономическими и природными причинностями и демографическими сдвигами имеется прямая взаимосвязь. Исторически позднее связь эта значительно осложнится и не будет столь тесной.

Весьма важным представляется познание общественных явлений и процессов для эпохи феодализма. Бурные качественные изменения во всех областях жизни древнерусского общества — социально-экономической, политической, этнической, культурной и других невозможно постичь без изучения исторической демографии, без знания хотя бы в первом приближении динамики численности населения и его естественного движения в Древнерусском государстве.

В письменных источниках не содержатся качественные статистические данные о населении Руси. Поэтому закономерно использование в историко-демографических исследованиях археологических данных. Первый опыт таких разработок показывает их перспективность.

Историко-демографические исследования должны опираться на данные исторической географии. Имеются обстоятельные работы регионального и

межрегионального плана, в которых произведен максимально полный учет известных на сегодняшний день археологических памятников, даны их типологические и хронологические определения. Используя их, можно достаточно обоснованно устанавливать относительную численность населения в пределах отдельных земель и всей страны на различных этапах истории.

Проанализируем свод укрепленных поселений Древней Руси IX—XIII вв., составленный А.В.Кузой⁷, а также ряд региональных историко-географических исследований, в которых осуществлено картографирование и хронологическое определение археологических памятников Среднего Поднепровья, Смоленщины, земли вятичей, Черниговщины, Подмоскovie и др.

Из общего числа 862 укрепленных центров, привлеченных А.В. Кузой для типологического изучения, 181 датируется IX — началом XI в., 244 — XI — началом XII в. и 437 — серединой XII — серединой XIII в. В процентном выражении ситуация выглядит следующим образом: на первом этапе появилось несколько более 20 % укрепленных поселений от общего их числа, на втором — почти 30 % и на третьем — около 50 %. Как видно, рост наблюдается в течение всего периода существования Древнерусского государства. Его пик в абсолютных цифрах приходился на третий период, а в темпах роста — на второй. Отчетливо выделяются несколько очагов своеобразного демографического "взрыва": в XI—XII вв. — это Среднее Поднепровье, в XII—XIII вв. — Юго-Западная Русь, Волго-Окское междуречье, бассейн Верхнего Днепра и Западной Двины.

Важные данные для выяснения динамики демографической ситуации на северо-востоке Руси получены в последние годы. Оказалось, что бурные процессы градообразования в далекой земле вятичей происходят, по существу, только в XII—XIII вв., причем не за счет уменьшения числа сельских поселений, которые также обнаруживают тенденцию к умножению. Из общего числа селищ IX—XIII вв. бассейна Верхней и Средней Оки 23 % возникло в VIII—X вв., 34 % — в XI — начале XII в., 36 % — во второй половине XII — середине XIII в. (Т.Н.Никольская). Сплошное археологическое обследование территории современной Московской области, предпринятое Р.Л.Розенфельдом, показало, что в XII—XIII вв. население здесь увеличилось примерно в пять раз по сравнению с IX—X вв.

Из всей массы укрепленных поселений (всего около 1200) примерно около 80 можно отнести к категории несомненно городских. По периодам они распределяются следующим образом: 30 появилось в IX — начале XI в., 18 — в XI — первой половине XII в. и 30 — в середине XII — середине XIII в. Если исходить из приведенной статистики, можно сделать вывод, что процессы градообразования на Руси интенсивнее проходили на первом и третьем этапах. Однако до внесения в эту статистику еще одного показателя — городской площади на различных стадиях развития — заключение будет преждевременным. Примерный учет общего фонда площади в пределах укрепленных частей древнерусских городов дает такие цифры: в IX—X вв. он равнялся 250—300 га, в XI—XIII вв. — около 600 га и в XII—XIII вв. — более 2 тыс.га. В действительности, реальная площадь городов на различных хронологиче-

ских этапах была значительно большей. Учет неукрепленных частей средних и малых городов увеличил общую площадь городов в XII—XIII вв. до 3200—3500 га. Используя полученную на материалах древнего Киева среднюю цифру плотности городского населения 130 чел./га, получим в древнерусских городах в канун монголо-татарского нашествия примерно 450 тыс. чел.

В свое время были предприняты попытки определения численности населения всей территории Древней Руси. Б.Ц.Урланис полагал, что к XIII в. оно исчислялось 7 млн чел., в сводной таблице динамики численности населения по странам мира, составленной В.И.Козловым, население России (видимо, надо понимать Древней Руси) в 1000—1300 гг. определяется 10—15 млн чел. Предположив близкой к реальной среднюю цифру, можно сказать, что городское население в XII—XIII вв. составляло около 5 % общего демографического потенциала страны.

Установление фактов тех или иных демографических изменений (будь-то в масштабах конкретного населенного пункта или целого региона) немного стоит, если не видеть в них отражение определенных закономерностей социально-экономического и политического развития страны. Уже давно установлено, что при феодализме постоянно имела место относительная перенаселенность. Ее главной причиной следует считать развитие производительности труда, в результате чего часть населения как бы выталкивалась из сферы производства в одном месте и должна была искать приложение своих сил в другом. Происходило это чаще всего лишением части производителей средств производства. Поскольку основную массу населения Древней Руси составляли крестьяне, а главной отраслью производства было сельское хозяйство, то именно здесь и образовывались излишки населения. Оно уходило в окраинные районы страны осваивать новые земли. Речь идет, по существу, о земледельческой колонизации, имевшей наиболее четкое проявление на северо-востоке Руси. Демографический "взрыв", наблюдаемый здесь в XII—XIII вв., происходил не столько за счет внутреннего потенциала региона, сколько благодаря переселению сюда значительного количества населения из Южной Руси. Избыточное сельское население являлось основой и для роста древнерусских городов. Их размеры и количество в том или ином регионе находятся в прямой зависимости от уровня его экономического развития и общего демографического потенциала.

Исследование проблем исторической демографии вносит существенные коррективы в наши представления о социально-экономическом и государственном развитии Древнерусского государства. Со времен Н.М.Карамзина в историографии бытует мнение, что ослабление централизующего значения Киева и Южной Руси в XII в. связано с их экономическим упадком. Он же был вызван перемещением путей международной торговли, частыми междоусобицами, постоянными вторжениями в пределы Южной Руси половцев, орд, вследствие чего произошел "отлив" населения южнорусских земель на северо-восток (Н.М.Карамзин, М.Н.Покровский, С.В.Юшков, Б.Д.Греков и др.). Перечисленные факторы имели место в русской истории XII в., в том числе и "отлив" южнорусского населения в другие районы Руси.

Между тем, вывод из них сделан неверный. Логическое предположение историков, что исход переселенцев из Южной Руси оказал отрицательное воздействие на ее экономическое развитие, не подтвердилось. Археология свидетельствует, что никакого упадка или торможения производительных сил в Южной Руси в XII–XIII вв. не было. Наоборот, здесь, как и по всей стране, имел место новый подъем экономики и культуры. Следовательно, есть все основания утверждать, что в этом случае мы имеем дело с явлением ухода относительного избыточного населения.

Сказанным не исчерпываются наши познания о демографической картине европейской части СССР в первобытно-общинную и раннеклассовую эпохи. Однако предстоит еще выполнить огромную работу по определению тенденций развития производительных сил, демографических процессов, картографированию и выяснению типологического многообразия поселенческих структур, фиксации имевших место естественных и общественных катаклизмов.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 23. — С. 646.

² Ленин В.И. Экономическое содержание народничества // Полн. собр. соч. — Т. 1. — С. 476.

³ Ленин В.И. Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни // Там же. — С. 36; Ленин В.И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века // Там же. — Т. 17. — С. 81.

⁴ Козлов В.И. Особенности воспроизводства населения в доклассовом и раннеклассовом обществе // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. — М., 1982. — С. 10.

⁵ Береговая Н.А. Палеолитические местонахождения СССР (1958–1970 гг.) — Л., 1984. — С. 170.

⁶ Толочко П.П. Древний Киев. — Киев, 1983. — С. 327.

⁷ Куза А.В. Социально-историческая типология древнерусских городов X–XIII вв. // Русский город. — М., 1983. — С. 4–36.

П.В.ВАСИЛИК ЦИКЛЫ ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И АКЦЕЛЕРАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА

Морфологические особенности человека со временем изменяются. Так, вековая тенденция, обнаруживаемая на скелетных сериях неолита и бронзового века, проявляющаяся в уменьшении толщины костей, сужении лицевого скелета и ослаблении рельефа, получила название "грацилизации". Другая тенденция — расширения головы — получила название "брахицефализации". В настоящее время развивается третья тенденция — ускорения роста и развития человека: "акцелерация". В.В.Бунак пришел к выводу, что у брахицефалов интенсивность роста диаметра черепа повышена в первом детстве. В связи с этим он полагал, что брахицефализация может быть связана с акцелерацией¹. Он же предположил, что грацилизация также может быть связана с акцелерацией. Проведенный анализ данных о наблюдаемом сейчас процессе акцелерации показал, что он сопровождается увеличением массивности костей скелета². Отсюда следует предположение, что процесс уменьшения массив-

ности, грацилизация, связан с процессом замедления роста и развития организма, с ретардацией. В результате возникла схема, которая позволила объединить все три вековые тенденции как проявления единого векового процесса, в основе которого находятся изменения скорости роста и развития человека³. Г.Ф.Дебеч отмечал, что бесспорные случаи сохранения расовых признаков при изменении таких сложных факторов, как форма хозяйства, состав пищи, климатические факторы, ставят исследователей перед задачей поиска не найденных факторов среды, которые в состоянии изменять выраженность морфологических признаков в ряде последовательных поколений⁴. Сравнительный анализ векового хода массивности костей скелета древнего населения Украины за семь тысячелетий (с VI тыс. до н.э. до середины II тыс. н.э.), а также размеров костей некоторых диких и домашних млекопитающих с вековым ходом изменений магнитного поля Земли показал, что имеет место параллельность изменения биологических и геофизических параметров. Этот факт был положен в основу гипотезы о причинно-следственной связи указанных процессов⁵. Изучение влияния естественных геофизических факторов на динамику весового роста детей разных возрастных групп и некоторых млекопитающих показало, что ритмические вариации напряженности геомагнитного поля и ритмы геомагнитной активности влияют на формирование ритмов весового роста. Это подтверждает выдвинутую гипотезу⁶.

Анализ векового хода изменений морфологических признаков человека и животных показал, что процессы акцелерации развиваются циклично и наиболее выражен цикл с периодом около 8000 лет. Эти циклы подобны циклам такого фактора акцелерации, как магнитное поле Земли. Существование цикла с периодом около 600 лет постулировалось на основании данных о возрасте вступления в брак в некоторых городах Англии в XVI–XVIII вв.⁷, о динамике периодов расцвета и периодов упадка в истории Древнего Египта⁸, о волнообразной динамике населения в странах Западной Европы в X–XVIII вв.⁹ Учитывался также около 600-летний цикл вариаций геомагнитного поля. Следует отметить, что длительность этого цикла может изменяться от 300 до 900 лет.

Около 60-летний цикл акцелерации был обнаружен при анализе изменений длины тела человека, а также изменений размеров некоторых животных¹⁰. Анализ динамики наступления возраста менопаузы у женщин в европейских странах, изменения длины тела юношей призывного возраста, изменения возраста появления менархе у девочек за период около 100 лет позволили выделить около 22-летний цикл акцелерации¹¹.

Акцелерация сказывается на различных проявлениях жизнедеятельности организма. Она выражается в ускорении роста и развития, увеличении длины тела взрослого населения, ускорении развития психики, увеличении продолжительности жизни, снижении смертности новорожденных. Последнее проявление наряду с более ранним наступлением половой зрелости и более поздним наступлением возраста менопаузы, из-за чего удлиняется репродуктивный период женщин, существенно влияет на динамику демографических процессов. В связи с тем, что акцелерация приводит к более продолжительно-

му сохранению элементов игрового поведения в развитии личности (а такие элементы являются творческой компонентой личности), популяция акцелерированных людей будет вести себя по-иному при взаимодействии со средой или с другой популяцией.

Акцелерация и ретардация являются процессами, которые приводят к некоторым изменениям телесной организации человека, изменениям его психофизических характеристик. Они представляют собой некоторое изменение самой природы человека. Результаты этих изменений сказываются на поведении сообществ людей намного сильнее, чем изменение климатических условий обитания. Поэтому представления о том, что увлажнение или усыхание Великой степи являются причиной миграционных движений в истории кочевых народов¹², нуждаются в дальнейшем анализе.

Важной особенностью около 600-летней вариации геомагнитного поля является ее ограниченность в пространстве и западный дрейф. Оценки скорости западного дрейфа лежат в пределах 0,08–0,30 градусов в год, что соответствует 8,90–33,40 км в год на экваторе. Процессы акцелерации и ретардации в разных странах должны были протекать не одновременно, а по мере движения, дрейфа вариаций геомагнитного поля на запад. Это приводило к неодновременности демографических взрывов и убылей численности населения в разных странах. Процессы демографических подъемов и спадов должны были наблюдаться на Востоке несколько раньше, чем на Западе. Эту особенность восточного опережения демографических взрывов можно проследить, сравнивая, например, историю около 600-летних циклических подъемов и спадов экономического и военного могущества в Двуречье и Древнем Египте (в Двуречье подъемы наблюдались на сотню-другую лет раньше, чем в Египте), у восточных кочевых народов и их западных соседей¹³.

Важной особенностью является наличие значительного пространства, территории, население которой не охвачено акцелерацией между двумя участками, где акцелерация может наблюдаться. Так, в I в. н.э. подъемы испытывали Рим и Парфия, а между ними лежала Греция, находившаяся в то время в глубоком демографическом спаде¹⁴.

Охваченное акцелерацией и быстро растущее численно население одной страны могло иметь ряд преимуществ, особенно в военном отношении, перед соседними странами, в которых акцелерация еще или уже не наблюдалась. С периодами убыли численности населения вследствие ретардации можно связать упадок хозяйства и городов, превращение страны в легкую добычу для различных, даже плохо организованных набегов соседей. Причем отряды этих соседей иногда настолько немногочисленны, что в обычное время они не представляли бы никакой серьезной опасности. Только глубокий демографический спад и вызванное им ослабление экономики делали невозможным серьезное сопротивление. С этой точки зрения можно объяснить и самостоятельный упадок ряда цивилизаций, где археологические методы не обнаружили следов каких-то набегов воинственных пришельцев¹⁵.

Таким образом, в основе предлагаемой схемы лежит представление о том, что процессы акцелерации, процессы изменения психофизических ха-

рактеристик человека изменяются неодновременно в разных странах, сдвигаются в пространстве и циклически пульсируют во времени. Это приводит к подобной динамике и в зависящих от них процессах историко-демографического развития.

С указанным около 600-летним циклом связан во многом еще неясный механизм возникновения переселения народов. На какой-то фазе демографического цикла создается критическая ситуация, запускающая этот механизм, что приводит к возникновению циклов переселения, причем на Востоке несколько раньше, чем на Западе.

Изменение в результате акцелерации психофизических характеристик молодежи на фоне демографического взрыва могло служить важным звеном в консолидации и возникновении нового этноса. Повторяясь циклически в течение веков, такие процессы могли приводить к картине пульсирующего этногенеза.

Известно, что новые технологии земледелия и скотоводства получают максимальное распространение в Европе и Азии в V и, особенно, в IV тыс. до н.э. На этот же период, т.е. середину и конец IV тыс. до н.э., приходится максимум около 8000-летнего цикла акцелерации, обнаруживаемый при анализе антропологических материалов. Поэтому около 600-летний цикл, который пришелся на то время, достиг наибольшей выраженности, что должно было проявиться как в стремительном росте численности населения, так и в хозяйственной и, в частности, в строительной активности (период строительства великих пирамид в Египте). Если учесть, что в процессе акцелерации дольше сохраняются игровые, творческие аспекты поведения личности, то можно полагать, что и в открытии технологии земледелия и скотоводства она сыграла свою роль.

В заключение можно сделать следующие выводы.

Особенности телесной организации человека, его психофизические характеристики в течение веков претерпевают циклические изменения, которые существенно влияют на производство средств жизни и воспроизводство человека и вызывают заметные циклические изменения в соответствующих сферах общественного производства, способствуя выраженной цикличности историко-демографического развития.

Распространенное изображение динамики демографических процессов в историческом прошлом в виде плавной экспоненты нельзя уже признавать удовлетворительно отражающим современный уровень знаний. Современным представлениям больше соответствует изображение динамики народонаселения в виде пульсирующей кривой. Это принципиально изменяет математическое описание процессов, так как требует привлечения нелинейных уравнений. В связи с этим и прогнозы численности населения могут стать другими¹⁶.

На какой-то фазе около 600-летнего демографического цикла запускается во многом неизученный механизм переселения народов, последствия которого могли оказать существенное влияние на последовательность археологических культур.

Важным моментом в формировании нового этноса из разнородных элементов является вызванная акцелерацией в процессе около 600-летнего цикла волна демографического взрыва, а также изменение, в связи с акцелерацией, психофизических характеристик молодежи. Эти процессы, повторяясь циклически, могли приводить в течение веков к картине пульсирующего этногенеза.

- ¹ Бурак В.В. Структурные изменения черепа в процессе брахицефализации // Тр. V Всесоюз. съезда анатомов, гистологов и эмбриологов. — Л., 1951. — С. 51–59.
- ² Василик П.В. Параллельность векового хода некоторых геофизических и биологических процессов // Медицинская кибернетика. — Киев, 1974. — С. 17–28.
- ³ Василик П.В. Параллельность векового хода изменений морфологических признаков человека и некоторых других млекопитающих в голоцене // Там же. — 1975. — С. 8–17.
- ⁴ Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. — М., 1948.
- ⁵ Василик П.В. Геомагнитная гипотеза акцелерации и некоторые эволюционные процессы // Космические факторы и эволюция органического мира. — М., 1974. — С. 115–132.
- ⁶ Василик П.В., Галицкий А.К. Системный анализ влияния факторов внешней среды на ритмы изменения веса детей ясельного возраста // Кибернетика и вычисл. техника. — 1980. — Вып. 48. — С. 18–27.
- ⁷ Cowgill U. The people of York: 1538–1812 // Sc. Amer. — 1970. — 222 N1. — P. 118–124.
- ⁸ Василик П.В. Системный анализ влияния магнитного поля Земли на рост и развитие человека // Кибернетика и вычисл. техника. — 1979. — Вып. 45. — С. 12–21.
- ⁹ Abel W. Wachstumsschwankungen mitteleuropäischer Völker seit dem Mittelalter // Jahrb. Nationalök. und Stat. — 1935. — 142, h. 4. — S. 670–692.
- ¹⁰ Василик П.В. Системный анализ влияния магнитного поля Земли на рост и развитие человека // Кибернетика и вычисл. техника. — 1979. — Вып. 45. — С. 12–21.
- ¹¹ Василик П.В., Попов А.А., Василега А.Г. Анализ цикличности процессов акцелерации // Там же. — 1985. — Вып. 66. — С. 103–106.
- ¹² Тутковский П.А. Географические причины нашествий варваров // Унив. изв. — Киев, 1915. — № 7. — С. 1–40.
- ¹³ Василик П.В. К моделированию динамики численности населения Европы от мезолита до средних веков // Кибернетика и вычисл. техника. — 1976. — Вып. 33. — С. 15–25.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Василик П.В. О выборе опорной функции для долгосрочного прогнозирования развития науки // Автоматика. — 1971. — № 6. — С. 68–73.

С.И. ПИРОЖКОВ О ИСТОКАХ СОВЕТСКОЙ ДЕМОГРАФИИ

Становление и развитие советской демографии связаны с именами статистиков-демографов В.Г. Михайловского и О.А. Квиткина, которые в 20-е годы активно включились в творческую работу по организации единой государственной статистики населения.

В октябре 1918 г. В.Г. Михайловский был утвержден членом коллегии ЦСУ и заведующим отделом демографической статистики. Основные положения его доклада "Об организации статистики естественного движения насе-

ления" на I Всероссийской статистической конференции (октябрь 1918 г.) легли в основу плана первоочередных работ ЦСУ по созданию текущей демографической статистики и восстановлению данных о естественном движении населения за первые годы Советской власти. Сознвая важность надежных и достоверных данных о численности и структуре населения для социалистического строительства, Михайловский в апреле 1919 г. на коллегии ЦСУ выступил с докладом "О производстве Всероссийской переписи населения в 1920–1921 гг.", в котором, в частности, поставил вопрос о необходимости широкого развертывания подготовительных работ по переписи населения¹.

Глубокие социальные сдвиги, происшедшие после Великой Октябрьской социалистической революции, недостатки в дореволюционной системе статистики обусловили проведение в 20-е годы XX в. комплекса переписей, позволивших дать оценку общего состояния развития населения и основных отраслей экономики молодого Советского государства. 22 апреля 1920 г. Совет Народных Комиссаров издал подписанный В.И. Лениным декрет "О производстве профессиональной и сельскохозяйственной переписи населения с учетом промышленных предприятий".

Под руководством Михайловского были разработаны формуляры, инструкции и план проведения демографической переписи, которая началась 28 августа 1920 г. Вследствие крайне тяжелых условий гражданской войны перепись охватила в 1920 г. только 72 % населения Союза. Не были переписаны районы, где проходили военные действия (Белоруссия, Волынская и Подольская губернии, Крым, Закавказье, Нагорная полоса Северного Кавказа, часть Туркестана и Киргизии, Дальний Восток), районы Европейской России и Украины, захваченные белогвардейцами, а также Хива и Бухара.

В январе 1921 г. Михайловский сделал доклад на коллегии ЦСУ "О разработке профессионально-демографической переписи", в котором наметил программу разработки материалов переписи населения 1920 г. в целом. Порядок разработки данных городской переписи, входивший в единый план обобщения материалов переписи 1920 г., был разработан О.А. Квиткиным. Однако эти проекты оказались достаточно сложными в условиях децентрализации и не были полностью реализованы. Намечаемая первоначально на 15 месяцев (к январю 1922 г.) разработка переписи фактически затянулась и была завершена в 1925 г. по сокращенной программе. Ее материалы были широко использованы в хозяйственном строительстве: при решении продовольственного вопроса, разработке плана ГОЭЛРО, для перспективных расчетов численности и структуры населения, построения балансов рабочей силы и др.

Наряду с разработкой материалов переписи, Михайловский занимался организацией текущей регистрации естественного движения населения, а его доклад "О текущих списках населения" (1921 г.) на III Всероссийской статистической конференции по сути явился предтечей разработки хозяйственного учета населения².

Несмотря на то что в 20-е годы XX в. не была налажена исчерпывающая регистрация актов гражданского состояния, Михайловский уже в 1921 г.

предложил основные принципы их разработки, которые, в частности, предусматривали помимо общих данных о численности браков, разводов, родившихся, мертворожденных, умерших в территориальном разрезе, также сведения о браках, родившихся и умерших по национальной принадлежности, о возрасте и семейном состоянии жениха и невесты в комбинации между собой и их грамотности, о родившихся — по полу, о многоплодных родах и внебрачных детях. Данные об умерших предлагалось разрабатывать по полу, возрасту и причинам смерти, с комбинацией признаков. В статистику разводов вошли: сведения о возрасте, в каком по счету браке состоят подавшие на развод, расторгается ли брак по взаимному согласию. Предложенная программа разработки данных естественного движения свидетельствует о глубоком понимании Михайловским задач статистики населения.

Развитие социально-демографического сдвига, вызванного войнами и революцией, обусловило ускоренное старение материалов переписи 1920 г.

Для оценки численности городского населения, развития его классово-и социально-профессиональной структуры в условиях первых лет осуществления нэпа, а также выработки правильной финансовой политики 15 марта 1923 г. была проведена городская перепись населения. Специфический характер задач, стоящих перед переписью 1923 г., обусловил включение в объект наблюдения не только населения, но и промышленных предприятий и торговых учреждений.

Одним из принципиальных вопросов разработки материалов переписи 1923 г. была классификация занятий. Неоднократные обсуждения этого вопроса на заседании коллегии ЦСУ привело к тому, что 15 апреля 1923 г. был утвержден проект классификации занятий³, предложенный В.Г.Михайловским. Он, в частности, предусматривал разработку данных о занятиях в комбинации с такими сферами занятости, как сельское хозяйство, горная промышленность, обрабатывающая промышленность, транспорт, государственные учреждения, армия и флот.

Важной методологической особенностью городской переписи 1923 г. явилось введение семейной карты, цель которой — дать сводную социально-экономическую характеристику городских семей.

"Семейный принцип" учета⁴ был впервые введен в нашей стране во время Петроградской городской переписи в 1918 г. В инструкции, предпосланной этой переписи, семья понималась как "группа лиц, связанных родством или свойством и живущих одним хозяйством или из общих средств". В этом определении увязываются воедино два важнейших признака: демографический ("группа лиц, связанных родством") и экономический ("живущих одним хозяйством или из общих средств"). Одна из первых попыток обоснования методологической стороны семейного принципа в переписях населения принадлежит Г.С.Полляку, который, критикуя зарубежные программы переписей населения, в частности, отмечал: "Одним из существенных недочетов народных переписей западно-европейского типа является, на наш взгляд, то одностороннее, "атомистическое" начало, которое кладется в основу их разработки. Объектом применяемых в этой разработке разнообразных груп

пировок неизменно является отдельное лицо, а не первичная социальная ячейка, к которой это лицо принадлежит по своему рождению и воспитанию. Те внутренние связи, которые притягивают человека в ряды той или иной социальной группы, в силу факта принадлежности его к определенной семье, остаются при данной системе разработки вне поля зрения исследователя"⁵. При этом семья со своими традициями и укладом формирует вокруг индивида определенный психологический климат, способствующий развитию или торможению тех или иных установок и мотивов его поведения. Отсюда следует, что в одной и той же исходной совокупности (семье) находят отражение различные признаки, образующие в своем единстве демоэкономическую взаимосвязь.

С одной стороны, статистическое изучение этой взаимосвязи, проявляющейся в среднем размере семьи, характере родственных связей ее членов, соотношении в пределах ее работающего и неработающего элементов, величине дохода, семейной структуре различных социально-профессиональных групп и национальностей, позволяет обнаружить внутренние закономерности развития населения, проявляющиеся на микроуровне. С другой стороны — демографическое развитие общества подчинено глобальным законам, реализация которых находит выражение в том или ином типе воспроизводства населения. При этом тип воспроизводства выступает адекватной и достаточно устойчивой характеристикой, отвечающей определенному историческому этапу социально-экономического развития общества. В свою очередь, социально-экономическое развитие отражается в соответствующих социально-экономических структурах населения. Статистическое же изучение взаимосвязей социально-экономических и демографических структур составляет макроанализ демографического развития.

В основу социально-экономических структур на макроуровне положен "индивидуальный принцип" (разработка отдельных переписных листов). Однако индивидуальный принцип, приводящий к формированию макросоциальных структур населения, и семейный — образующий микроструктуры, находятся в диалектическом единстве. Поэтому введение семейного принципа учета в переписи населения не только не противоречит анализу социально-демографических взаимосвязей, а, наоборот, существенно дополняет этот анализ, позволяя более глубоко проникнуть в механизм взаимодействия социально-экономического и демографического развития.

Методологические и методические основы анализа семьи (микродемографического анализа) следует рассматривать как самостоятельный раздел демографических исследований. Первые шаги в этом направлении были сделаны в СССР во время городской переписи 1923 г. Дальнейшее развитие этот анализ получил при разработке материалов Всесоюзной переписи населения 1926 г. (руководитель разработки — О.А.Квиткин).

Важное методологическое значение имело также введение в квартирную карту городской переписи 1923 г., составленную Квиткиным, показателя "жилая площадь комнаты (квартиры)". Как отмечает видный специалист в области жилищной статистики Д.Л.Бронер: "Введение нового измери-

теля "единица жилой площади" и нового показателя "размера жилой площади на одного жителя" представляло собой значительный шаг вперед в жилищной статистике, повышало точность статистической характеристики жилищных условий населения и ставило советскую жилищную статистику на более высокую ступень по сравнению с буржуазной⁷.

Выполнив задачу анализа лишь городского населения, перепись 1923 г. не позволила получить сводную характеристику развития населения всей страны, кроме того, глубокие социальные потрясения: гражданская война, голодовки, эпидемии тифа, миграционное движение привели к тому, что плановые органы не имели достоверной информации о состоянии и развитии населения. Оценивая состояние демографической статистики в то время, Михайловский отмечал: "Естественное движение населения учитывается загсами более или менее полно только с 1924 года и притом далеко не повсеместно: в Закавказье и Средней Азии регистрация актов гражданского состояния почти вовсе отсутствует. Исчерпывающей статистики механического движения населения у нас не было и до войны. Поэтому при суждении о численности и составе населения Союза мы вынуждены основываться на приблизительных выводах и соображениях, причем в некоторых случаях имеющиеся данные из разных источников расходятся между собой на 10–20 % и более. Строго говоря, мы почти ничего не знаем о современном населении Союза"⁸. Вот почему уже в 1925 г. возникла настоятельная необходимость проведения очередной всеобщей переписи населения, по словам Михайловского, — "настоящей переписи", всесторонне характеризующей те грандиозные социальные преобразования, которые произошли в стране после Великой Октябрьской социалистической революции.

Возглавив работу по подготовке переписи населения, Михайловский выполнил большой объем работ по разработке статистического инструментария: личного листка, семейной карты и владенной ведомости. За два месяца до начала переписи жизнь Михайловского внезапно оборвалась. Он умер 11 октября 1926 г.

Коллегия ЦСУ поручает возглавить общее руководство по проведению, разработке и публикации материалов переписи населения 1926 г. Квиткину. Выполняя эту работу он проявил свои организаторские и научные способности, достойно продолжил и завершил дело, начатое Михайловским. Именно при разработке материалов переписи Квиткин применил и ввел в теорию и практику ряд новых методологических и методических принципов, определений демографических понятий, развил новое направление в исследовании социально-демографических взаимосвязей (анализ семьи).

В период подготовки переписи 1926 г. Квиткиным решались методические вопросы об отнесении поселений к городскому типу и о границах территории городских поселений. Этим вопросам был посвящен доклад, по которому коллегия ЦСУ 12 января 1925 г. приняла соответствующее постановление*.

* Предложенный О.А.Квиткиным ценз отнесения поселений и населения к городскому типу применялся при разработке материалов переписи 1926 г. и многочисленных обследований, проводимых ЦСУ в 20–30-е годы XX в. В принятом кол-

С организационной точки зрения важное значение имел способ проведения переписей: совмещенный или раздельный. Так, например, в первые годы существования Советского государства наибольшее распространение получило одновременное проведение демографической переписи и других — сельскохозяйственной, промышленной, торговой и др. При этом исследователи получали обширный, сопоставимый во времени статистический материал, необходимый для всесторонней оценки первых лет народнохозяйственного строительства молодой Советской республики. Кроме того, данные первых переписей служили своеобразным отправным пунктом в организации текущей государственной статистики. Все это вполне оправдывало совмещенный способ проведения переписей.

Однако к 1925 г. был уже накоплен достаточный эмпирический материал, требовавший широкого обобщения и теоретического осмысления. Поэтому не было острой необходимости в проведении совмещенных переписей, которые во многих случаях не позволяли осуществить глубокие разработки по отдельным отраслям хозяйства. Вопрос об одновременном проведении переписей имел особое значение для переписи населения 1926 г., материалы которой ложились в основу разработки первых народнохозяйственных пятилетних планов и имели важное теоретическое значение. Например, Михайловский, определяя значение этой переписи, сделал следующее образное заключение: "Наука о населении (демография) найдет в предстоящей переписи тот архимедов рычаг, с помощью которого можно перевернуть мир наших знаний о законах развития человеческого общества"¹⁰.

Учитывая, что перед переписью населения 1926 г. ставились большие задачи, особое значение имели исходные методологические принципы в ее организации. Так, в начале 1925 г. среди видных статистиков ЦСУ развернулась широкая дискуссия по вопросу о проведении переписей 1925–1926 гг. При этом высказывались два противоположных мнения: согласно первому, убежденным сторонником которого выступал Михайловский, предполагалось проводить совмещенными демографическую и сельскохозяйственную переписи; по мнению Квиткина, наоборот, следовало осуществить раздельное проведение этих переписей. В результате широкого обсуждения было принято окончательное решение о раздельном проведении демографической и сельскохозяйственной переписей. Таким образом, благодаря инициативе Квитки-

легией ЦСУ постановлении, в частности, отмечалось: "Признать поселениями городского типа: а) поселения официально признанные ЦИК-ом городами; б) торгово-промышленные поселения (села, слободы, аулы и пр.) с населением свыше 2000 человек при условии, что более половины самостоятельного населения занимается неземледельческим трудом; в) фабрично-заводские, пристанционные и пристанские поселки с населением свыше 500 человек. Признать городским населением: а) все население в пределах городской черты; б) население пригородов, хотя и расположенных вне городской черты, но связанные с городским центром сплошной чертой застройки"⁹.

Следует, однако, отметить, что начиная с переписи 1939 г., признак "сплошной застройки" в советских переписях был исключен из определения состава городского поселения как приводивший к недоучету городского населения.

на советские переписи населения, начиная с 1926 г., проводятся обособленно от других переписей, что позволяет достаточно глубоко анализировать фундаментальные закономерности демографического развития.

В настоящее время, когда государственная статистическая служба (не в пример 20–30-м годам XX в.) имеет мощную базу по переработке информации в виде системы вычислительных центров, многочисленные кадры подготовленных специалистов, целесообразно вернуться к совмещенному способу проведения переписей¹¹. Однако в условиях того времени метод раздельного проведения переписей имел существенную практическую ценность, ибо позволял наметить широкие пути исследования социально-демографических характеристик воспроизводства населения.

Уже после смерти Михайловского в ЦСУ СССР была организована специальная секция переписи, в которой сосредоточилась вся работа по проведению в разработке материалов переписи населения. Разработка переписи, проведенной в декабре 1926 г., вылилась в сложнейшее организационное мероприятие. Однако несмотря на чрезвычайно сжатые сроки, установленные правительством, — 20 месяцев, материалы переписи населения были разработаны в указанный срок и отличались высоким качеством.

Общее руководство разработкой возглавил О.А.Квиткин. Он не только осуществлял строгий контроль за прямым выполнением программы (что затруднялось децентрализацией разработки), но также с большим вниманием относился к научной организации труда, постоянно совершенствовал схемы разработки первичной статистической информации. Квиткин был одним из инициаторов создания в ЦСУ СССР системы механизированной обработки статистической информации, которая была опробована в 1932 г. на материалах опытной переписи населения в четырех районах Московской области и г.Туле. Практика проведения переписей населения в СССР в дальнейшем повторяла принятую Квиткиным последовательность организации работ: осуществление за два-три года до переписи небольшой опытной переписи и проверка на разработке ее материалов новой техники, технологии и программы.

Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. были опубликованы в 3 выпусках предварительных итогов; 10 выпусках кратких сводок (содержащих данные о жилищном строительстве в городских поселениях, о безработных Москвы, о населении СССР, о народности и родном языке населения СССР, о возрасте и грамотности населения СССР, о жилищном фонде СССР, о социальном составе и занятиях населения Москвы и Ленинграда); в 56 томах основных публикаций под общей редакцией О.А.Квиткина. Им были написаны не только предисловия и методические указания к отдельным томам переписи, но также оригинальные научные обзоры и методические разработки. В настоящей статье нет возможности остановиться на всех публикациях Квиткина, относящихся к переписи 1926 г. Здесь рассмотрим лишь некоторые, представляющие, по нашему мнению, несомненный вклад в развитие отечественной науки о населении.

Значительный интерес представляет статья Квиткина "Население в СССР"¹². Прежде всего следует отметить, что в ней впервые была проанали-

зирована численность населения всей страны и отдельных ее регионов за годы Советской власти. Сопоставление данных различных переписей позволило Квиткину обнаружить ряд важных тенденций развития населения отдельных регионов Советского Союза. Например, весьма пророческими оказались выводы и прогнозы ученого в отношении убыли населения в центральных районах России, вызванной интенсивной миграцией населения в Москву, Ленинград и другие индустриальные центры. Отмечая, что в период 1920–1926 гг. в этих городах происходил огромный скачок в численности населения (17,7%), который не может быть объяснен ни процессами естественного движения населения, ни дефектами переписи 1920 г., Квиткин писал: "Несомненно, что в течение этого времени здесь имел место значительный прилив населения извне, компенсировавший до некоторой степени отлив его в 1917–1920 годах.. Следует ожидать, что усиленный рост этих центров (Москвы и Ленинграда. — С.П.) должен сопровождаться замедлением роста или даже убылью населения тех резервуаров, из которых они черпают свое население, и наоборот"¹³.

В настоящее время этот вывод полностью подтвердился и мы наблюдаем убыль населения ряда центральных областей европейской части СССР, служивших, по словам Квиткина, "резервуаром" интенсивного роста населения индустриальных районов.

Опираясь на проведенный анализ динамики населения за тридцатилетний период (1897–1926 гг.), отмеченный глубокими социальными сдвигами, Квиткин выделил ряд территориальных зон, группируемых в зависимости от наблюдаемых тенденций демографического развития. Эти зоны объединяли 8 следующих районов:

I. Районы Поволжья и Башкирско-Оренбургский — наиболее пострадавшие от неурожая в 1921 г.

II. Земледельческие лесостепные районы Украины и Центрально-черноземный.

III. Украинское и Белорусское Полесье.

IV. Украинская степь и Крым.

V. Районы, тяготеющие к Москве и Ленинграду.

VI. Уральский район.

VII. Промышленные районы Украины.

VIII. Районы земледельческой колонизации (Северный Кавказ, Казахстан, Сибирь и Дальний Восток).

Первые четыре группы районов охватывают преимущественно старые земледельческие области Союза. В совокупности этих групп и в каждой из них наблюдался рост значительно более низкий, чем в среднем по всей рассматриваемой территории. В V–VII группах районов, сосредоточивших почти всю промышленность Союза, рост значительно больше и приближается к среднему. Наконец, в VIII группе, объединяющей районы, растущие за счет земледельческой колонизации, население увеличивалось темпами, значительно превышающими средние величины.

Дальнейшее развитие системы поселений в СССР, обусловленное характером социально-экономического развития страны, несколько видоизменило

группировку территорий в зависимости от темпа роста населения. Однако группировка, предложенная Квиткиным, отражает важный этап в развитии исторической географии СССР, знание которого во многом способствует пониманию современных региональных особенностей демографического воспроизводства. Несомненно также и то, что сам принцип демографического зонирования, примененный Квиткиным как сочетание социально-экономического развития и демографического роста, служит верным ориентиром в современном региональном демографическом анализе.

Следует отметить, что вопросы территориального районирования были самостоятельным и важным участком деятельности Квиткина в Статистической плановой комиссии (Статплан), утвержденной Советом Труда и Оборона 1 апреля 1927 г. Руководствуясь идеей единства государственной статистики (ЦСУ, ведомств и хозяйственных организаций), правительство возложило на Статплан ответственную задачу по упорядочению статистического дела в стране, которую следовало решать путем разработки общесоюзного плана статистических работ.

Квиткину как руководителю комиссии по районированию было поручено разработать схему статистического районирования, которая обеспечивала бы важнейший принцип статистического исследования — территориальную сопоставимость статистических материалов, собираемых различными службами государственной статистики.

Поучителен опыт географического районирования, разработанный Квиткиным. Здесь группировка была произведена по степени индустриализации несельскохозяйственного населения*. Дальнейшее развитие принципов этой группировки позволило ему предложить систему и разработать методику расчета показателей роста населения по социальным группам.

Важное народнохозяйственное значение имела жилищная перепись, проведенная в составе переписи населения 1926 г. Разработка материалов жилищной переписи велась по специальной классификации городских поселений, в основу которой были положены их размеры и функциональное значение. В этой классификации, создателем которой был Квиткин, большую роль играл вопрос о типах городских поселений. Здесь следует отметить, что при решении этого вопроса ученый применил треугольную диаграмму (треугольник Гиббса)¹⁵, позволившую графически обнаружить степень концентрации основных типов городских поселений в зависимости от их функционального значения¹⁶.

Несомненным вкладом Квиткина в развитие социально-демографических исследований в 20–30-е годы XX в. является разработка материалов

семейной переписи 1926 г. Изучение семьи велось в двух направлениях: жилищные условия, социальная структура семьи.

Особый интерес для изучения воспроизводства населения представляет второе направление. Была предпринята попытка выяснить процесс формирования форм и типов семьи, отвечающих новым производственным отношениям, что, в свою очередь, обусловило изучение семьи по занятиям, социальному положению их глав, возрасту и детности. Введение в разработку семейной переписи вопроса о детности преследовало цель вскрыть характер воспроизводства поколений в условиях социально-экономического развития советского общества в 20–30-е годы XX в. Это был совершенно новый подход в изучении воспроизводства населения вообще и рабочей силы в частности, принципиально отличный от известных ранее методологических принципов демографического анализа.

К сожалению, освещение истории развития демографических исследований семьи в СССР в ряде случаев не учитывает роли Квиткина в разработке проблемы как в теоретическом, так и в конкретно-прикладном аспекте¹⁷.

Имея исключительно важное значение в развитии теоретических принципов микродемографического анализа воспроизводства населения, статья ученого, посвященная основным принципам разработки переписи семей является собой также блестящий образец глубоко вдумчивого и скуплезного отношения Квиткина к публикации обширнейших материалов переписи 1926 г.

В этой работе Квиткин впервые в демографической литературе разработал классификацию типов семей, поставил вопрос о продолжительности брака, дал методическое обоснование группы введенных им показателей. Так, им предложена следующая система показателей режима семьи:

а) детность, т.е. среднее число детей брачной пары, приходящееся на одну семью; б) распределение семей по числу детей; в) средний возраст старшего и младшего из детей. Система этих показателей позволила, например, вскрыть ряд особенностей воспроизводства городского населения в нашей стране по итогам переписи 1926 г.

Важное значение имеет показатель детности, в котором Квиткин видел синтетическую меру уровня рождаемости, обусловленного широким комплексом социально-экономических условий воспроизводства населения, преломляющегося в демографическом поведении брачных пар. Разъясняя более подробно суть этого показателя, он отмечал: "При широком развитии практики ограничения деторождения, характеризующем современную городскую семью, показатель детности приобретает самостоятельное значение: здесь он отражает волю к воспроизводству в различных группах населения, детерминируемую, разумеется, всем сложным комплексом их социального бытия. Интерес сосредоточивается, таким образом, на различиях в уровне детности в различных социальных группах городского населения"¹⁸.

Предложенные Квиткиным показатели, вычисляемые в различных социальных группах в зависимости от продолжительности брака и возраста матери при вступлении в брак, позволяют оценивать совокупный эффект интенсивности регулирования деторождения в данной социальной группе.

* "Пропорция индустриального пролетариата в общей массе несельскохозяйственного населения является наиболее характерным из показателей социальной структуры населения, пользуясь которым можно выделить совокупности районов, образующих большие области, характеризующиеся не только различными показателями социальной структуры, но и различным темпом роста населения, различными показателями его демографической структуры, особенностями направления миграционных потоков и т.д."¹⁴

Квиткин справедливо рассматривал в демографическом анализе семью как исходную базу для построения показателей воспроизводства населения. Остановимся, в частности, на показателе истощенной плодовитости.

В отличие от брутто-коэффициента в современном демографическом анализе применяется показатель так называемой истощенной плодовитости, впервые введенный в литературу Квиткиным (1931 г.). Для случая реального населения им предложен самостоятельный показатель — средний возраст младшего из детей: "Назначение его — уловить, когда в среднем семья прекращает деторождение. Для семей с неограниченной плодовитостью прекращение деторождения совпадает с истощением плодовитости женщины. Но в городском населении СССР в 1926 г. уже значительная часть семей прибегала к ограничению деторождения, что не могло не сказаться на среднем возрасте младшего из детей. Очевидно, что при этом возраст будет тем выше, чем шире распространена в той или иной группе населения практика ограничения деторождения. Действительно, в семьях различных социальных групп мы наблюдаем очень большие различия в возрасте младшего из детей, и мы склонны думать, что именно в этом мы находим наиболее чувствительный показатель для оценки интенсивности регулирования деторождения"¹⁹.

Предложенный Квиткиным показатель истощенной плодовитости привязан к структуре семьи и может быть использован только в том случае, когда структура семьи получает адекватное отражение в программе переписи населения.

Значительный интерес представляет проведенный Квиткиным анализ типа семьи без брачной пары, имеющей в своем составе детей. Так, рассматривая семьи вдовых, ученый сделал следующий вывод: "Огромное преобладание принадлежит семьям (вдовых. — С.П.) с женщиной во главе, что обусловлено не только большей вероятностью овдоветь для женщины, но и большей мобильностью брачных отношений, в результате которой дети чаще остаются при матери, но и отчасти тем, что вдовцам, у которых остались на руках дети, легче регенерировать нормальную семью, чем вдовам"²⁰. Этот вывод имеет актуальное значение и в современных условиях демографического развития.

К сожалению, многие годы после смерти Квиткина семья не была предметом глубокой разработки в СССР, семейный принцип учета был исключен из переписей населения. Только в 60–70-х годах XX в. были выполнены отдельные исследования по изучению семьи на базе региональных выборочных обследований. Так, в работах Э.К.Васильевой, Г.Д.Платонова, Э.А.Чомарян, И.А.Герасимовой сделан определенный шаг вперед в развитии некоторых теоретических и методических вопросов анализа семьи. Комплексный демографический анализ современной семьи, который органически дополнил исследования 20–30-х годов выполнен А.Г.Волковым²¹.

По оценке Р.И.Сифман, "богатые материалы семейной переписи 1926 г. фактически остались почти неизученными. Прогрессивные методологические принципы, положенные в ее основу, сохранили свое значение и в настоящее время. Осуществленная в семейной переписи 1926 г. идея изучать семью как

субъект воспроизводства населения с учетом ее типа и возраста (продолжительность брака) приобрела большую актуальность в нынешней демографической ситуации"²².

Материалы переписи населения 1926 г. имели огромное практическое значение для построения отдельных разделов плана народного хозяйства и культурного строительства первой пятилетки.

По завершении в 1932 г. публикации материалов переписи 1926 г. О.А.Квиткин активно включился в подготовку к очередной переписи населения, дата проведения которой несколько раз переносилась.

Окончательный срок проведения Всесоюзной переписи был назначен на 6 января 1937 г. При этом учитывалось, что за годы социалистического строительства результаты переписи населения 1926 г. в характеристике социальных и демографических тенденций во многом устарели. Поэтому необходимость проведения новой Всесоюзной переписи определялась, с одной стороны, ее важным народнохозяйственным значением, а с другой — необходимостью комплексной оценки социально-демографических сдвигов, которые имели место за первые двадцать лет существования страны Советов.

Исключительная важность задач, поставленных перед новой переписью населения, требовала особо тщательной разработки ее программы и исходных методологических принципов. Следует отметить, что с этой целью Квиткиным были привлечены целые научные коллективы. Так, например, одним из постоянных консультантов Бюро переписи населения был Демографический институт АН СССР, в качестве представителя Академии наук СССР в работе Всесоюзной демографической конференции по вопросам переписи населения участвовал его руководитель В.В.Паевский²³. После закрытия в 1934 г. Демографического института и смерти в том же году Паевского функции основного консультанта Бюро переписи населения перешли к Институту демографии АН УССР, возглавляемому М.В.Птухой. Институт демографии АН УССР в 1934–1937 гг. явился главным исполнителем методических разработок в области демографии для ЦУНХУ Госплана СССР. Об этом, например, свидетельствует программа работ, выполненных институтом по заданию Бюро переписи населения, которая включала разработку схем и методов построения новых таблиц смертности и рождаемости для СССР в следующих разрезах: а) территориальном, б) национальном, в) социально-производственно-профессиональном. Первая часть программы — схема изучения смертности населения — была завершена и утверждена ЦУНХУ в 1935 г.²⁴ Важно отметить, что методология этих исследований отвечала новейшим в тот период достижениям в теории и практике мировой демографии. Многие вопросы были поставлены и решены здесь впервые. В частности, глубокая разработка методологии построения таблиц рождаемости и плодовитости привела Ю.А.Корчака-Чепурковского в годы подготовки переписи к написанию специальной монографии. Полностью монография еще не опубликована²⁵.

Приведенные данные позволяют также сделать вывод, что Квиткин, возглавлявший во второй половине 30-х годов XX в. Бюро переписи населения и его сотрудники предполагали осуществить на материалах переписи об-

ширное социально-демографическое исследование воспроизводства населения СССР. Ученый в этот период занимался обобщением теории стабильного населения (основные положения которой он разработал независимо от А.Лотки) и расширением области ее практического применения.

Подведем итоги. Проводимые до 1917 г. демографические разработки носили, как правило, сугубо региональный характер (по материалам земской статистики) или затрагивали частные вопросы развития социально-экономического состава населения по материалам Всероссийской переписи 1897 г. В методическом и прикладном аспектах демографические исследования были посвящены, главным образом, проблемам смертности населения.

Новый этап развития отечественной демографии, начавшийся после Великой Октябрьской социалистической революции, характеризуется, с одной стороны, значительным расширением основных направлений демографических исследований, с другой — созданием единой государственной системы статистики населения.

В основном, благодаря трудам Михайловского и Квиткина, а также их научно-организационной деятельности, было обеспечено методологическое совершенствование статистической базы демографических исследований на общегосударственном уровне, накоплена обширная научная информация о демографических и социальных сдвигах, происшедших в СССР в переходный от капитализма к социализму период (20–30-е годы XX в.).

Некоторые исследователи пытаются вынести за рамки демографической науки вопросы, которые относятся обычно к демографической статистике. Однако противопоставление демографии и демографической статистики умозрительно и бесплодно, поскольку статистика не имеет собственного самостоятельного объекта и предмета исследования, а статистический метод используется в обществоведении и естествознании как инструмент исследования. В демографии, где применение статистического метода носит универсальный характер, новые теоретические положения могут быть основаны только на данных статистики. Труды Михайловского и Квиткина, стоявших у истоков советской демографии, являются образцом творческого применения статистического метода для приращения демографического знания.

¹ *Вестник статистики*. — 1919. — № 4/7. — С. 116, 181.

² *Там же*. — 1921. — № 5/8. — С. 174–175.

³ *Там же*. — 1923. — № 4/6. — С. 199.

⁴ Здесь семья выступает как единица наблюдения и служит единицей счета.

⁵ Поляк Г.С. Методы учета населения в Петроградской городской переписи 1918 г. // *Вестн. статистики*. — 1919. — № 4/7. — С. 21.

⁶ См.: Воробьев Н.И. Семья в Нерехте // *Там же*. — 1925. — № 1/3. — С. 81–102.

⁷ Бронер Д.Л. Из истории жилищной статистики в СССР // *Советская статистика за полвека (1917–1967)*. — М.: Наука, 1972. — С. 224.

⁸ Михайловский В.Г. Всесоюзная перепись населения 1926 года. — М., 1926. — С. 3.

⁹ *Вестник статистики*. — 1925. — № 1/3. — С. 204–205.

¹⁰ Михайловский В.Г. Всесоюзная перепись населения 1926 г. — С. 14.

¹¹ М.В.Птуха, например, считал, что рано или поздно мы убедимся в необходимости проведения совмещенной переписи населения и жилищ. (См.: *Демографические тетради*. — 1974. — Вып. 9. — С. 192.)

¹² Квиткин О.А. Население в СССР // Всесоюзная перепись населения, 17 дек. 1926 г.: Крат. сводки. — М., 1927. — Вып. 3. — С. IX–XX.

¹³ *Там же*. — С. XV.

¹⁴ Квиткин О.А. Население СССР по положению в занятии и отраслям народного хозяйства // *Там же*. — 1929. — Вып. 10. — С. XIV.

¹⁵ Более подробно о треугольной диаграмме см.: Пирожков С.И. О применении треугольных диаграмм в статистике // *Вестн. статистики*. — 1973. — № 5 — С. 20–25.

¹⁶ Квиткин О.А. О типах городских поселений // Всесоюзная перепись населения, 17 дек. 1926 г. Отд. 6. — М., Л., 1932. — Т. 54. — С. V–VIII.

¹⁷ См., например: Васильева Э.В. Семья и ее функции. — М., 1975. — С. 20–25.

¹⁸ Квиткин О.А. Основные линии разработки переписи семей // Всесоюзная перепись населения, 17 дек. 1926 г. Отд. 7. — М., 1931. — Т. 56, вып. 1. — С. XVI.

¹⁹ *Там же*.

²⁰ *Там же*. — С. X.

²¹ Волков А.Г. Семья — объект демографии. — М., 1986. — С. 272.

²² Сифман Р.И. Конкретные демографические исследования в СССР (1917–1967 гг.) // *Советская статистика за полвека (1917–1967 гг.)*. — М., 1972. — С. 40.

²³ Типольт А.Н. Из истории Демографического института АН СССР (1930–1934) // *Там же*. — С. 94.

²⁴ *Перепис населення (Історія і сучасна організація переписів в СРСР і в капіталістичних країнах)* / Під ред. М.В.Птухи. — К., 1936. — С. 8.

²⁵ Отдельные ее разделы вошли в кн.: Корчак-Чепурковский Ю.А. Избранные демографические исследования. — М., 1970. — С. 138–157.

В.В.АЛЕКСЕЕВ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЙОНОВ НОВОГО ОСВОЕНИЯ (итоги и задачи изучения Сибири)

В новой редакции Программы КПСС подчеркнуто: "Составной частью экономической стратегии партии было и остается ускоренное развитие производительных сил Сибири и Дальнего Востока"¹. Освоение этих районов тесно связано с их заселением, привлечением новых крупных контингентов рабочей силы, адаптацией новоселов к суровым природно-климатическим условиям, серьезными изменениями социально-классовой, национальной и возрастно-половой структуры населения.

За годы Советской власти накоплен огромный опыт решения данных проблем. Его изучение и использование в современных условиях представляет большой теоретический и практический интерес, тем более, что "успешное решение намеченных задач партия связывает с повышением роли человеческого фактора"².

В этих условиях возрастает значение историко-демографических исследований на востоке страны. Немало уже сделано. Первые работы (А.Р.Юнгер и Л.Д.Добровой-Ядринцевой, М.П.Красильникова, Н.Солоницина, А.Чураева и др.) увидели свет в конце 20-х — начале 30-х годов XX в.³ В них освещалось преимущественно городское население, остро дискутировался вопрос о территориальных источниках его формирования. Была сделана попытка исследования естественного воспроизводства населения и социально-классовых изменений в нем.

Со второй половины 30-х — до середины 50-х годов XX в. значительного приращения знаний о народонаселении Сибири, как и страны в целом, не произошло. Исключение составляли некоторые сведения о взаимосвязи социалистического строительства и роста населения в отдельных регионах (публикации Ф.П.Грядинского, А.Б.Марголина, П.Кассина и др.)⁴.

Новый, современный этап в изучении проблем народонаселения Сибири начался с конца 50-х годов XX в., когда были опубликованы крупные исследования экономико-географического характера В.В.Воробьева, Л.Е.Минца⁵. Позднее, во второй половине 60-х — 80-е годы XX в. вышла серия специальных работ демографического направления В.И.Переведенцева, Е.Д.Малинина, А.К.Ушакова, В.В.Воробьева, а также монография Е.Н.Перщикова, посвященная урбанизации Сибири⁶. В этих исследованиях поднят широкий спектр проблем формирования современного населения Сибири: рождаемость и смертность, естественный прирост, динамика численности, миграционные движения и др. Авторы используют ретроспективный анализ. Однако исторические экскурсы не всегда полны и глубоки.

Ряд работ, в частности монографии экономико-географического характера С.Н.Железко, В.И.Чудновой и Н.Ф.Кожуховской, посвящен демографическим проблемам локального характера — БАМу, Саянскому и другим территориально-производственным комплексам⁷ и рассматривает формирование населения крупных промышленных узлов, его динамику и состав, типы поселений, характер расселения. Хронологические рамки этих работ ограничиваются 60–70-ми годами XX в. и практически не содержат исторической динамики.

В последнее время появились специальные историко-демографические исследования (монографии Н.И.Платунова, А.С.Московского и В.А.Исупова⁸), в которых исследуется переходный период. Наиболее основательно изучены проблемы формирования городского населения и миграционные процессы. Цельной же картины демографической ситуации того периода пока не создано. Между тем он был наполнен событиями исключительной исторической важности: социалистическая революция и гражданская война, индустриализация и коллективизация, культурная революция. Как они повлияли на население края, каковы их последствия? На эти вопросы пока нет ответа.

Отсутствуют не только демографические исследования историко-демографического характера, но и крайне ограничено количество публикаций малых форм — статей и тезисов, посвященных последующим этапам истории советского общества. Этим пользуются буржуазные советологи с "сибиреведческим уклоном": В.Вардис, Д.Джордж, П.Дибб, В.Конолли, М.Фешбах, С.Рапави, Д.Чини и др.⁹ Они искажают демографическую политику КПСС, а порой и прямо ее фальсифицируют. Проводятся внеисторические параллели между царской и советской переселенческой политикой, сочиняются мифы о доминировании "принудительного труда в Сибири", искажается интернациональная сущность единства народов стран социалистического содружества в освоении природных богатств региона, навязывается тезис о необходимости привлечения мигрантов из капиталистических стран. Выдвинута мелкобур-

жуазная по содержанию и псевдогуманистическая по форме концепция "бегства молодежи на новые территории". Ее авторы исходят либо из тезиса о "конфликте поколений"¹⁰, либо из утверждения о стремлении молодежи "убежать от все более и более механистического общества, которое дегуманизирует людей передовых наций"¹¹. Сибирь изображается как район массового паломничества молодежи, бегущей от "старших поколений, перекрывавших все дороги жизни"¹², или как место, где молодые люди могут "временно отбросить идею о том, что человеку суждено быть пойманным в тиски машинно-изготовленного и машинно-подчиненного мира"¹³. Методологическая ошибка данной концепции заключается в отождествлении социализма и капитализма как якобы идентичных "индустриальных цивилизаций, технологически угрожаемых обществ" и в игнорировании гуманистической социально-экономической природы Советского государства.

Перед советской наукой стоят ответственные задачи по дальнейшему изучению исторической демографии районов нового освоения, разоблачению буржуазных фальсификаций. Поскольку переходный период лучше освещен в историографии, ученым следует сосредоточить внимание на последующих этапах. Прежде всего необходимо обратиться к демографической истории Великой Отечественной войны, которая слабо изучена. Между тем она наложила такой глубокий отпечаток на население, с которым не может сравниться любой другой период советской истории.

Несмотря на то что Сибирь оставалась глубинным тыловым районом, война жестоко вторглась в ее демографические процессы. В армию было призвано свыше 3 млн чел., или пятая часть общей численности населения региона накануне фашистского нашествия¹⁴. Возникает естественный вопрос, как данное обстоятельство повлияло на демографическое и экономическое развитие региона, каковы его последствия? Война интенсифицировала миграционные процессы. В Сибирь хлынула волна эвакуированных. Сколько их сюда прибыло? В исторической литературе приводится цифра 1023 тыс. чел., введенная в научный оборот В.Т.Анисковым¹⁵, но она рассчитана на основе данных продовольственного обеспечения населения, а не учета его движения. По нашим подсчетам в Сибирь прибыло не более 1 млн эвакуированных¹⁶. Бытует мнение, что эвакуация заметно содействовала заселению Сибири. С этим трудно согласиться, поскольку уже к концу 1943 г. только из Западной Сибири выехало 500 тыс. эвакуированных¹⁷. Есть основания полагать, что к концу войны большинство вернулось на прежние места жительства. Этот вопрос требует специального изучения.

Ждут своих исследователей важнейшие демографические процессы, связанные с послевоенным заселением Сибири. Осуществление таких программ общесоюзного значения, как Ангаро-Енисейская, Западно-Сибирская (нефтегазовая), Байкало-Амурская, освоение целинных и залежных земель оказали огромное влияние на демографическое развитие восточных районов. Население нефтегазодобывающих районов Тюменской области за годы их освоения увеличилось более, чем на 1 млн чел.¹⁸ Число жителей Среднего Приангарья, где создавался Братско-Усть-Илимский территориально-производственный

комплекс, возросло с 59 тыс. в 1939 г. до 500 тыс. чел. в 1978 г., т.е. почти в 10 раз, причем практически весь прирост пришелся на последнюю четверть века, когда решалась Ангара-Енисейская проблема¹⁹.

Процесс заселения районов нового освоения шел сложно и противоречиво. С одной стороны, их население интенсивно росло, с другой — наблюдалась сильная обратная миграция. Только с 1959 г. по 1972 г. из Сибири уехало свыше 1 млн чел.²⁰ Правда, в последние годы отрицательное сальдо миграции удалось преодолеть. Однако в этой области остается еще много нерешенных проблем. Ими активно занимаются демографы, экономисты, географы. Демографы изучают естественное воспроизводство населения; экономисты — формирование трудовых ресурсов; географы — проблемы расселения. Однако этого мало. Поскольку демографические процессы растянуты во времени, то достаточно обоснованных выводов ни теоретического, ни практического значения нельзя сделать без глубокого изучения, оценки предшествующего опыта демографического развития региона.

Поэтому принципиально важно развертывание широкого спектра историко-демографических исследований, в задачу которых входит изучение ретроспективных аспектов динамики численности населения, его естественного воспроизводства, состава, миграций, региональных проблем демографической политики. Необходимо проследить подъемы и спады рождаемости, уровень брачности, колебания смертности, ее причины и пути снижения, выявить значение естественного воспроизводства населения для освоения региона и изменение его состава под влиянием внутренних и внешних факторов. Особое значение приобретает анализ причин и характера миграций, прежде всего таких крупных, как крестьянское переселение 20-х годов XX века, массовое колхозное и красноармейское переселение в годы первых пятилеток, эвакуация и реэвакуация в период Отечественной войны, общественный призыв на стройки, промышленные и транспортные предприятия в 50–70-х годах XX в. Важно оценить региональные аспекты демографической политики в Сибири: экономические (совершенствование условий труда и быта, помощь семье, охрана здоровья); административно-правовые (законодательные акты в области труда, жилищных условий и т.д.); морально-идеологические или воспитательные (формирование общественного мнения, "демографической" грамотности и т.д.).

Пристального внимания требуют демографические аспекты трудовых ресурсов — воздействие на них рождаемости, смертности, естественного прироста, здоровья населения, миграции, уровня занятости, пропорциональности использования мужского и женского труда, распределения по сферам производства, уровня образования и т.д. Особенно важно исследовать региональные и национальные особенности этих процессов, влияния на них природно-климатических условий и национально-бытовых традиций. Необходимо изучить способы и методы адаптации и закрепления трудовых ресурсов в разные исторические периоды, их экономическую, социальную и морально-политическую эффективность.

В тесной связи с вышеназванными сюжетами находится проблема урба-

низации советской Сибири. Как и по стране в целом, она слабо исследована. Если 30 сибирским городам, основанным до Октябрьской революции, посвящено более 100 книг и статей, то 400 городским поселениям, возникшим в годы Советской власти, — менее трети этого количества. Большинство книг о городах носит краеведческий характер. История урбанизации и ее стержень — рост городского населения — фактически не стали предметом специального исследования. Между тем, без их разработки трудно продвинуться в решении вопросов исторической демографии.

Ретроспективный анализ проблем народонаселения поможет шире использовать положительный опыт решения демографических проблем, вскрыть негативные тенденции. Такая работа развернута в рамках гуманитарного раздела программы "Сибирь". Подготовлен ряд аналитических записок, опубликована серия статей. Видимо, целесообразно скоординировать эту работу с учеными других исследовательских центров, поскольку население Сибири с давних времен формировалось и продолжает формироваться за счет многих районов нашей необъятной Родины.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1986. — С. 146.

² Там же. — С. 140.

³ Шнейдер А.Р., Доброва-Ядринцева Л.Д. Население Сибирского края (Русские и туземцы). — Новосибирск, 1928; Красильников М.П. Население Урала и Северной Азии: (Из итогов Всесоюз. переписи 1926 г.) // Сев. Азия. — 1929. — № 3. — С. 55–82; Солоницын Н. Динамика численности и социального состава населения городов Кузбасса // Кузбасс: Результаты переписи гор. населения 1931 г. — Новосибирск, 1931. — С. 5–18; Чураев А. Население Восточной Сибири. — М.; Иркутск, 1933.

⁴ Грядинский Ф.П. Западно-Сибирский край ко второму съезду Советов. — Новосибирск, 1935; Марголин А.Б. Города Заполярья // Сов. Арктика. — 1937. — № 7. — С. 82–96; Кассин П. Иркутская область. — Иркутск, 1937.

⁵ Воробьев В.В. Формирование городской сети юга Восточной Сибири. — Иркутск, 1958; Воробьев В.В. Города южной части Восточной Сибири. — Иркутск, 1959; Минц Л.Е. Население и трудовые ресурсы восточных районов СССР: (Сибирь и Дальн. Восток). — М., 1958 и др.

⁶ Переведенцев В.И. Современная миграция населения Западной Сибири. — Новосибирск, 1965; Калинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. — М., 1976; Воробьев В.В. Население Восточной Сибири: (Соврем. динамика и вопр. прогнозирования). — Новосибирск, 1977; Перчик Е.Н. Город в Сибири: Пробл., опыт, поиск решений. — М., 1980.

⁷ Мисевич К.Н., Чуднова В.И. Население районов современного промышленного освоения Севера Западной Сибири. — Новосибирск, 1973; Чуднова В.И., Кожуховская Н.Ф. Население Саянского Т.П.К. — Новосибирск, 1979; Железко С.Н. Социально-демографические проблемы в зоне БАМа. — М., 1980; Белкин Е.В., Шерги Ф.Э. Формирование населения в зоне БАМа. — М., 1985.

⁸ Платунов Н.И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР. — Томск, 1976; Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). — Новосибирск, 1984.

⁹ Vardys V.S. Geography and nationalities in the USSR: A Commentary // Slavic. Rev. Sept. — 1972. — Vol. 31. — P. 564–570; George G. St. Siberia the New Frontier. — N. — Y., 1969; Dobb P. Siberia and the Pacific. A study of economic development and trade prospects. — N.—Y., 1972; Conolly V. Beyond the Urals: Economic Developments in Soviet Asia. — L., 1967; Conolly V. Siberia Today and Tomorrow: A Study of Economic Problems and Achievements. — L., Glasgow, Collins, 1975; Feshbach M., Rapawy St.

- Soviet Population and Manpower Trends and Policies // Soviet Economy in a New Perspective: A Compend. Pap. submit. to the U.S. Congr. Joint econ. commit. — Washington, 1976. — P. 113–154; Chinn J. Manipulating Soviet population resources. — London, 1977.
- ¹⁰ George G. Op. cit. — P. 203.
- ¹¹ Mowat F. Sibir. My Discovery of Siberia. — Toronto; Montreal, McClelland and Stewart, 1970. — P. 60.
- ¹² George G. Op. cit. — P. 203.
- ¹³ Mowat F. Op. cit. — P. 61.
- ¹⁴ Кузнецов И.И. Изменения в численности и составе населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Проблемы исторической демографии СССР. — Томск, 1980. — С. 80.
- ¹⁵ Анисков В.Т. Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока — фронту: 1941–1945. — Барнаул, 1966. — С. 107.
- ¹⁶ Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Изв. СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. — 1985. — Вып. 1, № 3. — С. 7.
- ¹⁷ Сибирь в Великой Отечественной войне. — Новосибирск, 1985. — С. 219.
- ¹⁸ Подсчитано по данным: Народное хозяйство Тюменской области за годы восьмой пятилетки. — Омск, 1971. — С. 29–30; Народное хозяйство СССР в 1984 году. — М., 1985. — С. 16.
- ¹⁹ Григорьев А.А. Народное хозяйство Иркутской области. — Иркутск, 1973. — С. 111.
- ²⁰ Проблемы теории и практики размещения производительных сил СССР. — М., 1976. — С. 155–156; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. — М., 1972. — Т. 1. — С. 10–21.

А.Л.ПЕРКОВСКИЙ ФОРМИРОВАНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ МЫСЛИ НА УКРАИНЕ В XVIII в.

Первые признаки зарождения демографической мысли на Украине следует отнести к рубежу XVII–XVIII в., когда Климентий Зиновьев — первый украинский государствовед создал в стихотворной форме энциклопедию феодального образа жизни своего народа. Ему принадлежат наблюдения сугубо демографического характера: он отмечал, например, большую смертность среди мужчин, что вызывало, как указывал автор, половую диспропорцию: "о множестве жен: сиріч яко болш на вселенной обрѣтається пола женска неже мужеска" ¹. По его мнению, в мире соотношение взрослых женщин и мужчин составляло 2:1. Несмотря на очевидное преувеличение, автор верно схватил основное: резкое количественное преобладание женщин в украинском обществе того времени как результат постоянных войн.

Он призывал к частому рождению детей. Поэтому его внимание привлекали такие демографические парадоксы как бесплодие, рождение близнецов, рождение детей вне брака, детоубийство.

Климентий Зиновьев осуждал ранние браки, которые не были тогда редкостью, и отмечал, что наиболее подходящий возраст при вступлении в первый брак для жениха 20 лет, для невесты — 15 лет. В то же время, исходя из семейно-брачной доктрины православной церкви, публицист выступал резко против заключения третьих и четвертых браков, которые, несмотря на запрет церкви, получили тогда на Украине довольно широкое распространение.

Его не удовлетворяла конфессиональная гомогамия брака, он считал ее в конкретно-исторических условиях того времени недостаточной и ратовал за этническую эндогамию брака.

Возникновение демографического знания связано с формированием соответствующей исходной терминологии, кажущейся простой и обычной в наши дни, но требовавшей многолетних усилий поколений исследователей. Значительно опередил эпоху украинский государствовед Г.И.Новицкий, употребивший термин "многолюдствие" (прообраз термина "народонаселение") еще в 1715 г. ² Новицкий понимал категорию совокупности людей применительно к современной ему историко-географической реальности в двояком смысле: 1) как множество, состоявшее из значительного числа коренных сибирских народов, которые он изучал; 2) как оценка численности отдельных народов в сравнительной форме.

Однако неблагоприятные условия (оригинал работы был опубликован только в 1884 г.) привели к тому, что идея Новицкого была неизвестна многие годы.

Непосредственное статистическое изучение народонаселения Украины имеет более чем двухвековую историю. Сведения о численности дворов, наблюдения о степени заселенности появляются в трудах российских статистиков уже в 20–30-х гг. XVIII в. (И.К.Кирилов, Г.Ф.В.Юнкер). Однако эти сведения касались только Левобережной Украины и отчасти Слобожанщины. Поскольку подушные переписи на Левобережной Украине тогда не проводились, Кирилов сообщил только данные о "дворовом числе" казаков и посполитых региональной подворной ревизии 1723 г., а также о численности дворов казаков в полках Слободской Украины ³.

Если Кирилов довольствовался "голой цифирью", то Юнкер* был первым статистиком обратившим внимание на причины, сдерживавшие рост заселенности края.

Тема, намеченная Юнкером, получила развитие в "Экстракте об изнеможении слободских полков", составленном в конце 50-х — начале 60-х годов XVIII в. в Военной коллегии. В нем, в частности, подчеркивалось стимулирующее влияние государственной политики на заселение степных окраин страны, в том числе и территории слободских полков ("какие-де в прошедшие времена старания прилагались по обширной империи степные места народами населить и тем на границах людей приумножить, ея императорскому величеству из многих примеров уже известно, а особливо из поселения Слободских полков какой плод приобретен..."); отмечалось, что усиление гнета военно-государственной эксплуатации и произвола старшин вызвало затем массовое бегство, отчего "и ныне живущие в тех полках уменьшаются как и видно от переписи 1733 года до 1759 года уже убыло более 82000 (душ муж. пола — А.П.) и жилища их тем опустошаются..." ⁵

* Впервые в литературе значение труда Юнкера, как исторического источника, раскрыто в работе: Исаевич Я.Д. Г.Ф.В.Юнкер и его описание Украины // Славяно-германские культурные связи и отношения. — М., 1969. — С. 201–208. Однако статистико-демографический аспект описания автором не рассматривался.

В конце 60-х годов XVIII в. было составлено описание земель донских казаков известным украинским историком А.И.Ригельманом⁶. Это — первая, наименее известная работа Ригельмана, которая, в отличие от последующих его трудов выдержана в строгом статистико-географическом ключе. Она важна тем, что в ней впервые сообщена общая численность и сословный состав мужского населения Донского края, которые до Ригельмана были практически неизвестны. Автор на основании служебных материалов и собственной статистической оценки определил численность всех сословных групп (включая регулярные войска, казачество, украинцев на Дону). Работа Ригельмана ценна также умением автора применять принципы политической арифметики (при разработке реальной гипотезы о числе казаков), что было редкостью среди государствоведов того времени.

Ригельману принадлежит также приоритет (1785—86 гг.) в определении численности населения Украины на середину XVII в. Используя политическую арифметику, он определил число жителей территории, находившейся под властью правительства Б.Хмельницкого во время воссоединения Украины с Россией в 1654 г. Вычисленная Ригельманом величина (4 млн чел.) была близка к действительности⁷. К сожалению, расчеты Ригельмана были забыты и не учтены последующими исследователями.

Развитие демографической мысли на Левобережной Украине вплоть до начала 60-х годов XVIII в. тормозило то, что в региональных ревизиях учитывалось только число дворов, или, как оно официально именовалось в ревизской документации, "дворовое число". Вот почему украинские государствоведы того времени, занимавшиеся организацией региональных ревизий, неизбежно замыкались в своих рассуждениях на категории "дворовое число", совершенствуя это узкое понятие такими вспомогательными единицами учета, как "бездворная хата", "семья". В связи с усилением объективного экономического процесса закрепощения левобережного крестьянства подворная система учета уже не могла обеспечить классовые интересы украинских помещиков в регионе. Поэтому в 1763—1764 гг. при проведении очередной региональной ревизии казаков и посполитых подворный принцип учета был дополнен принципом подушного учета мужчин соответствующих сословных категорий, с записью возраста и отношения к главе хозяйства или семьи.

Ревизия 1763—1764 гг. позволила раскрыть, выражаясь современной терминологией, значительный демографический потенциал, намного превосходивший или не уступавший по численности населению многих государств Европы того времени. Переход украинского государствоведения к более богатому по своему социально-экономическому содержанию понятию о "числе народа" в результате ревизии 1763—1764 гг. — качественно новый момент в становлении демографической мысли на Украине, поэтому 1763—1764 гг. составляют хронологический рубеж между предысторией и собственно историей демографической мысли в регионе.

В развитие статистики и демографической мысли на Украине весомый вклад внес П.А.Румянцев, возглавлявший Малороссийскую коллегию в 1765—1782 гг. Он проявлял глубокий и постоянный интерес к статистиче-

ским сведениям о населении края, особенно к данным о его сословном составе. По его инициативе и замыслу была проведена Генеральная опись Левобережной Украины 1765—1769 гг., которая впервые соединила проведение демографической переписи с составлением имущественного ценза. Хотя старшина, чиновники и духовенство не подлежали при этом подушному учету, однако, переписывалось их недвижимое имущество (земельные угодья, дома, хозяйственные строения). Генеральная опись также впервые учла в регионе не только мужские, но и женские "души", их состояние здоровья, работоспособность. Учитывалась "порода" (сословное и этническое происхождение) пришедших из других местностей с названием места выхода (поселение, сотня, полк и т.д.). В городах обследовались сезонная миграция работников, занятия постоянного населения. У мужчин-казаков измерялся рост.

Первичная сводка итогов требовала учета числа дворов и бездворных хат, а в них людей: "Мужеска полу от 1 до 15 лет столко; от 15 до 60 столко; пристарелых и увечных к работе совсем неспособных столко, женска также против вышеписанного".

Хотя Генеральная опись закончилась в целом неудачей из-за сопротивления украинских помещиков ее проведению, однако, предусмотренный ее программой принцип группировки возрастов по инициативе Румянцева был применен затем в Малороссийской коллегии при выяснении возрастного состава населения Левобережной Украины по данным предыдущей переписи-ревизии 1763—1764 гг., что было новым для ревизской статистики населения в России. С именем Румянцева связаны и подворные переписи 1772—1773 и 1774 гг. в Молдавии во время русско-турецкой войны 1769—1775 гг. За заслуги по описанию Украины и Молдавии Румянцев был избран почетным членом Петербургской Академии наук.

При анализе необходимо учитывать, что и данные о "дворовом числе", и данные о "числе народа" в течение десятилетий XVIII в. составляли государственную тайну, что, естественно, не могло не отразиться на уровне формирования демографических знаний. Вот почему, например, описания Кирилова, Юнкера, Ригельмана оставались в рукописи и не могли быть опубликованы. Публикации отдельных статистических данных о числе жителей в стране и ее регионах, естественном движении населения появились с конца 60-х годов XVIII в. после выхода в свет в 1767 г. "Наказа" Екатерины II, в котором имеется специальная глава "О размножении народа в государстве". Подготовка и издание "Наказа" — заслуга группы видных представителей дворянской социально-экономической мысли страны. Роль Екатерины II, видимо, сводилась к политическому редактированию текста. В подготовке "Наказа" активно участвовали известные просветители, воспитанники Киевской академии Г.В.Козицкий и Н.Н.Мотонис, почетные академики Петербургской Академии наук, единомышленники и сотрудники М.В.Ломоносова. Не случайно поэтому глава "Наказа", посвященная вопросам увеличения числа жителей в стране, была написана под определенным влиянием ломоносовских идей. Трактат Ломоносова "О размножении и сохранении российского народа" оставался тогда в рукописи, но был известен Козицкому и Мотонису.

Не исключено, что эта глава "Наказа" была написана либо совместно Козицким и Мотонисом, либо последним. Мотонис внес определенный вклад в развитие демографической мысли страны. Он, будучи обер-секретарем 3-го департамента сената, ведавшего окраинами, анализировал данные о численности населения различных регионов страны и ввел в связи с этим термин "многолюдство" (1767 г.), аналогичный термину "народонаселение", получившему к тому времени широкое распространение в Западной Европе⁸. Одновременно он как депутат Гадячского, Миргородского и Полтавского полков от шляхетства предложил завести в стране статистический учет дворянства, принимая во внимание региональные особенности.

Важным событием в научной и культурной жизни Украины XVIII в. явилось издание первого справочника, сжато информировавшего о географии, административном делении, правовом статусе городов, истории, сословном составе общества, "числе народа" на Левобережной Украине по данным ревизии 1763–1764 гг., его естественном движении и т.д.⁹ Обычно в литературе эта работа приписывается издателю и литератору В.Г.Рубану. Однако, по нашему мнению, справочник был подготовлен в Малороссийской коллегии лицом, близким к генеральному писарю В.Г.Туманскому и был издан в Петербурге при поддержке Козицкого и Мотониса, меценатском участии П.А.Румянцева.

В 1775 г. на Левобережной Украине генеральным писарем, членом Малороссийской коллегии В.Г.Туманским была организована петиционная компания украинской старшины, добивавшейся от правительства Екатерины II "уравнения в чинах" с великорусским дворянством и юридического оформления крепостнических отношений в крае. Эти требования нашли отражение в "Краткой летописи Малыя Россия" (СПб, 1777). Для истории демографической мысли это публицистическое в своей основе произведение представляет интерес как редкий случай сознательной историко-демографической фальсификации данных. В "Краткой летописи" были подделаны данные Зборовского реестра украинского казачества 1649 г. (численность казаков завышена примерно на 20 тыс. чел.), с тем, чтобы создать необходимый историко-статистический аргумент для обоснования сословных требований старшины. Анализ текста "Краткой летописи" и более раннего (1765 г.) труда П.И.Симоновского¹⁰ показал много текстуальных и цифровых совпадений. В частности, в "Краткую летопись" весьма аккуратно перенесена таблица с фальсифицированными статистическими данными Зборовского реестра 1649 г. Это позволяет выдвинуть предположение, что Симоновский был одним из авторов "Краткой летописи". Таким образом, наша гипотеза полностью опровергает сложившееся в историографии мнение, что в 1765 г. Симоновский прекратил публицистическую деятельность.

Представителем украинского государственного управления последней четверти XVIII в. был член-корреспондент Петербургской Академии наук Ф.И.Туманский, автор первой на Украине статистико-экономической и этнографической анкеты (1779 г.), составленной в связи с необходимостью произвести топо-

графические описания края под запроектированное разделение его на наместничества¹¹. В литературе сложилось мнение, что Туманский отталкивается от известных анкет Татищева и Ломоносова, но оно неполно отражает истину. Важным источником для Туманского явилась программа Румянцевской Генеральной описи Левобережной Украины, особенно те ее пункты, которые объективно отражали социально-демографический аспект: 1) тщательный учет сословного состава жителей края; 2) статистическое разделение жителей на городских и сельских; 3) их имущественное положение; 4) занятия и профессии; 5) простейшие антропометрические наблюдения. Однако демографическая часть анкеты не была простым копированием отдельных положений программы Румянцевской описи. Туманский выдвинул требование сбора статистических данных о всей совокупности жителей населенного пункта, включая и те категории, которые не подлежали до того времени на Украине и России ревизскому учету (дворяне, чиновники, отчасти духовенство, регулярные войска, учащиеся академий и коллегийумов).

В соответствии с программой Румянцевской Генеральной описи анкеты предполагала сведения об общем числе жителей каждого поселения по схеме, которая вполне бы удовлетворила современного нам демографа или статистика (общее число жителей, в том числе мужчин, женщин). По тем временам это было весьма прогрессивно, если учесть, что повсеместный учет женщин (и только для ревизского населения страны) был введен лишь ревизией 1782 г., т.е. три года спустя после составления Туманским анкеты.

Анкета Туманского, особенно ее демографическая часть, легла с известными ограничениями в основу единой программы описания проектируемых Киевского, Черниговского, Новгород-Северского наместничеств. Эта программа представляет собой как бы сокращенный вариант анкеты Туманского и была составлена с учетом реального состояния государственной статистики на Левобережной Украине. Для удобства пользования топографическими описаниями в административной работе были составлены так называемые экстракты, в табличной форме содержавшие перечень поселений, сотен и частей сотен, которые должны были войти в создаваемые уезды будущих наместничеств. Против названия каждого населенного пункта в соответствующих колонках записывались числа домов дворянства, духовенства, разночинцев, казаков (выборных и подпомощников раздельно), крестьян различных категорий, фамилии и имена помещиков. Число жителей в поселениях не фиксировалось, однако, по каждому уезду были сделаны итоговые подсчеты числа хозяйств по сословным группам и отмечено общее число хат и душ мужского пола непривилегированных сословий по ревизии 1763–1764 гг.

Таким образом, осуществленная программа описаний 1779–1781 гг. представляет собой адаптированный к нуждам административного управления проект Ф.И.Туманского. Внес эти изменения, видимо, его дядя И.Г.Ту-

манский*, член Малороссийской коллегии, непосредственно ведавший ревизским учетом жителей Левобережной Украины.

Интересен взгляд Ф.И.Туманского на увеличение численности народа: "Благосостояние царства зависит немало и от *многолюдства* (курсив наш.— А.П.). Чем больше народа в государстве, тем оно сильнее и богаче, и тем в лучшем состоянии в оном земледелие, художества и науки находятся, главнейшим же народного размножения основанием есть *супружество*"¹². В связи с этим он одобрял идею развода по мотиву бесплодности (жены.— А.П.), был сторонником введения специального налога на холостяков, осуждал роскошь.

Большое значение для развития в целом демографической мысли в стране имел труд Туманского, посвященный описанию Петербургской губернии¹³. Туманский проанализировал естественное движение населения Петербургской губернии и Петербурга за 1786, 1787 и 1788 гг., составил раздельно таблицы по православным и "известиям иноязычных церквей". Дав суммарный итог родившихся, бракосочетавшихся и умерших по губернии, он затем "исключая Санктпетербург и Кронштадт поелику тут превосходящее количество умерших почти целою третью частию, следственно напрасно здешний климат почитают вредным здоровью, а тем неправильнее еще поставляют некоторые, оный (т.е. климат.— А.П.) и в число опасных"¹⁴. Таким образом, Туманский уже отмечал специфическую городскую смертность населения, обусловленную условиями жизни большого города, которая была типичной не только для Петербурга, но и для всех больших европейских городов того времени.

Оценивая степень заселенности губернии, он справедливо указывал, что: "Губерния сия количеством жителей токмо по положению во оной столичного города и по стечению в оном многочисленного народа может быть причтена к многолюдным..." Свое мнение он аргументировал расчетом, выполненным вполне в духе школы физиократов: "По показаниям в уездах число обрабатывающих землю крестьян мужеска пола считается... 159644 или взравное число 160000. Губерния сия содержит 39608 1/2 квадратных верст. Итак, на квадратную версту выходит четыре жителя или земледельца, включая в то же число малых и старых. Коль мало рук к обделыванию земли и почему еще удивляемся дикости ея!"¹⁵.

Явным вызовом дворянского государственоведения стало изучение состава жителей императорской резиденции — Петербурга: "Как жители города настоящие должны счестся купцы и мещане, то начнем от них"¹⁶. Несом-

ненной заслугой Туманского является правильный расчет общей численности населения Петербурга на конец 80-х — начало 90-х годов XVIII в., с выделением гражданского и военного населения города, учет временных сезонных жителей. Приведенный нами фактический материал не подтверждает установившееся в литературе мнение, что Туманский был идеологом дворян-крепостников. То обстоятельство, что ученый видел соль земли не в дворянах и чиновниках, а в крестьянах, купцах и мещанах свидетельствует, что он был в науке представителем интересов нарождавшейся буржуазии.

Идеи анкеты Туманского оказали существенное влияние на труд А.Ф.Шафонского, содержавший общее краткое описание Левобережной Украины и Черниговского наместничества (1786 г.)¹⁷. В частности, в статистической характеристике сословного состава Черниговского наместничества по итогам общегосударственной ревизии 1782 г., которая на Левобережной Украине проводилась впервые. В то же время Шафонский, творчески развив идею Туманского о необходимости показа сословного состава общества применительно к административно-территориальному делению (наместничество — его города и уезды), стремился выяснить этнический состав сословных групп (купцов, мещан, крестьян и др.).

Однако работа Шафонского была издана только в 1851 г.

В XVIII в. было опубликовано только одно описание украинского наместничества, относящееся, однако, к Слободской Украине¹⁸. В этом описании был сделан важный шаг вперед в развитии демографической мысли на Украине. Автор построил теоретическую схему объединенных "духом европейской людскости" "чиносостояний" украинского общества на Слободской Украине: "Третий, или нижний ряд жителей возникает подражательными умоначертаниями ко второму, или вышнему. Сие статистическое равновесие воздвигает низлагаемые чиносостояния к средним, а средние совокупляет с первым. Государственный поселянин уподобляется образу жизни, е л и к о м о ж е т (разрядка наша.— А.П.) жителю городскому, не подл, не презрен и в скудности, городской житель, священник приходской, приказный служитель и мещанин, не устраниаясь от поселянина прикосновенны другою рукою дворянину, уподобляются ему образованием, обхождением, пищею, одеяниями, жилищными покаями и пр. Все три степени один другому уподобляются, а не равняются"¹⁹.

На изложенную концепцию решающее влияние оказал ведущий принцип европейского просветительства XVIII в. о естественном праве человека. Разумеется, ее автор не мог не учитывать сословных реалий, существовавших в стране и крае, однако, его группировка сословий ничего общего не имела с узкокастовым дворянско-крепостническим видением современного ему общества. Не случайно, выступая в подцензурной печати, он обошел молчанием вопрос о только что окончательно закрепощенных "владельческих черкесах", о лишении их права перехода, за что славословили Екатерину II публицисты крепостнической ориентации.

Автор практически вплотную подошел к пониманию категории народонаселения как сложной совокупности, богатой социальными признаками

*Туманский Иван Григорьевич (год рождения неизвестен — умер после 1796 г.) был воспитанником Киевской академии и Петербургского академического университета. Ученик Ломоносова, Мотониса и Козицкого. Известен как просветитель, переводил статьи из Французской энциклопедии, в том числе и государственоведческого содержания. Петербургский период его жизни освещен в работе: Кулябко Е.С. Замечательные питомцы Академического университета. — Л., 1977. — С. 192—194.

(хотя в то время в русскоязычной печатной научной литературе еще не было самого термина "населения").

Исторической заслугой исследователя явилось освещение важного вопроса современной ему демографической ситуации: распада многопоколенной стеблевой семьи в украинской деревне и формирования относительно небольших хозяйств на основе нуклеарной семьи.

Нельзя не сказать несколько слов об авторстве этого замечательного труда. Дискуссия по этому вопросу имеет столетнюю историю, которая подробно изложена в работе В.А.Пирко²⁰. Однако участники дискуссии, как нам представляется, не нашли верного пути достижения истины, в основном потому, что руководствовались анализом внешней атрибутики текста, не затрагивая системно идейно-логические связи в тексте.

Так, например, участники дискуссии не учли, что опубликованное в 1788 г. топографическое описание Харьковского наместничества не было составлено для нужд государственного и административного управления. Описание 1788 г. предназначалось прежде всего для широких читательских кругов. Вот что по этому поводу писали "Московские ведомости": "Обе сии книжки (описание Харьковского наместничества вышло одновременно с описанием г.Казани и его уезда. — А.П.) удовлетворят любопытство читателя относительно до топографии описываемых в них стран любезного нашего отечества и подадут повод желать, чтоб и о других наместничествах, или частно губернских городах, доставлены были публике подобныя сим описания"²¹.

Теоретическая зрелость суждений ставит автора топографического описания Харьковского наместничества 1788 г. в ряд видных ученых своего времени, свободно ориентировавшихся в новейших достижениях прогрессивной западноевропейской общественной мысли. В 80-х гг. XVIII в. таким высоким требованиям среди образованных людей Слободской Украины отвечал только Василий Иванович Крамаренков*, просветитель, ученый-экономист и одновременно крупный администратор, имевший свободный доступ к служебной статистической информации наместничества.

Значительный интерес представляют взгляды на народонаселение, высказанные В.Г.Полетикой. В работе, посвященной формально сюжетам из древней истории, а на самом деле — изложению взглядов автора на острые социально-экономические вопросы современной ему России, он особо останавливается на концепции роста народонаселения применительно к истории²². Ряд европейских авторов XVIII в. полагал, что в древности обитаемая земля была гораздо населеннее, нежели в современную им эпоху. Эту концепцию Полетика подверг жестокой критике: "Есть ли то доказательством, что земля больше, нежели ныне населена была? Чтоб доказать, что земля в десять раз тогда больше имела жителей, надлежит прежде доказать, что ее в десять раз больше

было выработано и что она их в десять раз больше пропитать могла: а когда земля для людей так плодородствовала, для скота столько ж родить должна была, умножим число скотов на число людей, я не знаю вместит ли земля такое множество? Привосокупим к сему оное мнение, что люди пред потопом не ели мяса, что чрезвычайно много стад надобно было для насыщения млеко немногих людей; и что для прокормления малого стада пространные паствы потребны были; то усмотрим, что те, которые пером род человеческий размножали, позабыли что им самим без пищи обойтись невозможно. Таковые суть по большей части пустые изыскивания на некоторых отрывках истории и на ложных основанных вношениях"²³.

Полетика связывал рост народонаселения с возникновением земледелия, повышения человеком ее естественного плодородия: "при плодородии умножался род человеческий, а с плодородием и многолюдством взаимные обязательства, неравенства собственности, частные надобности, споры и несогласия"²⁴. Касаясь истории Египта, он попутно отмечал роль знаний и изобретений, "дабы страну сию сделать населенною"²⁵. В противоположность современному ему украинским дворянским публицистам, он осуждал их претензии на закрепощение крестьян, отмечая, что запрет свободного перехода являлся препятствием к развитию искусств* и знаний: "Право, запрещающее детям отступать от ремесла и состояния своих родителей, вопреки похвалам великого Боссюета** долженствовало быть преградою возрасту искусств и знаний. То право в Европе много бы мудрецов отняло украшающих веки наши, прилепившихся точно с колыбели к орудиям своих родителей"²⁶. Таким образом, Полетика сформулировал концепцию поступательного роста народонаселения, связывая его с культивированием плодородия почвы, ростом знаний, сменой занятия и повышением их сложности. Можно сказать, что он весьма близко подошел к идее развития народонаселения.

К концу 80-х годов XVIII в. относится диссертация воспитанника Киевской академии и Московского университета Я.А.Рубана. Средствами политической арифметики он определил численность славян в эпоху великого переселения народов, которая по его расчету, в третьем веке новой эры достигала примерно 1,5 млн чел.²⁷

М.И.Антоновский вошел в историю отечественной статистики и демографической мысли XVIII в. как один из соавторов "Новейшего повествовательного землеописания" (в дальнейшем изложении "НПЗ"). О значении этого крупного труда в советской литературе нет единого мнения, что в полной мере отразилось в исследовании М.В.Птухи²⁹. В частности, это проявилось в том, что ученому не удалось установить действительную роль Антоновского в создании "НПЗ", поскольку Птуха при разработке вопроса не учел практически забытую публикацию — воспоминания самого Антоновского.

О своей роли в написании и издании в России трудов по государственному

* Крамаренков В.И. (ок. 1732—1800) родился в Сумах, в семье священника. Был одним из самых одаренных выпускников Академического университета в Петербурге, в котором обучался в 1750—1752 гг., затем служил в сенате. В 1785—1796 гг. — председатель гражданской палаты Харьковского наместничества, действительный статский советник (1793 г.). Служил еще при Павле I.

* Под-искусствами в XVIII в. понимались также широкая совокупность ремесел, инженерное дело и т.д.

** Ж.Б.Боссюэ — идеолог феодально-католической реакции и французского абсолютизма.

дению Антоновский писал так: "Описание народов, обитающих в России (известное описание академика И.Г.Георги — А.П.) три части с немецкого исправил и почти вновь сочинил, а четвертую — всю от себя сочинил; также исправил применительно к тогдашнему времени и на русском издал Остервальдово повествовательное землеописание о целом свете, к которому присоединил сочиненное им статистическое описание России"³⁰. Второй труд по государственоведению и есть анонимное "НПЗ", а статистическое описание России составляет его вторую часть. Помимо Антоновского*, в написании других частей "НПЗ" принимали участие Н.Д.Жулковский и, видимо, С.Н.Завалиевский**.

Вслед за И.Н.Болтиным Антоновский употребляет термин "народочислие", которым он обозначает категорию народонаселения³¹. Выбор термина объясняется видимо тем, что Антоновский стремился подчеркнуть статистический характер категории, т.е. прежде всего ее количественную сторону. В своей работе Антоновский завысил темп общего прироста народонаселения России в XVIII в., что сказалось на достоверности его прогноза численности народонаселения страны до 1892 г. Однако сама по себе методика его прогноза была намного совершеннее И.Ф.Германа и К.Ф.Германа. Достаточно сказать, что период удвоения численности народонаселения России у И.Ф.Германа принят равным 30, а у Антоновского — 70 годам. Как историографический парадокс отметим, что прогноз "НПЗ", т.е. Антоновского, остался неизвестным Б.Д.Урланису³².

"НПЗ" явилось по оценке М.В.Птухи одним из наиболее значительных произведений отечественной статистико-демографической мысли XVIII в. Однако судьба книги и основного ее создателя была трагична: за выражение симпатий к Великой французской революции "НПЗ" было запрещено, тираж конфискован, служебная карьера Антоновского сломана, и он ряд лет был лишен возможности публиковать другие работы под своим именем.

При переработке труда Георги³³ Антоновский дополнил его сведениями, относящимися к 4-й государственной ревизии населения. В отличие от многих современников он критически относился к итогам ревизии учета, особенно о численности коренных сибирских народов³⁴. При изложении вопроса об этническом составе страны он, как и другие украинские государственове-

ды XVIII в., отмечал, что существует "малороссийская нация", "малороссийский народ".

В XVIII в. государственоведы России и Украины имели весьма приблизительное представление о численности населения страны в целом и отдельных ее регионов. Поэтому нередко были ошибочные оценки. В этом смысле весьма типично мнение украинского статистика Я.М.Марковича о численности населения Левобережной Украины в конце XVIII в. "Всех жителей в Малороссийской губернии полагать можно до трех миллионов человек"³⁵. В действительности численность населения края по данным ревизии 1795 г. только немногим превышала два миллиона человек. Так что в данном случае погрешность в расчете составила около 50 %. Однако распространенное (и обоснованное до известной степени) недоверие к официальным и редко публикуемым итогам ревизий населения часто становилось зыбкой "почвой" для завышенных расчетов. Таким образом, Маркович делает шаг назад по сравнению с Антоновским, который предпочитал в своих оценках в основном придерживаться исходных статистических данных. Работа Марковича по времени публикации — один из последних трудов украинского государственоведения в XVIII в.

В целом демографическая мысль на Украине в XVIII в. прошла значительный и весьма сложный путь. Развиваясь в основном в рамках государственоведения, она в то же время постоянно обогащалась за счет методики политической арифметики.

Решающую роль в плодотворном развитии демографической мысли на Украине в XVIII в. сыграли русско-украинские научные связи, обмен идеями и кадрами, деятельность ученых, связанных с Петербургской Академией наук и Московским университетом.

¹ Климентій Зинівій. Вірші, приповіді. — К., 1971. — С. 97.

² Новицкий Г. Краткое описание о народе остяком. — Новосибирск, 1941. — С.32–33.

³ Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. — М., 1977. — С. 164–170.

⁴ Юнкер Г.Ф.В. Описание Малороссии 1737 г. — Рукопись: См.: ОР ГБЛ. — Ф. Общества истории и древностей, шифр 264.3. — 1–44 (пер. с нем. 22 июля 1848 г.).

⁵ Экстракт об изнеможении слободских полков // Сб. Харьк. ист.-филол. о-ва. — Харьков, 1899. — Т. 11. — С. 318.

⁶ Ведомость и географическое описание крепости святого Димитрия Ростовского с принадлежащими и прикосновенными к ней местами, сочиненное по указу правительствующего сената 1768 года. Крепость св.Димитрия Ростовского, Ф.А.Р. (Инициалы Ригельмана) — Рукопись: См.: ОР ГПБ. — Ф. Эрмитажное собрание, д. 240.

⁷ Ригельман А.И. Летописное повествование о Малой России и ее народе и козаках вообще / Собрано и составлено чрез труды инженер-генерал-майора и кавалера Александра Ригельмана 1785–1786 года: В 4 ч. — М., 1847. — Ч. 4 — С. 84.

⁸ Мотонис Н.Н. (Мнение Н.Мотониса) // Сб. Рус. ист. о-ва. — Спб., 1869. — Т. 4. — С. 168.

⁹ Краткие географические, политические и исторические известия о Малой России. — Спб., 1773.

¹⁰ Симоновский П.И. Краткое описание о казачком малороссийском народе и о военных его делах, собранное из разных историй иностранных и рукописей русских чрез бунчужного товарища Петра Симоновского // Чтения в О-ве истории и древностей российских. — 1847. — Кн. 2, ч. 2.

* Антоновский Михаил Иванович (1759–1816) родился в старшинской семье в г.Бороздне Черниговского полка. Учился в Киевской академии, затем — в Московском университете, который окончил в 1783 г. Служил чиновником в Адмиралтейской коллегии, путешествовал и жил в странах Западной Европы.

** В "Записках" Антоновский указывает на свою деятельность по привлечению на дальнейшую учебу и государственную службу воспитанников Киевской академии. Так, по его рекомендации в Московский университет на учебу были отозваны из Киевской академии семь человек, в том числе и будущий профессор Я.А.Рубан; на службу в Адмиралтейскую коллегию им лично в Киеве были отобраны в 1787 г. шесть студентов, среди них: С.Н.Завалиевский, Н.Д.Жулковский, А.К.Крыжановский, И.П.Коржевский. Видимо среди этой второй группы лиц и следует искать соавторов Антоновского по написанию "НПЗ". Антоновский внес заметный вклад в развитие русско-украинских научных и культурных связей в 80-х годах XVIII в.

- ¹¹ Горленко В.Ф. З Історії формування наукової методики народознавства (анкета Туманського Ф.О.) // Нар. творчість та етнографія. — 1980. — № 4. — С.76–83.
- ¹² Туманский Ф.И. О размножении народа // Зеркало света. — 1788. — № 2 — С. 36.
- ¹³ Туманский Ф.И. Опыт повествования о деяниях, положении, состоянии и разделении Петербургской губернии... сочинил Феодор Туманской, 1789–1790 — Рукопись: См.: ГПБ им. М.Е.Салтыкова-Шедрина, отдел рукописей, Ф. Эрмитажное собрание, д. 558.
- ¹⁴ Там же. — Л. 70, 71 об.
- ¹⁵ Там же. — Л. 72.
- ¹⁶ Там же. — Л. 211 об.
- ¹⁷ Шафонский А.Ф. Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малой России, из частей коей оное наместничество составлено, сочиненное действительным статским советником Афанасием Шафонским с четырьмя географическими картами. В Чернигове, 1786 года / Издал М. Судиненко. — Киев, 1851.
- ¹⁸ Топографическое описание Харьковского наместничества с историческим предвидением о бывших в сей стране с древних времен переменах взятым к объяснению деяний и хронологии из татарской истории Баядур-Хана-Абугалзи, Российской истории князя Щербатова, начертания Европейской истории Готфрида Ахенвалля и Политической истории Самуила Пуфендорфа. — М., 1788.
- ¹⁹ Там же. — С. 90–91.
- ²⁰ Пирко В.А. Топографическое описание Харьковского наместничества 1785 г. // Пробл. ист. географии России. — 1983. — Вып. 4. — С. 157–167.
- ²¹ Московские ведомости. — 1788. — 21 июля. — С. 469.
- ²² Полетика В.Г. Опыт рассуждения о первоначальных делах мира, о древнем Египте, об Ассириянах, о Мидянах и о Персах Василия Полетики. — СПб., 1788. — С. 126.
- ²³ Там же. — С. 14–15.
- ²⁴ Там же. — С. 43.
- ²⁵ Там же. — С. 72.
- ²⁶ Там же. — С. 86–87.
- ²⁷ Рубан Я.А. Рассуждения историческое о возмутительном и насильственном переселении в средних веках варварских северных народов в провинции Римской империи... — М., 1789. — С. 195.
- ²⁸ [Антоновский М.И. и др.] Новейшее повествовательное землеописание всех четырех частей света. Российская империя описана статистически, как никогда еще не бывало. Сочинено и начертано из вернейших источников, новейших лучших писателей, учеными россиянами: В 5 ч. — СПб., 1795.
- ²⁹ Птуха М.В. Очерки по истории статистики в СССР: В 2 т. — М., — 1955. — Т. 1. — С. 284–295.
- ³⁰ Антоновский М.И. Записки Михаила Ивановича Антоновского // Рус. Арх. — 1855. — Кн. 1, вып. 2 — С. 161.
- ³¹ [Антоновский М.И. и др.] Новейшее повествовательное землеописание... — Ч. 2 — С. 129.
- ³² Урланис Б.Ц. Проблемы динамики населения СССР. — М., 1974. — С. 307–308.
- ³³ [Георги И.Г., Антоновский М.И.] Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей: В 4 ч. — СПб., 1799.
- ³⁴ Там же. — Ч. 4. — С. 42, 172.
- ³⁵ Маркович Я. Записка о Малороссии, ея жителей и произведениях. — СПб., 1798. — С. 34.

Р.Н.ПУЛЛАТ
**ПРИМЕНЕНИЕ ГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА
 ИЗОБРАЖЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ**
 (на примере изучения смертности в г. Таллине в XVIII в.)

О городах и городском населении позднего феодализма советскими историками написан целый ряд интересных работ¹, в которых проанализированы общие проблемы развития городов, включая также изменение численности горожан. В Советской Эстонии история городов и городского населения XVIII в. монографически еще не изучена. Вышла работа общего характера по истории Таллина, а также аналогичное издание по Тарту и Выру². Э.Кангиласки и Ю.Линнус написали исследования о демографическом развитии значительного социального слоя городского населения Эстонии — ремесленников, а Т.Вейспак анализировал рост населения г.Раквере³.

Р.Пуллат дал общую характеристику проблем развития городского населения Эстонии в последнее десятилетие XVIII в.⁴ О развитии городов Эстонии того же периода писал О.Карма⁵.

То обстоятельство, что большая часть таллинского городского архива находится в Бундесархиве (г.Кобленц, ФРГ), создало для немецких ученых возможность изучения истории столицы Эстонии. Эти фонды таллинского архива были вывезены в период немецко-фашистской оккупации.

Ранняя история Таллина изучалась П.Иохансенем и его учениками, в последние годы исследователи уделили большое внимание проблемам XVII и XVIII вв.⁶ Работы историков ФРГ характеризует тщательное освоение архивных источников. Однако материалы, находящиеся в архивах Советского Союза, они не использовали, поэтому в их работах имеются существенные пробелы.

В настоящей статье рассмотрены демографические проблемы Таллина в XVIII в.

В ноябре 1708 г. в нижнем городе Таллина было 9801 чел. гражданского населения, в том числе 5122 — во внутреннем городе и 4679 — за его пределами⁷. После завершения военных действий осенью 1710 г. численность городского населения Эстонии едва достигала 5000 чел. По спискам, составленным в конце того же года, в Таллине (не считая предместья Тынисмяэ и Вышгорода) от эпидемии чумы умерло 5687 чел.⁸ В то время в Таллине проживало 1962 чел., в т.ч. 987 чел. простолюдинов⁹.

Чума 1710 г. катастрофически уменьшила численность населения города по сравнению с 1708 г. В 1710 г. в Таллине проживало втрое меньше людей (38,3 % численности населения 1708 г.). Между тем, современники полагали, что лишь во второй половине 1710 г. от эпидемии умерло всего (включая военнотружущих и жителей предместий) 1500 чел.¹⁰ По данным С.Хартмана, во внутреннем городе от чумы погибло 5687 и в предместьях 4256 чел.,

а также около 3500 военнослужащих¹¹. Поскольку известная часть населения, очевидно, убежала, а современники могли причислить ее к жертвам эпидемии, эти данные следует считать преувеличенными.

В 1754 г. городское население насчитывало уже на 27,3 % больше, чем до чумы. Таким образом, численность населения была восстановлена примерно за 40 лет. Однако, если рассматривать в более широком территориальном масштабе, на восстановление населения ушло больше времени. Вместе с населением предместий в Таллине снова стало 10650 чел. (без армии) только в 1782 г.¹² Потребовалось почти 70 лет, прежде чем был восполнен ущерб, причиненный чумой 1710 г.

Более быстрые темпы восстановления численности населения в основной части города и относительно медленные — на окраинах и в предместьях дают основание предположить интенсивную внутригородскую концентрацию населения в послецумные годы.

Наряду с изменениями, происходившими в общей численности населения, особенно интересно выяснить естественный прирост. Хорошую возможность для этого дают метрики рождений и смертей, сохранившиеся, правда, неполностью. К сожалению, до нас не дошли метрические книги православных приходов.

Изменение численности населения зависит, как известно, от четырех факторов: рождаемости, смертности, иммиграции и эмиграции. Подробно исследовано два аспекта формирования населения Таллина в XVIII в. — рождаемость и смертность — на основании массовых статистических данных, содержащихся в приходских книгах: за целый век обработаны метрики рождений и смертей пяти таллинских приходов (Нигулисте, Олевисте, св.Духа, св.Михкеля и Домской церкви)¹³. В настоящей статье впервые по эстонским источникам сделана попытка выявить сезонность структуры, причины смертности. Проблемы смертности сейчас широко изучаются. Демографы исследуют смертность в разрезе возрастных, половых, семейных или профессиональных групп; медики и юристы обсуждают как уменьшить смертность; биологи и генетики исследуют возможности замедления процессов старения; философы говорят об осознании неизбежности смерти как конститутивном элементе человеческого мировоззрения. Историки исследуют типы смертности и изменения в отношении человека к смерти¹⁴. При этом проблематика смертности довольно подробно расчленена, ее рассматривают во многих аспектах. В данной статье выясняется смертность по возрастным группам и полу. Анализируются численность смертных случаев по возрастным группам и полу, по отдельным месяцам, годам и десятилетиям и причины смерти.

Объектом исследования является эстонский приход таллинской церкви св.Духа в 1736–1800 гг. За эти годы там было зарегистрировано 11695 случаев рождений и 12928 случаев смерти, что составляет 76,6 % смертности по всему городу Таллину.

В общих чертах тип смертности населения Таллина сходен с типами смер-

ности в странах Северной Европы. Среди таллинского населения четко наблюдались значительные различия в смертности в зависимости от социального и этнического состава приходов. Показатели в немецком приходе Нигулисте были ниже чем в приходе св.Духа. Промежуточную позицию по уровню смертности занимали шведский приход св.Михкеля и этнически смешанный приход Олевисте.

При обработке данных применен метод, предложенный известным демографом ФРГ А.Имхофом. Использование одинаковой методики имеет в исторической демографии важное значение для получения сравнимых данных. В последующем данные прихода св.Духа в Таллине сравниваются с соответствующими данными по Гиссену на Лане (ФРГ)¹⁵. Гиссен был примерно таким же городом средней величины, как и Таллин.

Записи в метрических книгах фиксируют не день смерти, а день похорон. Но это не оказывает значительного влияния на результаты исследования, так как в XVIII в. хоронили, как правило, на второй–четвертый день после смерти. Записи в метриках смертей прихода св.Духа за 1700–1731 гг. даны по кладбищам: кладбище богадельни Яана, св.Барбары и Каламая¹⁶. В начале века записи не отличаются точностью, начиная же с 1710 г. их вообще трудно разобрать. В 1731–1736 гг. пастор церкви св.Духа Т.Винклер не удосужился даже отметить похороненных и крещенных.

Если сравнить данные книг рождений и смертей прихода св.Духа за 1771–1799 гг. с информацией, которую приводит местная газета "Revalsche Wöchentliche Nachrichten", то выясняется, что они несколько отличаются. Как правило, цифры, приведенные в газете, несколько меньше архивных данных. При анализе книг смертей выяснилось, что в списки занесены и те умершие, по которым состоятельные родственники звонили в колокола в городе, хотя похороны проходили в другом месте. Чтобы не возникало двойного подсчета, эти покойники учтены нами только в списках того прихода, к которому они принадлежат.

Рассмотрим вначале распределение смертных случаев по возрастным группам (рис. 1).

Необходимо учесть, что абсолютная численность смертей росла в связи с увеличением населения города, а также числа прихожан (например, в 1741–1750 гг. 1555 смертных случаев и в 1791–1800 гг. — 2527).

Пики общей численности смертей приходились в Таллине на 1756–1757 гг. и 1788–1789 гг. и в последние годы века. В Гиссене пиками были иные годы: 1735, 1770, 1774, 1796.

До 1756 г. включительно в приходе св.Духа наблюдался рост числа похорон, особенно в более молодой группе, что, видимо, объясняется относительно большим притоком населения в город. Дальше наступает относительная стабильность; в разрезе всего столетия это как бы переходный период. Затем удельный вес смертей более молодых людей начинает снова возрастать. Общая численность похорон в последних двух десятилетиях века также растет.

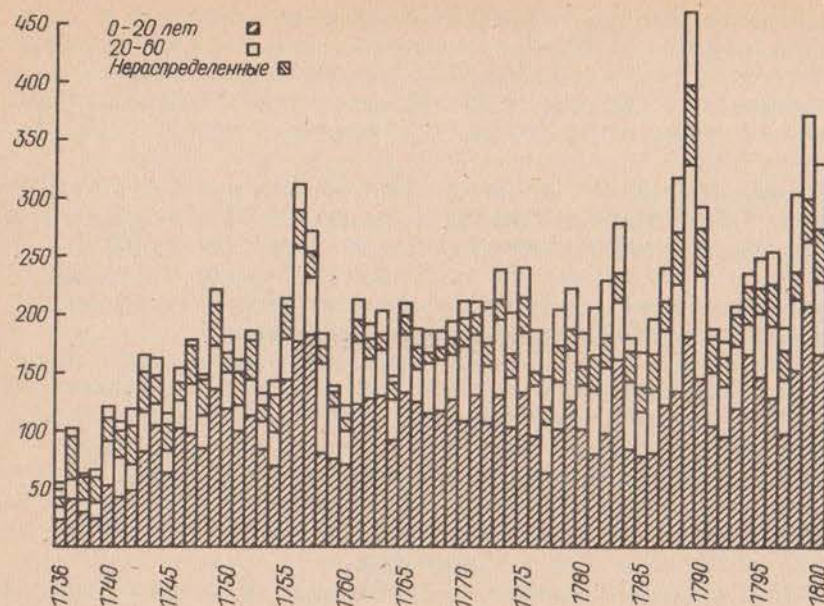

Рис. 1. Абсолютное распределение смертных случаев по возрастным группам в приходе св.Духа (1736–1800)

По сравнению с Гиссеном церковная регистрация населения в приходе св.Духа была неполной, поэтому удельный вес "неясных" похорон выше; во второй половине века местами до 14 %. Причиной мог быть социальный облик прихода св.Духа: принадлежность его населения в основном к трудовым слоям. По числу похорон за десятилетие выделяются 1781–1790 гг. (2585).

Если причины кульминации смертности в 1756–1757 гг. требуют еще уточнения, то в 1788–1789 гг. они известны. В декабре 1788 г. пастор прихода св.Духа писал, что только за этот месяц было несколько десятков смертных случаев, вызванных эпидемией (видимо, оспы). В первой половине следующего года смертность была также высокой. В марте пастор отмечал, что в этот месяц умерло 64 чел. Причиной этого приводили испорченную пищу и голод, цена одного ластва* ржи превышала летом 100 руб.

Охарактеризуем относительное распределение смертей по возрастным группам и полу (рис. 2).

Критической чертой выживания ребенка в приходе св.Духа были первые 3 года жизни. В первой половине XVIII в. в Таллине, как и вообще в Северной Европе, умирал уже в первый год каждый четвертый родившийся ребенок и каждый второй не доживал до 10 лет. Этот кажущийся высоким показателем был обычным в условиях феодализма, а в настоящее время — и в

* Немецкая мера корабельного груза, распространенная в Прибалтике: 1 ласт равнялся примерно 2 метрическим тоннам.

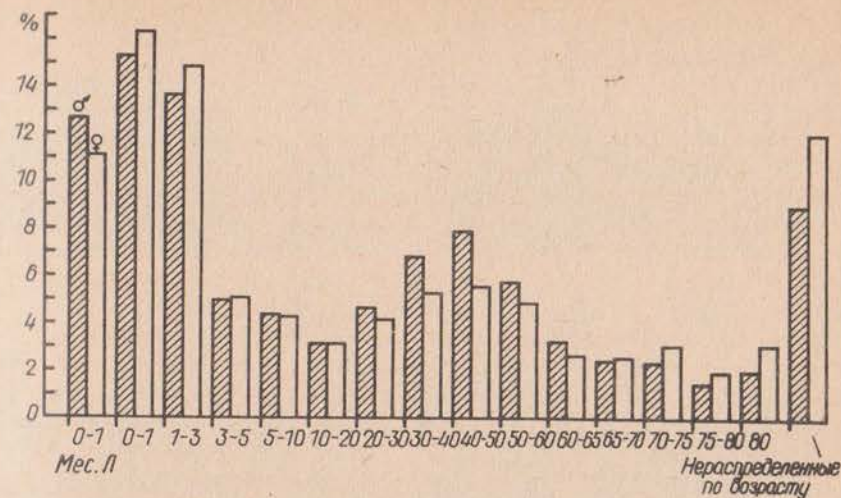

Рис. 2. Относительное распределение смертных случаев по возрасту и полу в приходе св.Духа (1736–1800)

ряде развивающихся стран. Положение в Гиссене было в общем таким же, но в рамках первых трех лет жизни число смертных случаев все же уменьшалось. В целом же младенческий период в современном понимании (0–1 год) в XVIII в. растягивался. Необходимо отметить и то, что в Таллине (как и в Финляндии) не всегда регистрировалась смерть новорожденного, особенно когда он был еще не крещен¹⁷. Половые различия по возрастным группам относительно невелики.

Наивысший уровень смертности взрослого населения в эстонском приходе был в возрасте 30–60 лет. В Гиссене он приходился на возрастную группу в 60–80 лет. Если выбрать для сравнения, например 1761 год, то в Гиссене умерло больше всего людей в возрасте 60–70 лет (15, 25 %). В приходе св.Духа в том же году число умерших в этой возрастной группе было наполовину меньше — 8,87 % общего числа умерших. Причины расхождения явно социального порядка. Жизненный уровень населения Гиссена был выше, чем в приходе св.Духа в Таллине, состоявшем в основном из трудового населения, а соответственно, и их средняя продолжительность жизни была выше. Во второй половине XVIII в. в приходе св.Духа половину умерших составляли дети до 12 лет. Молодежь этого прихода (0–20 лет) составляла более 54 % общего числа умерших в 1736–1800 гг.

Рассмотрим относительное распределение смертей в приходе св.Духа в 1736–1800 гг. по возрастным группам по месяцам (рис. 3).

Анализ показывает, что значительная часть умерших в возрасте до 1 года составляли младенцы до 1 мес. В возрасте 0–1 год мы также видим относительную стабильность смертности. В целом следует отметить, что смертность прихожан распределялась по месяцам неравномерно. Распределение вероятной частоты смертности в возрасте до 30 лет в разрезе года была более-менее

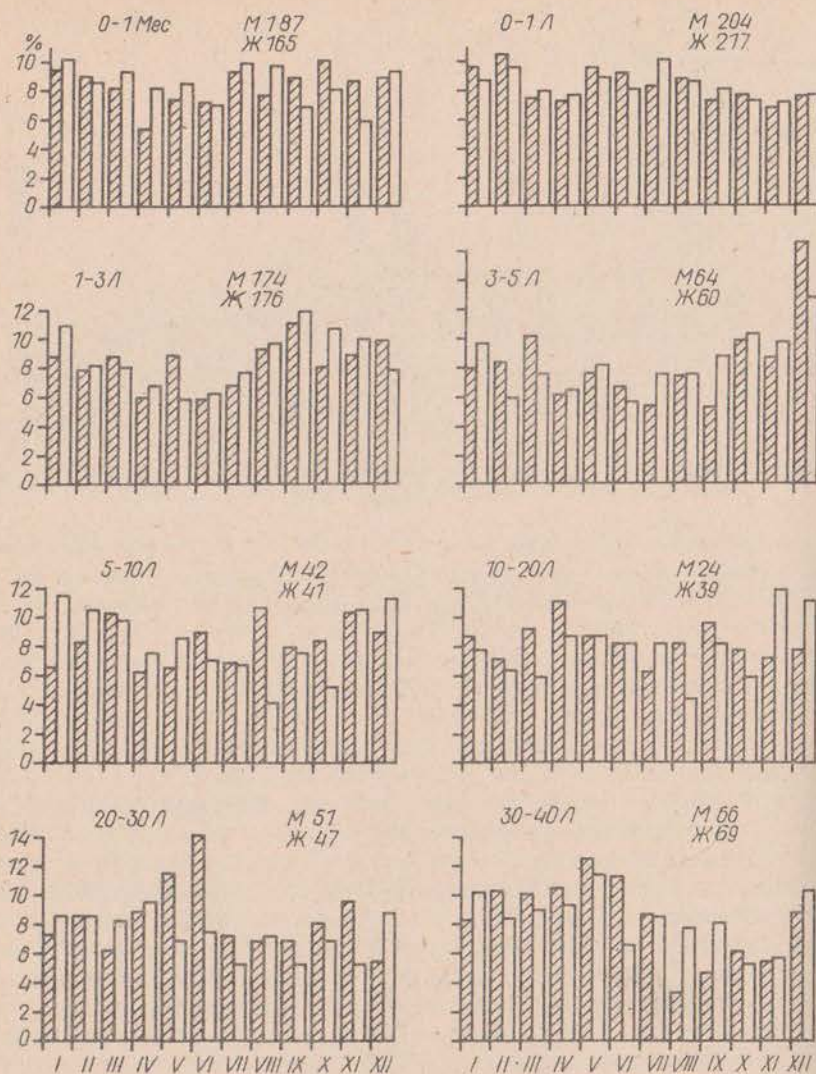
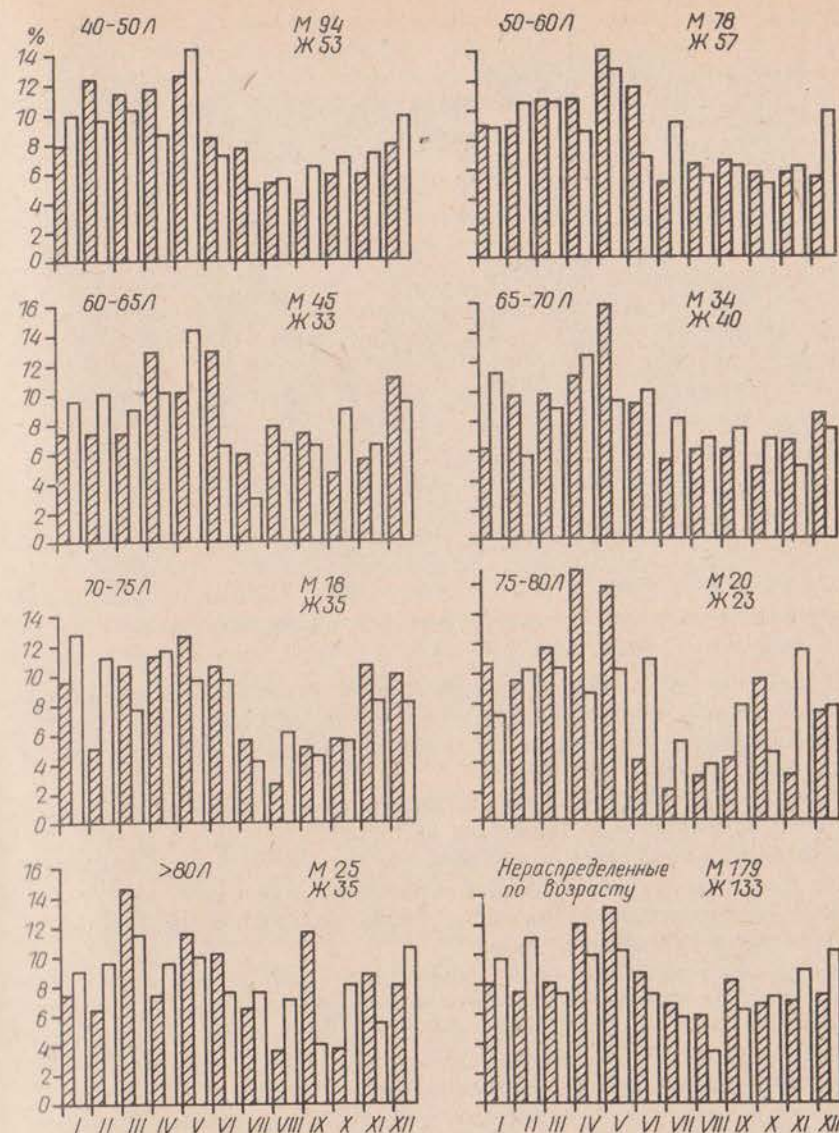

Рис. 3. Относительное распределение смертных случаев по возрасту и полу и месяцам

константной. Пик смертности 20-30-летних, особенно мужчин, наблюдался в июне (утопившие, убийства, несчастные случаи во время Иванова дня). В Гиссене — в мае. Далее, начиная с 40-летних, мы замечаем волнообразность тенденций смертных случаев. При этом она достигала наивысшего уровня 80

года в приходе св. Духа (1736-1800)

весной (апрель, май) и наиболее низкого — в летние месяцы (от июня до сентября), в конце текущего и в начале следующего года наблюдался снова подъем. В группе "данные неизвестны" проявляется та же тенденция — следовательно, здесь большинство составляют взрослые. Среди детей смертность

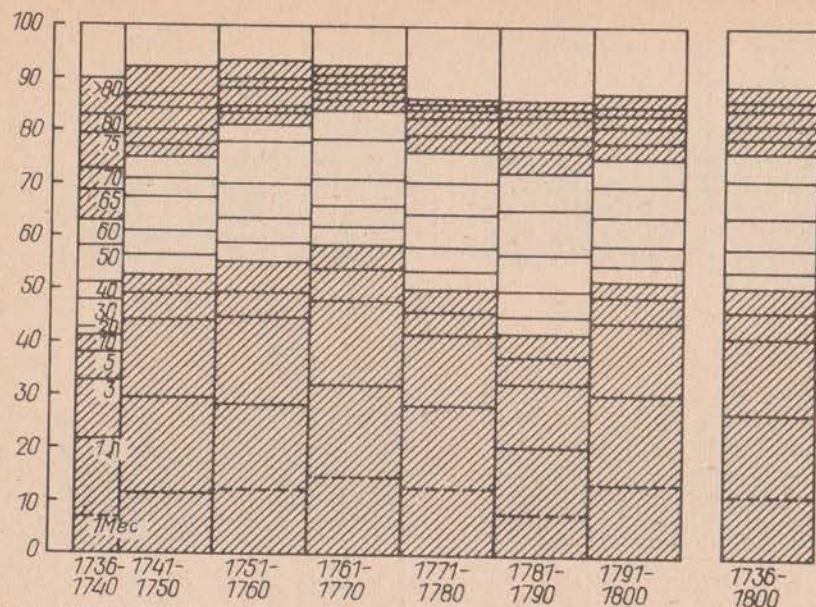

Рис. 4. Относительное распределение смертных случаев по возрастным группам и десятилетиям в приходе св.Духа (1736–1800)

повышалась часто летом. Весной и зимой умирали, в основном, от инфекционных респираторных заболеваний, в летние — от болезней желудочного тракта.

Проанализируем относительное распределение смертей по возрастным группам и десятилетиям (рис.4).

По сравнению с Гиссенем данный аспект демографической ситуации в приходе св.Духа был хуже. Например, в 1761–1770 гг. молодые составляли среди умерших в Гиссене около 40 %, а в Таллине — 50 %. Смертность в средних возрастных группах была приблизительно такая же, как и в Гиссене. Удельный вес распределения смертных случаев молодых возрастных групп был различным в течение всего периода.

Основными явлениями, характеризующими XVIII в. были следующие: 1) относительная стабильность смертности в трудовых возрастах и 2) большой удельный вес смертности детей и молодежи и рост ее в середине века.

Более половины всех умерших были моложе 20 лет. Внимания заслуживает относительно низкий уровень смертности детей в 1736–1740 гг., следующий за ним рост до максимума в 1761–1770 гг. и спад до 80-х годов, за которым следует новый подъем.

Одним из характерных признаков различных социальных групп населения является их неравенство в заболеваемости и смертности. При анализе причин смертности в Таллине выбраны метрики двух различных в социальном и национальном аспектах приходов: приход более бедной части населения, т.е. эстонский приход св.Духа, и немецкий приход зажиточного насе-

ления Нигулисте. Можно утверждать, что вопреки распространенному в исторической литературе положению будто бы вопиющее различие заболеваемости и смертности отдельных социальных групп городского населения обусловлено промышленной революцией, начальная стадия неравенства прослеживается намного раньше.

При сравнении причин смертей в обоих приходах сразу бросается в глаза большое число диагнозов в Нигулисте, тогда как в приходе св.Духа дифференциация диагнозов более примитивна и количество установленных причин смерти меньше ровно на половину.

Видимо, дело состоит не в халатности ведущих записи, а в уровне медицинской помощи двум различным по социальному положению и национальности группам. Прихожане Нигулисте были достаточно состоятельны, чтобы пригласить к больному или умирающему врача, который ставил диагноз и передавал устно в случае смерти пастору и таким образом регистрировал. Пастору же св.Духа приходилось ограничиваться полученными от близких описаниями болезни или вероятным диагнозом. Врач был для бедного человека, в данном случае эстонца, часто недоступной роскошью.

Постоянным бедствием для населения Таллина были вспышки эпидемии оспы (за исключением нескольких отдельных лет).

Наибольшую группу из продиагностированных составляют новорожденные, которые умерли в возрасте до 1 мес. В приходе Нигулисте они составляют 17,29, а в приходе св.Духа — 65,69 % всех умерших. Отсюда следует, что у более зажиточных, т.е. у немецких бюргеров, уход за младенцами по понятным причинам был налажен лучше, кормящие матери не получали испорченную пищу и загрязненную воду, дети не страдали от холода, при нехватке молока у матерей их заменяли кормилицы. В XVIII в. в Европе уменьшилось кормление детей грудью, что привело к росту смертности. Заменители материнского молока были нередко токсичны, варьировались от коровьего молока до смеси сахара и семян мака¹⁸. Так было в Германии, Финляндии и в других странах. Видимо, это было связано с понижением уровня жизни трудового населения, которое не могло нанимать кормилиц.

По числу мертворожденных (10,76 %, вместе с преждевременно родившимися 12,60 %) приход св.Духа почти в пять раз опередил Нигулисте (только 2,67 %). Это объясняется как условиями, в которых происходили роды (более состоятельные приглашали акушерок домой), так и тем, что женщины из простонародья часто работали до момента родов и могли повредить плод. Было много случаев, когда некому было принимать роды и младенец рождался мертвым. Часты были и преждевременные роды из-за непосильного труда матерей. При сравнении причин смертности приходов св.Духа и Нигулисте ясно видно, что и в развитии населения Таллина можно выделить два крайних демографических типа: систему расточительства и систему сохранения человеческой жизни. В приходе св.Духа, где в основном жило эстонское простонародье преобладала система расточительства, а в Нигулисте, зажиточном немецком приходе, — система сохранения человеческой жизни.

На основе имеющихся материалов — метрических книг — практически

невозможно интерпретировать все причины, вызывающие демографические колебания, в том числе подъемы и спады в смертности различных возрастных групп. Но знание структуры и причин смертности и ее сезонности помогает лучше понять демографическую и социальную структуры общества того времени, особенности воспроизводства населения, изменения демографической ситуации. Рождаемость и смертность — это демографические процессы, которые обеспечивают постоянство жизни, обновление человечества.

Ю.Л. БЕССМЕРТНЫЙ
НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ МЕТОДИКИ
В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(IX—XV вв.)

Обновление исследовательской методики в исторической демографии западноевропейского средневековья тесно связано с углублением и расширением ее проблематики. Помимо традиционных вопросов движения народонаселения, в этой отрасли интенсивно разрабатываются механизм демографической регуляции и его составляющие. В частности, намного шире, чем раньше изучаются смертность, брачность, рождаемость, их взаимосвязь, роль каждого из этих явлений в динамике населения, их влияние на продолжительность жизни, взаимосвязь со структурой семьи и миграциями, их обусловленность социально-экономическими и ментальными процессами и т.д.¹

Развернутый анализ этих вопросов стал ныне возможен именно благодаря использованию ряда новых исследовательских приемов, поскольку вся эпоха классического средневековья в Западной Европе (X—XV вв.) относится к "достаточной эре", от которой не сохранилось почти никаких прямых демографических данных. Исследовать любой из элементов механизма демографической регуляции можно поэтому только при условии выработки методики извлечения необходимой информации из косвенных свидетельств.

Развитие этой методики в советских и зарубежных трудах последнего десятилетия происходит в нескольких направлениях. Одно из них связано с изучением демографического поведения. Последнее подразумевает принятую в данном обществе систему представлений и действий, обеспечивающих воспроизводство населения и регулирующих в первую очередь брачность и рождаемость². Как это ни парадоксально, средневековые источники, не сохранившие почти никаких прямых данных об уровне брачности и рождаемости, в ряде случаев позволяют реконструировать представления современников об этих явлениях и в частности о том, что считалось тогда "нормой", а что — отклонением от нее. Анализируя их, можно, следовательно, выявить принятые в разные периоды средневековья модели брака, а также рисовавшиеся современникам нормальными уровни рождаемости и смертности. Уяснение подобных норм и моделей, конечно, не адекватно установлению реальных демографических показателей. Но так как соответствующие представления современников (тем более, их изменения) не могли складываться вне связи с реальными переменами в механизме демографической регуляции, их анализ весьма важен для воспроизведения этого механизма.

Попытки такого анализа были недавно предприняты советскими исследователями по отношению к древнеримскому обществу (по правовым памятникам эпохи), каролингскому времени (по нарративным памятникам и франкским пенитенциариям) и классическому средневековью (по французским "Героическим песням" XI—XII вв., по Иерусалимским ассизам XII—XIII вв. и по назидательным церковным сочинениям типа *Exempla*

- ¹ Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII века. — М., 1967; Рындзюнский П.Г. Основные факторы горообразования в России второй половины XVIII в. Русский город: (Ист. методол. сб.). — М., 1976 — С. 105—128; Города Сибири: (Экономика, упр. и культура городов в досоветский период). — Новосибирск, 1974; Водарский Я.Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века. — М., 1977.
- ² История Таллина (до 60-х годов XIX века) / Сост. Р.Пуллаат. — Таллин, 1983; История Таллина с начала 60-х годов XIX столетия до 1970 года / Сост. Р.Пуллаат. — Таллин, 1972; Пуллаат С., Тарвел Э. История города Тарту. — Таллин, 1980; Pullat R. Võru linna ajalugu. — Tallin, 1984.
- ³ Linnus J. Käsitöölised Eesti väikelinnades 18. sajandi lõpul ja 19. sajandi algul // Etnograafiamuus. aastaraam. — 1972. — 26. — Lk. 170—188; Linnus J. Käsitöölised Tallinnas 18. sajandi lõpul ja 19. sajandi algul // Ibid. — 1967. — 20. — Lk. 127—164; Kangilaski E. Tartu väikegildi liikmeskonnast 18. saj. lõpul ja 19. saj. esimesel poolel // Ibid. — 26. — 1972. — Lk. 192—212; Veispak T. Rakvere elanikkonna suurus ja sotsiaalne struktuur 17. sajandi lõpus 1780. aastateni // Изв. АН ЭССР. Т. 30. Обществ. науки. — 1981. — № 2. — С. 169—179.
- ⁴ Пуллаат Р. Городское население Эстонии с конца XVIII в. до 1940 г. — Таллин, 1976.
- ⁵ История Эстонской ССР: С древнейш. времен до середины XIX века. — Таллин, 1961. — Т. 1. — С. 552—561.
- ⁶ Pezold J.D.V. Reval 1676—1678. Rat. Gilden und schwedische Stadtherrschaft. — Köln: Wien 1975; Hartmann S. Reval im Nordischen Krieg. — Bonn: Godesberg, 1973; Etzold G. Der Seeverkehr zwischen Danzig und Reval 1722—1756 // Beit. Gesch. Westpreus. — 1973. — 4. — S. 19—32; Etzold G. Seehandel und Kaufleute in Reval nach dem Frieden von Nystadt bis zur Mitte des 18. Jahrhunderts. — Marburg a. d. Lahn, 1978; Kenez, Cz. J. Beiträge zur Bevölkerungsstruktur von Reval in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts (1754—1804). Inaugural-Dissertation. — Marburg / Lahn, 1978 и др. работы.
- ⁷ Таллинский архив в г.Кобленце. — ВК 18.
- ⁸ История Таллина. — С. 338.
- ⁹ ЦГА ЭССР. — Ф. 230, оп. 1, д.ВК 15. — Л. 42.
- ¹⁰ Nottbeck H.V., Neumann W. Geschichte und Kunstdenkmäler der Stadt Reval. Bd. 1. Die Geschichte der Stadt Reval. — Reval, 1904. — S. 211.
- ¹¹ Hartmann S. Reval im Nordischen Krieg. — S. 85—86.
- ¹² Пуллаат Р. Городское население Эстонии. — С. 27—28.
- ¹³ Pullat R., Mereste U. Über die Formierung der Talliner Stadtbevölkerung im 18. Jahrhundert und die Rekonstruktion der Zeitreihen in der geschichtlichen Demographie (anhand der Kirchenbücher) // Kölner Vorträge und Abhandlungen zur Sozial und Wirtschaftsgeschichte. — Köln, 1982. — H. 34. — S. 3—34.
- ¹⁴ Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. — М., 1982; Groix A. La Bretagne aux 16e et 17e siècles. La vie la ort la foi. — Paris; Maloine, 1981.
- ¹⁵ Imhof A.E. Sterblichkeitsstrukturen im 18. Jahrhundert auf Grund von massenstatistischen Analysen // Z. Bevölkerungswis. — 1976. — H. 3. — S. 103—117.
- ¹⁶ ЦГА ЭССР. — Ф. 238, оп. 1. — Д. 1.
- ¹⁷ Turpeinen O. Infant Mortality in Finland 1794—1856 // Scand. econ. rev. — 1979. — 27, N 1. — P. 2. European demography and economic growth / Ed. by W.R.Lee. — Croom Helm; London, 1979.

XIII в.). Они дали нетривиальные результаты, выявив значительное своеобразие репродуктивных процессов в исследуемых обществах. Кроме того, удалось раскрыть психологическую мотивацию демографического поведения людей средневековья.

Другое направление в разработке новой методике — изучение генеалогических данных. Просопографический анализ издавна обеспечивал возможность реконструировать генеалогию отдельных семей (преимущественно из общественных верхов). В демографических целях генеалогические данные подобного типа могут быть использованы при условии, что они касаются значительной массы родов. Тогда (например, при исследовании автором этих строк просопографических данных о двухстах участниках Четвертого крестового похода) они проливают свет на продолжительность жизни, число взрослых детей, роль боковых родственных связей и соотношение полов, что немаловажно, в частности, и для изучения демографической регуляции.

Пожалуй, еще важнее реконструкция генеалогических данных простолюдинов — крестьян и горожан. Специалисты-демографы хорошо знают методику восстановления истории семей — ВИС, разработанную для обработки приходских книг позднего средневековья и начала нового времени. В последние десятилетия в зарубежной науке были предприняты небезуспешные попытки восстановить генеалогию крестьянских и городских семей классического средневековья по данным поместных описей, грамот о поземельных сделках, документов хозяйственной отчетности, судебных решений и т.п. Скрупулезное изучение подобных текстов позволило восстановить генеалогию сотен семей, живших в тех или иных областях Западной Европы. Удалось установить уровень смертности в этих регионах, его различия в имущественных и правовых прослойках крестьян и горожан, принятые в этих простоях брачные модели и колебания рождаемости в каждой из них в течение более или менее длительного периода³. Еще более широкий круг демографических сведений сулит выявленный метод сплошного анализа документальных и нарративных памятников одного и того же региона⁴. Соответствующая кодировка материала этих памятников и его запись на магнитной ленте позволят собрать генеалогические данные о людях, проживавших в той или иной области.

К методике генеалогического анализа отчасти примыкают приемы изучения семейных и родственных структур. Кроме упоминавшихся видов источников, используются нотариальные документы, поочажные описи, а также другие фискальные материалы. Ближайшую цель исследования составляет в таких случаях выяснение состава семьи или родственного объединения, ведущего общее хозяйство и проживающего совместно. Это позволяет определить так называемый семейный коэффициент и, соответственно, численность населения в данном месте. (Как известно, во всех документах эпохи учитывались лишь "очаги", "дома", держания или семьи, но не поголовный состав населения.) Восстановление структуры семьи освещает одновременно взаимоотношения ее членов, статус женщины и ребенка, его классовые различия,

организацию семейного хозяйства и ряд других важнейших сторон повседневной жизни.

Конкретная методика восстановления структуры семей по указанным источникам бывает весьма многообразной. Один из ее вариантов — уяснение реального состава фискального "очага" через сопоставление численности таких очагов с количеством жилых домов в поселении (или же на основе привлечения сохранившихся фрагментов поименных списков жителей и других документов о составе совместно живущей родственной группы)⁵. Другой вариант — анализ антропонимических материалов, позволяющих в некоторых случаях реконструировать состав семьи и родственного объединения⁶. Наконец, иногда тип и структура семьи и их изменение удается воспроизвести через сопоставление манеры их описания в частноправовых документах.

Самостоятельное направление в развитии методики — совершенствование анализа сохранившихся в некоторых западноевропейских странах средневековых кадастров. Наибольший интерес представляет изучение флорентийского кадастра 1427 г. (60 тыс. домохозяйств, более 260 тыс. чел.). Широкое использование аппарата современной статистики позволило проследить влияние на брачность, рождаемость и возрастную структуру имущественного и социального статуса человека, его проживания в городах и деревнях разного типа или в различных природных зонах, а также степени его социальной и географической мобильности⁷. С медиевистической точки зрения не менее существенна и поучительна разработанная при исследовании флорентийского кадастра система поправочных коэффициентов. Она учитывает недорегистрацию младенцев (особенно младенцев женского пола), недоучет женщин, неточность сведений о возрасте (в частности, тенденцию к его "округлению" и стремление "омолодить" юношей накануне того момента, когда они становятся налогообязанными), недорегистрацию малоимущих и неимущих, явную неполноту данных о смертности и т.п. Накопленный при изучении этого памятника методический опыт может содействовать более интенсивному исследованию других, пусть менее подробных, средневековых описей — английских "сотенных списков", французских списков шляхтичишков тальи, испанских "телячьих книг" и т.д.

Отдельно следует сказать о разработке методики изучения социальной обусловленности демографических процессов. Признание подобной обусловленности объединяет ныне ряд течений в исторической демографии. Касаясь здесь наиболее распространенного в буржуазной науке подхода, отметим, что в основе его лежит утверждение о существовании в западноевропейском средневековье так называемых хозяйственно-демографических циклов. В урожайные годы, когда улучшается питание массы населения, его численность возрастает; вводятся в хозяйственный оборот новые земли, в том числе, малоплодородные; увеличение доли малоплодородных земель уменьшает среднюю урожайность, что особенно заметно проявляется в неурожайные годы. В это время резко ухудшаются условия существования большинства

населения; происходит демографический спад; он длится вплоть до очередного урожайного года, когда начинается новый цикл. Исследователи, разделяющие идею хозяйственно-демографических циклов, обращают особое внимание на разработку методических приемов, которые позволили бы выявить, какой из демографических процессов теснее всего связан с ухудшением (или, наоборот, с улучшением) экономической конъюнктуры. Отсюда повышенный интерес к выявлению кривых цен и заработной платы и к их сопоставлению с кривыми основных демографических процессов⁸.

Между тем, как это подчеркивалось в марксистской литературе, ни средневековая экономика, ни тем более социальное развитие средневековья в целом не могут быть резюмированы в движении экономической конъюнктуры. Анализ социальной обусловленности демографических процессов не сводится поэтому к исследованию их связи с экономической конъюнктурой, он требует неизмеримо более широкого и более тонкого сопоставления с обширным кругом социально-экономических, политических, социально-психологических и многих других явлений.

Накопление в последнее десятилетие конкретных данных о динамике населения, демографическом поведении, демографической регуляции и структуре семьи в ряде западноевропейских городов и деревень классического средневековья заставляет задуматься о путях обобщения собранных материалов. Как известно, демографические сведения о позднесредневековом населении, полученные по методике ВИС, довольно давно систематизируются в некоторых странах в национальных масштабах. Сложившиеся на этой базе банки данных делают возможным разработку крупных обобщающих трудов, подобных, например, известной книге Вигли и Скофилда по Англии XVI–XIX вв., где исходными служат сотни (!) частных исследований, проведенных специалистами-краеведами по единой методике⁹. Видимо, настало время подумать о создании подобных банков данных и для эпохи классического средневековья*.

В целом развитие методики демографических исследований по западноевропейскому средневековью в немалой степени обеспечило в последнее десятилетие их превращение в немаловажный источник комплексных знаний о людях того времени.

¹ См.: *Демография западноевропейского средневековья в современной зарубежной историографии*: Реф. сб. — М., 1984.

² *Демографический энциклопедический словарь*. — М., 1985 — С. 330.

³ *Kofman de Guarrochena D.C., Carzolio de Rossi M.I.* Acerca la demografía astur-leonesa y castellana en la alta edad media // *Guadernos de historia de España*. — Buenos-Ayres, 1968. — 47/48. — P. 136–170; *Roncière Ch. M.* Une famille florentine au XIV-e siècle // *Famille et parenté dans l'Occident médiéval*. — Rome, 1977. — P. 227–253; *Ortaly G.* La famille au Bologne (XIV siècle) // *Ibid.* — P. 322–340; *Razi Z.* Life, marriage and death

in a medieval Paris, Cambridge. — London, 1980. — 162 p.; *Smith R.M.* Land, kinship and life-cycle. — Cambridge, 1984. — 356 p.

⁴ *Fossier R.* La démographie médiévale: problèmes de méthode (X-e — XIII-e s.) // *Annal. démogr. hist.* — Paris, 1976. — P. 144–165.

⁵ *Leguail A.* Démographie médiévale dans le duché de Bourgogne: sources et méthodes // *Annal. fac. lettr. et sc. humain. Nice*. — 1972. — N 17. — P. 73–88; *Dubois H.* L'histoire démographique de Chalon-sur-Saône à la fin du XIV et au début du XV siècle d'après les "cherches de feux" // *Ibid.* — P. 89–102.

⁶ *Bessmertnyj J.L.* Ludzie i imiona. Z badań nad demografią wsi francuskiej IX w. // *Kwartaln. hist. kult. mater.* — 1980. — N 2. — S. 179–199.

⁷ *Herlihy D., Klapisch-Zuber Ch.* Les Toskans et leurs familles. — Paris, 1978.

⁸ *Imhof A.E.* Einführung in die historische demographie. — München, 1977; *Bois G.* Crise du féodalisme. Economie rurale et démographie en Normandie orientale du début du 14 siècle au milieu du 16 siècle. — Paris, 1976; *Willigan J.D., Lynch K.A.* Sources and methods of historical demography. — New York; London, 1982.

⁹ *Wrigley E.A., Schofield R.S.* The population history of England: 1541. — 1871. — London, 1981.

* В нашей стране сбор и накопление материалов конкретно-демографических исследований по истории СССР и всеобщей истории должен был бы, как нам думается, взять на себя Научный совет по исторической демографии и географии АН СССР.

ОБЩИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СССР

Я.Е.ВОДАРСКИЙ ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Работы классиков марксизма-ленинизма дают исследователю ключ к пониманию роли и значения населения в истории. Рассмотрим вкратце основные положения.

Главное содержание истории — деятельность людей по воспроизведению и поддержанию своей жизни. История есть смена поколений, население — «основа и субъект всего общественного процесса производства»¹. Ф.Энгельс указывал, что: «Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода. Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обуславливаются обоими видами производства: степенью развития, с одной стороны — труда, с другой — семьи»².

Поэтому условия производства средств существования «в равной мере являются условиями воспроизводства людей, всего населения»³; производство «начинается впервые с ростом населения»⁴; «экономические условия в конечном счете обуславливают историческое развитие. Раса же (т.е. население — Я.В.) сама является экономическим фактором»⁵.

Рассматривая соотношение между производительными силами, производственными отношениями и населением, марксизм исходит из того, что «производительные силы и производственные отношения — и те, и другие являются различными сторонами развития общественного индивида»⁶, что «способ производства надо рассматривать не только с той стороны, что он является воспроизводством физического существования индивидов. В еще большей степени, это — определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный образ жизни. Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами. То, что они собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством — совпадает

как с тем, что они производят так и с тем, как они производят. Что представляют собой эти индивиды — это зависит, следовательно, от материальных условий их производства»⁷.

Одним из главных вопросов связи теории с практикой конкретного историко-демографического исследования является изучение особенностей действия исторических законов народонаселения в историко-географических регионах. Задача усложняется тем, что методологический аспект до настоящего времени недостаточно изучен: например, до сих пор неясно какой же специфический закон народонаселения присущ феодальному способу производства.

Народ — творец истории. И совершенно справедливо отмечалось в научной печати, что «освещение истории человечества... лишено смысла и сути» без показа главной действующей силы, что «без демографических материалов невозможен анализ соотношения классовых сил, а следовательно, невозможно и изучение классовой борьбы — сердцевины исторического процесса. Не зная национального состава населения, его социальной структуры, невозможно создать объективную, научно обоснованную историю страны», и что «историческую демографию можно назвать стовым хребтом... исторической науки»⁸.

Это полностью относится и к региональной истории. «Когда мы рассматриваем данную страну в политико-экономическом отношении, — указывал К.Маркс, — то мы начинаем с ее населения»⁹. Но, к сожалению, об этом часто забывают, и читатель получает лишь отрывочные и неполные сведения о населении страны или региона.

Думается, что труд по истории региона должен открываться очерком природных условий, а каждый хронологический период — разделом о населении. В совокупности в этих разделах должна быть реализована задача, стоящая перед исторической демографией: показать закономерности процесса воспроизводства населения в конкретно-исторических условиях, раскрыть влияние на него экономических, социальных и природных факторов.

В связи с этим встает вопрос о предмете и задачах исторической демографии: дискуссия об этом все еще не может считаться законченной¹⁰. Не углубляясь в нее, остановимся на удачной, как нам представляется, попытке обобщения этой проблематики, логично увязывающей исторический подход и демографическую сущность проблем¹¹. Последние объединяются в три группы: 1) численность, размещение, состав населения, 2) воспроизводство населения и 3) взаимосвязи с другими аспектами исторического процесса.

Рассмотрим эти группы подробнее, начав с нескольких общих соображений. Как и всякая другая область исторической науки, историческая демография тесно связана с современностью, так как изучает историю развития одного из аспектов жизнедеятельности человечества. Но ведь это — наиболее важный аспект, именно люди и их дела суть содержание истории. «В некоторых обобщающих работах по истории народного хозяйства, — справедливо отмечается в одной из последних работ по исторической демографии, — приводится множество сведений об угле и металле, вагонах и паровозах, о ло-

пашах и коровах, о посевных площадях и другом, но практически ничего не говорится о людях"¹². Поэтому начинать исследование надо с определения численности населения. Но численность сама по себе мало что дает: необходимо также выяснить расселение населения по историко-географическим районам или административно-территориальным единицам изучаемого региона, по городам и сельским населенным пунктам, а также пути миграций. Если размещение населения по историко-географическим районам и административно-территориальным единицам, как правило, указывается в источниках, то выяснить численность городского и сельского населения в период феодализма сложнее, так как термин "город" в источниках далеко не всегда соответствует научному пониманию города как центра промышленности (ремесла) и торговли, часть торгово-промышленного населения которого объединена в сословную общину горожан; по этому вопросу у исследователей еще нет единого мнения. Проблема осложняется необходимостью изучения индустриального населения. Таким населением В.И. Ленин считал население, отвлеченное "от земледелия к торгово-промышленным занятиям", не только жителей городов, фабричных, заводских и торгово-промышленных сел и местечек, но и не малую часть сельского населения, добывающую себе средства к жизни работой в промышленных центрах и проводящую в этих центрах часть года: "Мы говорим о так наз. отхожих неземледельческих промыслах"¹³.

Большого внимания требует изучение миграций населения. "История России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией", — писал В.О. Ключевский¹⁴. Преувеличивая значение колонизации (точнее, освоения территории), он неправильно оценивал ее как фактор, определяющий характер общественного развития. Но его указание на огромную роль заселения страны и ее отдельных регионов в историческом процессе верно: достаточно вспомнить об освоении Черноземного центра, Новороссии, Предуралья, Предкавказья, Сибири, Дальнего Востока, а в наше время — целинных земель. Ход заселения и его особенности, их влияние на воспроизводство населения нуждаются в дальнейшем исследовании практически по всем регионам. В.И. Ленин, изучая переселения в России в период капитализма, подчеркивал необходимость учета в экономических оценках значения ежегодных переселений¹⁵. "... Явление роста индустриального населения можно наблюдать в чистом виде лишь тогда, когда мы имеем перед собой территорию, уже заселенную, в которой все земли заняты. Населению такой территории, вытесняемому капитализмом из земледелия, нет другого выхода, как эмигрировать либо в промышленные центры, либо в другие страны. Но дело существенно изменяется, если мы имеем перед собой территорию, в которой еще не все земли заняты, которая еще не вся заселена. Население такой территории, вытесняемое из земледелия в заселенном районе, может перейти в незаселенные части территории и взяться за "обработку новой земли"... В этом случае мы имеем перед собой два различных процесса: 1) развитие капитализма в старой, заселенной стране или части страны; 2) развитие капитализма на

"новой земле". Первый процесс выражает дальнейшее развитие сложившихся капиталистических отношений; второй — образование новых капиталистических отношений на новой территории. Первый процесс означает развитие капитализма вглубь, второй — вширь"¹⁶. Развивая это положение, В.И. Ленин указывал, что разрешение свойственных капитализму и порождаемых им противоречий временно отсрочивается вследствие того, что капитализм легко может развиваться вширь, а возможность для крестьянина уйти на новые земли ослабляет остроту этого противоречия между капиталистической крупной индустрией и архаическими учреждениями в сельской жизни и замедляет его разрешение¹⁷. В период феодализма переселения крестьян вызывались внешней опасностью (в раннефеодальную эпоху) и феодальным гнетом землевладельцев и государства. На окраины страны уходила наиболее молодая и энергичная часть крестьян, и именно там начинались крестьянские войны, потрясавшие крепостническое государство.

В.И. Ленин отмечал огромное значение миграций сельского населения в города: "... только это смешение и слияние земледельческого и неземледельческого населения может поднять сельское население из его беспомощности... именно это сближение условий жизни земледельческого и неземледельческого населения создает условия для устранения противоположности между городом и деревней"¹⁸.

Современный исследователь отмечает, что "в условиях нашей современности значение миграционных процессов резко возрастает в связи с усилением подвижности населения, развитием средств транспорта и коммуникаций. Если раньше миграционные движения вследствие пространственного барьера и примитивизма техники передвижения и численно ограниченной массы переселенцев давали качественный эффект для районов вселения после довольно продолжительного периода количественного роста, то в XX ст. такой эффект получается в сравнительно короткий исторический срок, а это, несомненно, ведет к дальнейшему усилению неравномерности развития за счет отдельных стран, регионов и т.д."¹⁹

Заслуживают изучения также внутрирайонные "маятниковые" миграции между промышленными центрами и их округой.

В региональной истории должен быть дан всесторонний анализ состава населения: возрастно-полового, семейного, национального (этнического), профессионального, по уровню образования, и его социальной (а для периода феодализма сословной) структуры. В.И. Ленин подчеркивал, что: "Марксизм требует от нас самого точного, объективно проверяемого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента"²⁰. Для этого необходимо выяснение численности классов, классовых групп, сословий. "Могущество феодальных господ, — писал К. Маркс, — как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство"²¹. В.И. Ленин дал нам образец анализа классовой структуры населения по всеобщей переписи населения России 1897 г.²²

Вторая группа проблем связана с региональными особенностями вос-

производства населения. Сюда входят проблемы рождаемости, брачности, продолжительности жизни, смертности, проблемы брака и семьи — формирование семьи, этнос и семья, социально-демографическая типология семьи, семья и быт, структура городских и сельских семей и т.п. Длительное отсутствие учета в области воспроизводства населения, плохая сохранность и неполнота источников сильно затрудняют исследования. Как отмечалось в литературе, в ряде случаев бедность информационной базы и общая слабая изученность вопроса позволили сформулировать лишь самые первые гипотезы, которым предстоит еще пройти критическую проверку в будущем²³. Относительно успешно ведутся исследования в Эстонии, но это только начало²⁴. Между тем, нас начинают опережать: "в научной печати недавно были отрецензированы последние американские монографии, в которых рассматриваются демографические проблемы в СССР с конца XIX в. до наших дней, — отмечалось на IV Всесоюзном семинаре по исторической демографии в 1983 г. — Динамика рождаемости, брачности, смертности, этнодемографические процессы описаны в них весьма скрупулезно. На этом крае идеологической борьбы наша наука не занимает наступательных позиций"²⁵.

Региональные отличия весьма значительны. Например, в 1975 г. коэффициент рождаемости в Таджикской ССР в 2,7 раза превысил коэффициент рождаемости в Латвийской ССР. "В этническом аспекте различия оказываются еще более значительными. Рождаемость у среднеазиатских народов почти в 4 раза превышает рождаемость у народов Прибалтики"²⁶.

Главные проблемы этой группы — эволюция демографических закономерностей, выяснение социально-экономического механизма их эволюции, история семьи, все это — через региональные особенности, анализ конкретных демографических ситуаций, конкретного демографического развития в регионах.

Наконец, третья группа проблем объединяет связи различных сторон исторического процесса с исторической демографией: формирование трудовых ресурсов населения, развитие занятости женщин, демографическая политика, воздействие на воспроизводство населения войн, развитие медицины, окружающей среды и т.д.

Как и познание исторического процесса в целом, изучение исторической демографии основывается на источниках. Выявление и критический анализ последних — необходимое предварительное условие успешной работы исследователя. В этой области много уже сделано, но еще больше предстоит выполнить. У нас еще почти нет обстоятельных источниковедческих исследований даже опубликованных важнейших источников по региональной исторической демографии, не говоря уже о неопубликованных, значительная часть которых просто нередко не используется, оставаясь неизвестной ученым. Выявление и критический анализ таких источников — насущная задача исследователей.

Большое значение имеет расширение арсенала методов исследования. До сих пор еще недостаточно используются сравнительно-исторический, ретроспективный, оценочный методы, между тем, при отсутствии или недостатке

источников они могут дать приблизительные результаты, примерное представление о демографических ситуациях и процессах. Почти не применяется и картографический метод, а именно он помогает раскрыть взаимосвязи демографических явлений с природной средой и региональными особенностями социально-экономического развития. Необходимо привлечь к изучению демографических процессов прошлых эпох демографов и географов, применять современные вычислительные методы ЭВМ.

Региональная история должна быть снабжена картами, наглядно показывающими территорию обитания, расселение на различных исторических этапах городского и сельского населения, плотность и прочие демографические данные. В.И. Ленин, разбирая работу агитационно-инструкторских коллективов, указывал: "Разработать волостную показательную карту в большом масштабе, демонстрирующую всю проделанную работу и означенные ею районы. Карту эту выставить на месте скопления народа, свободном от всяких пропусков"²⁷. Ведь история пишется для обобщения и распространения коллективного опыта, знаний о прошлом, которые должны стать достоянием всего народа.

¹ Маркс К. Введение : (Из экон. рукописей 1857–1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 12. — С. 726.

² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Там же. — Т. 21. — С. 25–26.

³ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов : (Первонач. вариант "Капитала") // Там же. — Т. 46, ч. 2. — С. 105–106.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Там же. — Т. 3. — С. 19.

⁵ Энгельс Ф. В. Боргису // Там же. — Т. 39. — С. 174.

⁶ Маркс К. Критика политической экономии : Гл. о капитале // Там же. — Т. 46, ч. 1. — С. 214.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Там же. — Т. 3. — С. 19.

⁸ Поляков Ю.А., Дробижев В.З., Шелестов Д.К. Историческая демография : Пробл. изуч. // Проблемы исторической демографии СССР (период социализма). — Кишинев, 1985. — С. 16.

⁹ Маркс К. Введение : (Из экон. рукописей 1857–1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 12. — С. 726.

¹⁰ См. : Водарский Я.Е. Историческая демография как научная дисциплина // Проблемы исторической демографии СССР (период социализма). — Кишинев, 1985. — С. 3–15.

¹¹ Шелестов Д.К. Демография: история и современность — М., 1983. — С. 259–261.

¹² Поляков Ю.А., Дробижев В.З., Шелестов Д.К. Указ. соч. — С. 18.

¹³ Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. — Т. 3. — С. 569–570.

¹⁴ Ключевский В.О. Курс русской истории // Полн. собр. соч. — Т. 1. — С. 31.

¹⁵ Ленин В.И. Некритическая критика // Полн. собр. соч. — Т. 3. — С. 629.

¹⁶ Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Там же. — Т. 3. — С. 563.

¹⁷ Там же. — С. 596.

¹⁸ Ленин В.И. К характеристике экономического романтизма // Там же. — Т. 2 — С. 224.

¹⁹ Перковский А.Л. Марксизм-ленинизм о социальной обусловленности демографических процессов // Влияние социально-экономических факторов на демографические процессы. — Киев, 1972. — С. 21.

²⁰ Ленин В.И. Письма о тактике // Полн. собр. соч. — Т. 31. — С. 132.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 23 — С. 729.

- ²² Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. — Т. 3. — С. 499—505.
²³ Вишневский А.Г. Предисловие // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР — М., 1977. — С. 5.
²⁴ См. работы Палли Х.Э., Пуллата Р.Н., Вахтре С. и др.
²⁵ Поляков Ю.А., Дробижев В.З., Шелестов Д.К. Указ. соч. — С. 18.
²⁶ Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. — М., 1977. — С. 22—23.
²⁷ Ленин В.И. Указания о работе агитационно-инструкторских поездов и пароходов // Полн. собр. соч. — Т. 40. — С. 72.

В.Б.ЖИРОМСКАЯ ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НЭПа:

ИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ, ВОЗРАСТНО-ПОЛОВОГО СОСТАВА

Изучение численности и возрастно-полового состава городского населения в начале восстановительного периода — это по сути дела исследование проблемы ликвидации последствий первой мировой, гражданской войн и империалистической интервенции в нашей стране, тяжело отразившихся на ее хозяйственной жизни и народонаселении. Имея в виду бедствия и страдания народных масс в военное время, людские потери, В.И.Ленин называл войну "варварским и зверским делом"²².

Особенно сильно от войн и послевоенной разрухи пострадало городское население страны. Топливный и сырьевой голод, массовое закрытие промышленных предприятий, нарушение торговли привели к сокращению численности населения городов, миграции горожан, особенно рабочих, в деревню, где легче было прокормиться.

О динамике численности и возрастно-половом составе городского населения тех лет дают представление демографические переписи 20-х годов XX в., недостаточно еще исследованные в советской исторической литературе: Всероссийская перепись 1920 г.; Всесоюзная городская перепись 1923 г., а также промышленные переписи 1920 и 1923 гг.

Нельзя вместе с тем не отметить, что использование их данных сопряжено со значительными трудностями: во-первых, сопоставимость переписей затруднена частыми преобразованиями в 20-х годах XX в. сельских поселений в городские и обратно, порой в социально-экономическом отношении недостаточно обоснованными; во-вторых, изменениями в административном делении.

Однако, принимая во внимание и учитывая все эти сложности, хотелось бы подчеркнуть, что они не могут воспрепятствовать сопоставлению статистического материала переписей, так как критерии выделения городов очень близки и не имеют принципиальных расхождений, а завышение или занижение численности населения городов в связи с упомянутыми преобразованиями относительно невелики и общей картины не искажают.

По данным Всероссийской переписи 1920 г. городское население страны к концу гражданской войны сократилось с 28,4 млн чел. в 1913 г. до 20,6 млн

в 1920 г.²³ Особенно пострадали крупные промышленные и торговые центры Европейской России, где была сосредоточена основная масса городского населения. Они потеряли четверть своего населения, а Москва и Петроград — около 60 %²⁴. Всего же на территории РСФСР в 1920 г. едва можно было насчитать десять городов с населением свыше 100 тыс.²⁵

Сокращение численности городского населения произошло главным образом за счет рабочего класса. Многие его представители погибли, защищая с оружием в руках молодую Советскую республику. Часть рабочих деклассировалась в связи с разрухой: мигрировала в деревню, теряя связь с промышленным производством. По сравнению с 1913 г. общее число промышленных и горнозаводских рабочих к концу 1920 г. сократилось на половину²⁶.

Значительно уменьшилась и численность городской буржуазии. Часть ее выступила открыто против Советской власти, погибла на фронтах гражданской войны, часть эмигрировала за границу. То же нужно сказать и об интеллигенции, связанной с господствующим классом. Однако, не обладая большей численностью, буржуазия и интеллигенция не могли оказать такого заметного влияния на сокращение городского населения, как рабочий класс. Зато уход в деревню служащих не мог не сказаться на численности населения городов. Мигрировала частично в село и городская мелкая буржуазия. Но поскольку численность ее в городах была велика, она продолжала составлять значительную часть горожан²⁷.

Последствия войны и разрухи отрицательно повлияли и на возрастно-половой состав городского населения. Потери мужского населения были особенно ощутимы в возрастной группе от 20 до 29 лет. На долю этой группы среди мужчин-горожан приходилось в Европейской России и Юго-Восточном районе РСФСР*, в Крыму и на Украине почти 13—14 %²⁸. В то же время ее удельный вес среди женщин достигал 17—18 %, а в городах некоторых районов — даже 21 %.

Соотношение мужчин и женщин в возрастной группе от 20 до 24 лет выражалось как 1:2,3, в возрастной группе от 25 до 29 лет — соответственно как 1:2. Нарушено было нормальное соотношение полов, хотя и в меньшей степени, в возрастной группе молодежи от 15 до 19 лет²⁹. Война вырвала из жизни значительную часть молодого трудоспособного населения.

Убыль мужского населения в трудоспособном возрасте была наибольшей прежде всего в районах пострадавших от гражданской войны и послевоенной разрухи: в Европейской России, Юго-Восточном районе РСФСР, в Крымской АССР, на Украине, в меньшей степени — в Сибири и Киргизской республике.

Потери мужского населения привели к снижению брачности и рождаемости. Известно, что в России общий коэффициент брачности в связи с первой мировой войной снизился почти на 60 %, а коэффициент рождаемости составил по отношению к 1913 г. 54 %³⁰. Гражданская война и империалисти-

* Северо-Кавказский край и Дагестанская ССР по административному делению 1923 г. входили в Юго-Восточный район РСФСР.

ческая интервенция еще более обострили в стране проблемы брачности, рождаемости и трудовых ресурсов.

По окончании гражданской войны перед Советскими республиками встала нелегкая задача восстановления разрушенного народного хозяйства, возрождения городов как экономических, промышленных и торговых центров. В условиях строительства социализма города должны были сыграть свою роль как организующее звено всего народного хозяйства, обеспечить проведение социалистических преобразований сельского хозяйства. Решение этой задачи осуществлялось на основе новой экономической политики.

Переход к нэпу вызвал оживление торговых связей между городом и деревней, дал возможность приступить к восстановлению крупной промышленности в городах. Все это способствовало росту городского населения. Всесоюзная городская перепись 1923 г. показывает, что увеличение городского населения происходило как в стране в целом, так и в отдельных ее регионах. Население городов возросло с 1920 г. по 1923 г. с 20,6 млн чел. до 22 млн чел., в том числе в крупнейшей республике страны — РСФСР — с 11 млн до 15 млн чел.¹⁰ С особой интенсивностью происходил рост городов в Европейской России. Население их за этот период увеличилось на 2,5 млн чел. и достигло к 1923 г. 11 млн чел.¹¹

Однако рост городского населения на территории страны происходил неравномерно, в зависимости от успехов процесса восстановления народного хозяйства и степени разорения района во время войны. В некоторых регионах городское население в 1923 г. все еще продолжало убывать: в Сибири и на Украине — незначительно, а в Крыму — довольно заметно: с 1920 г. по 1923 г. население городов сократилось почти на четверть¹².

Пополнение городского населения происходило главным образом за счет возвращения горожан из деревень, прежде всего рабочих и служащих, а также отходников, деревенских жителей, потянувшихся на заработки в города. К 1923 г. распространение отхожих промыслов стало довольно значительным. Число лиц, уходивших на заработки в РСФСР в 1923/24 г., достигло полутора миллиона человек¹³. Основной поток их направлялся в города (свыше 90 %). При этом преобладал внеземледельческий отход. Хотя среди отходников было немало чернорабочих, но выделялась целая группа профессий, связанных с фабрично-заводской промышленностью: металлисты, текстильщики, деревообделочники, горнорабочие, кожевники, строители и др. Значительную группу среди отходников составляли служащие. Продолжительность отхода на внеземледельческих промыслах была 5,5 мес., а у служащих — 7 мес.¹⁴ За такое время отходники приобретали квалификацию и постепенно переходили в ряды рабочих и служащих, а также ремесленников и кустарей. К тому же следует добавить, что в города попадала и часть отходников, направлявшихся на заработки на земледельческие работы.

География отхода была очень широкой: население городов пополнялось не только за счет отходников прилегающих районов, но и довольно удаленных мест. Примером может служить отход из Центрально-Черноземного района. Отходники из этой области направлялись в Центральный промышленный

Возрастной состав мужского населения городов СССР в 1923 г., %

Республика, район	Возрастные группы							Итого
	до 15 лет	15-19 лет	20-29 лет	30-49 лет	50-59 лет	60 и более лет	неизв. возраст.	
СССР (без Армении и Грузии)	33,2	10,2	19,8	25,1	6,4	5,2	0,1	100
РСФСР	32,6	10,2	20,2	25,7	6,4	4,8	0,1	100
Европейская Россия	31,9	10,7	20,8	25,7	6,4	4,4	0,1	100
Юго-Восточный район	34,0	9,6	20,0	24,3	6,5	5,5	0,1	100
Сибирь	42,7	0,9	19,5	26,0	5,9	4,9	0,1	100
Крымская АССР	32,8	9,2	17,0	28,4	7,5	5,1	0,0	100
Киргизская АССР	37,1	9,6	19,2	23,5	5,4	5,2	0,0	100
Туркестанская АССР	36,7	9,1	14,6	23,6	8,1	7,8	0,1	100
Украинская ССР	34,9	10,4	18,7	23,6	6,3	6,0	0,1	100
Белорусская ССР	34,1	10,6	21,2	20,1	6,4	7,5	0,1	100
Азербайджанская ССР	35,2	8,4	17,3	27,4	5,9	5,8	0,0	100

* Расчеты автора по материалам: Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. // Тр. ЦСУ СССР. — 1926. — Т. 20, ч. 3, вып. 1. — С. 2—5.

район, Нижнее и Среднее Поволжье, Вятский район, на Северный Кавказ и т.д.¹⁵

Рост городского населения сопровождался выравниванием его возрастного-полового состава. Повышение доли мужчин наблюдалось в возрастных группах: от 20 до 24 лет, от 25 до 29 лет, от 30 до 35 лет. Правда, во всех этих возрастных группах все еще преобладали женщины, но доля мужчин даже в наиболее пострадавшей возрастной группе — от 20 до 24 лет (по передвижке это группа 25—29 лет) составляла около 40 %. В других группах, где людские потери были несколько менее чувствительны, удельный вес мужчин доходил до 45 % и выше¹⁶.

Среди мужчин-горожан повысилась доля молодежи в возрасте от 20 до 29 лет (таблица). Это было характерно для городов РСФСР, особенно таких ее районов, как европейская часть и Юго-Восток. Медленнее увеличивался удельный вес молодежи в городах Крымской АССР, Азербайджанской ССР и Туркменской АССР. В целом же в городах страны мужчины этой возрастной группы составляли среди мужского городского населения примерно одну пятую часть.

Поскольку в увеличении городского населения большая роль принадлежала рабочим, рассмотрим их численность и возрастно-половой состав. Собираение сил рабочего класса, социальной опоры диктатуры пролетариата, было предметом особой заботы Коммунистической партии и Советского государства. Ядро рабочего класса, закаленное в огне революционных битв, было сохранено в годы гражданской войны. Предстояло в условиях мирного строительства вернуть в города, на фабрики и заводы, ту часть рабочих, которая в связи с голодом и разрухой потеряла связь с крупной промышленностью и деклассировалась. Установку на соби́рание сил и сплочение рабоче-

го класса дал X съезд РКП (б). На основании его решений были улучшены материальные, бытовые условия жизни рабочего класса, проведена концентрация промышленности, укрепившая его ряды и сосредоточившая основную массу рабочих на крупных социалистических предприятиях. Большая организационная работа была проведена по учету кадровых рабочих и возвращению их из деревень, демобилизации из Красной Армии.

Меры, принятые Коммунистической партией и Советским государством по собиранию сил и консолидации рабочего класса, позволили уже в 1923 г. прекратить, в основном, его деклассирование. Численность занятых рабочих в городах страны достигла 2,3 млн чел.¹⁷ Однако в некоторых районах процесс деклассирования еще имел место (города Якутии, Дальнего Востока).

Восстановление численности рабочего класса (правда, к 1923 г. она еще не достигла довоенного уровня) сопровождалось положительными сдвигами в его возрастно-половом составе. По данным переписи, среди занятых городских рабочих удельный вес мужчин составил в 1923 г. 75 %, что свидетельствует о падении доли женского труда, роль которого была особенно велика в годы войны. Такое соотношение мужского и женского труда (3:1) было характерно и для РСФСР, особенно для Европейской России и Юго-Востока, и для Белоруссии, и для Украины. Безусловно, эти показатели были свойственны лишь тем районам, где женский труд применялся традиционно широко. В городах мусульманских районов страны занятость женщин была незначительной: в Туркестане ее доля составляла 6,4 %, в Азербайджане — 5,8 %¹⁸.

Увеличилась и численность молодежи среди городских рабочих. Так, удельный вес возрастной группы среди самостоятельных рабочих-мужчин 20—29 лет в городах СССР, РСФСР, Белоруссии, Украины, Азербайджана составлял около 30 %. Несколько ниже, но довольно значительна (около 25 %) эта возрастная группа среди занятых рабочих Крыма и Туркестана. Молодежь в возрасте 15—19 лет составляла немалую часть и среди занятых рабочих в городах СССР, РСФСР, Белоруссии, Украины, Азербайджана — около 11 %, в Крыму и Туркестане — примерно 9 %. Особенно важно отметить, что половину всех рабочих-мужчин в 1923 г. составляли рабочие в зрелом трудоспособном возрасте от 39 до 49 лет. Поскольку в эти годы квалификация, возраст и стаж работы находились в прямой зависимости, кадровый состав рабочего класса был, в основном, восстановлен. Этот вывод подтверждают и данные об удельном весе среди занятых рабочих мужского пола детей и подростков: возрастная группа от 10 до 14 лет составляла по городам СССР от 0,4 до 1,0 %. Сравнительно небольшой группой среди рабочих были люди пожилого возраста. В городах СССР их доля — около 14 %. Однако в отдельных республиках, особенно разоренных войной, удельный вес пожилых рабочих-горожан среди занятых рабочих мужского пола был много выше: в Крымской АССР — почти 17 %, в Белорусской ССР — 19,3 %, а в Туркестане, где еще продолжалась борьба с басмачеством, — даже 22,8 %¹⁹.

Возрастной состав занятых женщин-работниц был несколько моложе, чем у мужчин: удельный вес молодежи (20—29 лет) составлял 29—33 %. Это было характерно для СССР, РСФСР, Белоруссии и Украины. Соответст-

венно ниже, чем у мужчин, среди женщин была доля лиц зрелого возраста (от 30 до 49 лет). Восточные республики (Туркестан, Азербайджан) отличались тем, что там было меньше молодых женщин-работниц, зато пожилых — примерно от 21 до 24 %²⁰. Детский труд и труд подростков использовался незначительно.

Таким образом, к 1923 г. в связи с успехами восстановления народного хозяйства и переходом к нэпу в ведущих промышленных и торговых районах страны увеличилась численность городского населения. Города стали центрами притяжения рабочей силы. Начала выравниваться возрастно-половая структура населения городов, главным образом за счет возвращения из сел городских жителей, среди которых значительную часть составляли рабочие, притока сельского населения в города на заработки (отходники и др.) Была почти восстановлена численность городских рабочих, достигнуты положительные сдвиги в их возрастно-половой структуре.

¹ Ленин В.И. Социализм и война // Полн. собр. соч. — Т. 25. — С. 311.

² Народное хозяйство СССР за 60 лет : Юбил. стат. ежегодник. — М.: Статистика, 1977 — С. 43—44; Статистический ежегодник 1918—1920 гг. // Тр. ЦСУ РСФСР. — 1921. — Т. 8, вып. 1. — С. 2—3.

³ История СССР с древнейших времен до наших дней. — М., 1967. — Т. 8. — С. 21.

⁴ Статистический ежегодник 1918—1920 гг. // Тр. ЦСУ РСФСР. — Т. 8, вып. 1. — С. 2—3.

⁵ Гимпельсон Е.Г. Советский рабочий класс 1918—1920 гг. : Социал. полит. изменения. — М., 1974. — С. 80.

⁶ См.: Всесоюзная городская перепись 1923 г. : Итоги пром. переписи // Тр. ЦСУ СССР. — 1926. — Т. 27, вып. 1 — С. 6—12 (подсчеты автора).

⁷ Статистический ежегодник 1918—1920 гг. // Тр. ЦСУ РСФСР. — Т. 8, вып. 1. — С. 57—61 (подсчеты автора).

⁸ Там же (подсчеты автора).

⁹ Демографический энциклопедический словарь. — М., 1985. — С. 62.

¹⁰ Статистический ежегодник 1918—1920 гг. // Тр. ЦСУ РСФСР. — Т. 8, вып. 1. — С. 2—3; Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918—1923 гг. // Тр. ЦСУ СССР. — 1924. — Т. 18. — С. 2—3.

¹¹ Там же.

¹² Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. // Там же. — Т. 20, ч. 2, вып. 2. — С. 4—25.

¹³ Отход сельского населения на заработки в СССР в 1926/27 гг. — М., 1928. — С. 11.

¹⁴ Там же. — С. 22—23.

¹⁵ См. Минц Л.Е. Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР. — М.; Л., 1929. — С. 327—333.

¹⁶ Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. // Тр. ЦСУ СССР. — 1926. — Т. 20, ч. 3, вып. 1. — С. 2—9 (подсчеты автора).

¹⁷ Там же. — С. 15.

¹⁸ Там же. — С. 14—15 и дальше.

¹⁹ Там же (подсчеты автора).

²⁰ Там же (подсчеты автора).

И.Н.КИСЕЛЕВ
ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1923 г.
(источниковедческий анализ)

В период между переписями 1920 и 1926 гг. ход воспроизводства населения не был равномерным, и именно на рубеже 1922–23 г. наступил перелом в тенденциях естественного прироста. Поэтому потери в населении в результате гражданской войны, небывалого неурожая, эпидемий часто оценивают сравнением данных 1920 и 1923 гг. Численность населения СССР на 1923 г., подчитанная ЦСУ СССР, неоднократно использовалась в историко-демографической литературе, приводится во многих справочных изданиях¹. Однако вопрос о полноте исчисления изучен еще недостаточно.

15 марта 1923 г. в стране была произведена перепись жителей городов и поселений городского типа. В связи с этим ЦСУ СССР для оценки общей массы населения страны предприняло попытку исчислить и население сельских местностей. Общую численность населения страны ЦСУ определило в 132223,6 тыс. чел., среди них — 21931,1 тыс. горожан и 110292,5 тыс. сельских жителей². Сразу отметим, что во всех упомянутых публикациях сведений на 1923 г. содержится неточность — приводится цифра 133,5 млн чел., которая взята из основной таблицы ежегодника ЦСУ СССР³. Однако в том же издании помещены дополнения, учитывающие данные, поступившие в отдел демографии ЦСУ уже в то время, когда типография отпечатала часть книги. В дополнениях данные 1916 г. по Туркестану заменены на сведения 1917 г. (как более близкие к 1923 г.), а численность населения Армении взята по республиканской переписи 1922 г. (ранее — по сельскохозяйственной переписи 1917 г.).

Вскоре после публикации итогов исчисления встал вопрос об их точности: в печати появились другие данные.

В том же 1924 г. управление "Госналог" при НКФ издало материалы налоговых сводок по сельскому хозяйству на весну 1923 г., согласно которым сельское население СССР составляло 107320,3 тыс. чел.⁴, т.е. меньше цифры ЦСУ на 2972,3 тыс. чел. Различие почти в три миллиона требовало объяснения.

В статье, открывшей публикацию налоговых сводок, М.П.Красильников назвал в качестве основных недостатков демографических сведений "Госналога" "некоторую преувеличенность числа хозяйственных единиц и, несмотря на это, недоучет всего сельского населения"⁵. ЦСУ СССР, в свою очередь, объясняя отказ от непосредственного использования налоговых списков для определения численности населения на 1923 г., отмечало тенденцию крестьян внести в налоговые списки "побольше едоков (хотя бы и мертвые души) с целью получения всяких льгот"⁶. Это обстоятельство привело бы к завышению численности сельского населения. Между тем, Красильников отметил (и этим ограничился), что цифра ЦСУ выше.

Противоречие это легко снимается. Дело в том, что данные ЦСУ и "Госналога" несопоставимы: хотя оба числа стоят в графе "Всего по СССР", но относятся к разным территориям. Если же сравнить население по одной и той же территории, т.е. убрать из итогов ЦСУ население Закавказья, то окажется,

что налоговые списки действительно дают некоторое превышение сельского населения сравнительно с подсчетами ЦСУ (107,3 против 106,3 млн чел. по ЦСУ). При этом видно, что сведения этих источников гораздо ближе друг к другу, чем это было принято считать*.

Л.И.Лубны-Герцык в 1926 г. предпринял попытку сравнительного анализа данных ЦСУ и налоговых списков по отдельным губерниям, и хотя не пришел к какому-то определенному выводу о достоверности источников, предпочел опираться на сведения ЦСУ. Вопрос о том, как все-таки соотносятся результаты исчисления ЦСУ с действительной ситуацией, остался открытым. Для его разрешения попытаемся проанализировать источники и методику этого исчисления.

Как следует из краткого пояснения и сносок к итоговым таблицам, за основу расчетов отдел демографии ЦСУ принял данные переписи 1920 г. (с некоторыми исключениями). Для Азербайджана, Грузии, неописанной в 1920 г. части Белоруссии, для Дальневосточной области были взяты без изменения результаты переписи 1916 г., а для Туркестана — переписи 1917 г. Если бы ЦСУ имело в своем распоряжении по этим территориям материалы, более близкие по времени к дате исчисления, то, несомненно, именно они были бы включены в итоги. Ведь ЦСУ заменило данные 1917 г. по Армении на сведения 1922 г., а по Туркестану — 1916 г. на 1917 г.

Продолжая, вместо цифры переписей 1916 г. по Азербайджану и Грузии (1652,9 и 1641,8 тыс. чел.) в итогах ЦСУ внесем результаты сельскохозяйственных переписей 1921 и 1923 гг. в этих республиках (1377,2 и 1936,7 тыс. чел.⁷) Итоги переписи 1923 г. по сельским местностям Дальнего Востока дают 1140,7 тыс. чел.⁸ вместо 1317,0 тыс. переписи 1916 г. Наконец, возьмем по Туркестану результат переписи 1920 г. (за исключением Ферганы, где эта перепись не производилась)⁹: вместо 5375,5 тыс. чел. на 1917 г. — 4661,9 тыс.¹⁰

Итак, если бы отдел демографии ЦСУ располагал всеми данными, приведенными выше, то численность сельского населения в его итогах уменьшилась бы на 871 тыс. чел., а общие результаты по СССР составили бы 131352,8 тыс. чел.

Обратимся теперь к реконструкции методики и к поискам источников исчисления ЦСУ СССР. Отдел демографии отметил, что там, где это было возможно, в расчетах использовались данные загсов о естественном движении населения. Нетрудно установить, что в этой части расчетов фигурировали 18 губерний Европейской России, для которых точность сведений о рождаемости и смертности была, по мнению ЦСУ, не ниже 90 %¹¹. Поскольку процент недоучета определялся, по-видимому, степенью охвата населения загсами, или иначе говоря, удельным весом территорий, где загсы работали удовлетворительно¹², то естественно предполагать, что процент недоучета был одина-

* Автору статьи осталась неизвестна более ранняя работа Красильникова, посвященная методическим аспектам рассматриваемой проблемы: Красильников М. Продналоговые списки, как источник статистического познания // Вестн. статистики. — 1923. — № 1/4. — С. 119. — *Ред.*

ков и для рождаемости и для смертности*. Примем во внимание, что за 1920–1922 гг. по этим губерниям в целом статистикой зафиксировано некоторое превышение смертности над рождаемостью. Ясно, что при одинаковом недоучете в процентах в этих условиях недоучет в абсолютных числах для смертности оказывается более значительным (как процент от большего числа). Таким образом, для тех губерний, по которым исчисления включали сведения по естественному движению населения, имел место недоучет количества умерших. Следовательно, для этих губерний исчисление ЦСУ дало завышенную цифру сельского населения на весну 1923 г.

Рассмотрим другую группу губерний, для которых при исчислении сельского населения ЦСУ использовало результаты выборочного 5 %-го обследования 1922. Относительно способа исчисления ЦСУ лишь отметило, что по материалам обследования "устанавливается примерный процент прироста населения с 1920 по 1923 г." Это означает, что был применен метод так называемого коэффициента изменения, при котором путем опроса определялся прирост населения выборочных хозяйств, а затем он распространялся на все сельское население. Такой подход привел в итоге к завышению численности населения, поскольку занижалась смертность из-за того, что в статистику не попадали хозяйства, полностью вымершие за 1921–1922 гг. Произведенное в 1923 г. сравнение демографических результатов выборочных опросов и сплошных обследований по ряду губерний Европейской России показало, что весенние опросы дают значительный завышенный коэффициент прироста сельского населения¹³.

Наконец, укажем еще одну причину преувеличения численности сельского населения в данных ЦСУ. Отдел демографии предполагал в своих расчетах, что все воины, призванные из сельской местности и демобилизованные из армии в период после переписи 1920 г. и до весны 1923 г., вернулись в свои села. Конечно, эта гипотеза была оправданной в том отношении, что давала единственно реальную почву для учета демобилизованных (за отсутствием соответствующих точных данных). И вместе с тем трудно представить, чтобы никто из рассматриваемого контингента демобилизованных не выбрал город местом проживания. Неизвестно, какая именно доля бывших красноармейцев — выходцев из села стала горожанами. Но в любом случае эти люди в итоговых цифрах ЦСУ учтены дважды — городской переписью 15 марта 1923 г. и исчислением ЦСУ сельских жителей на ту же дату, причем в последнем случае этот учет несколько завышает величину сельского населения.

Итак, проведенный анализ показывает, что в своих итогах ЦСУ, по нашему мнению, дало завышенную оценку численности населения сельских местностей. Определить точные размеры превышения пока не представляется возможным. Но можно утверждать, что более точной оценкой численности населения страны на начало 1923 г. является не цифра в 133,5 млн чел., которая фигурирует в историко-демографических и справочных публикациях, а 131,4 млн чел., т.е. на 2,1 млн меньше.

*Автором не учтены исправленные числа родившихся и умерших, полученные для исследуемого периода А.Я.Боярским. См.: Боярский А.Я. К вопросу о естествен-

¹ Лубны-Герцык Л.И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. — М., 1926. — С. 52; Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. — М.; Л., 1930. — С. 183; Данилов В.П. Динамика населения за 1917–1923 гг. // Археограф. ежегодник за 1968 год. — М., 1970 — С.246–247; ЦУНХУ СССР. Народное хозяйство СССР: Стат. справ. 1932 г. — М.; Л. 1932. — С. 401; Народное хозяйство СССР: 1922–1972 : Юбил. стат.ежегодник. — М., 1972 — С.9 и др. В современных изданиях итоги исчисления ЦСУ СССР на 15 марта 1923 г. отнесены к концу 1922 г.

² Труды ЦСУ СССР. — Т. 8, вып. 5. // Стат. ежегодник : 1922 и 1923 гг. — М., 1924. — Вып. 1.

³ Там же. — С. 58.

⁴ Сельское хозяйство Союза ССР в 1923–24 году. — М., 1924. — С. 200.

⁵ Красильников М. Сельское хозяйство Союза ССР в 1923 году: По данным налоговых сводок по единому с.-х. налогу // Там же. — С. VII.

⁶ Труды ЦСУ СССР. — Т.8, вып. 5. // Стат. ежегодник : 1922 и 1923 гг. — С. 54.

⁷ ЦСУ ЗСФСР. Народное хозяйство Закавказья в цифрах. — Тифлис, 1927. — С. 12.

⁸ Статистический справочник Дальне-Восточной области. — Хабаровск, 1925. — С.6.

⁹ ЦСУ Туркестанской Республики: Стат. ежегодник 1917–1923 гг. — Ташкент, 1924. — С.482.

¹⁰ Отдел демографии ЦСУ СССР не взял данные за 1920 г., очевидно, из-за их территориальной неполноты.

¹¹ Сборник статистических сведений по Союзу ССР : 1918–1923. — М., 1924. — С. 40–41, 47.

¹² Киселев И.Н. Статистические источники по движению населения СССР в 1920–1926 гг. // Социально-экономическое развитие советского общества : Пробл. историографии и источниковедения. — М., 1982. — С. 22.

¹³ Хрящева А.И. К вопросу о неправильных приемах исследования динамики крестьянского хозяйства. — М., 1923. — С. 30.

С.А.ПОГОДИН

ИЗМЕНЕНИЯ В ЧИСЛЕННОСТИ, СОСТАВЕ И РАЗМЕЩЕНИИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СССР В 40–50-х ГОДАХ XX в.

Совершенно отчетливо в изучаемый период прослеживается тенденция увеличения численности городского населения Советского Союза. Основным источником прироста городского населения был переход сельского населения в города для работы в несельскохозяйственных отраслях народного хозяйства. По переписи 1959 г. в промышленности, строительстве, на транспорте и в связи было занято 61,5 % самодеятельного городского населения¹. После 1939 г. из сельской местности в города перешло 25 млн чел. Во-вторых, увеличение городского населения приблизительно на 7 млн чел. произошло в связи с преобразованием ряда сельских населенных пунктов в городские. В-третьих, происходил естественный прирост населения в городах — около 8 млн чел. (без учета потерь военного времени). Таким образом, в 40–50-х годах XX в. наибольшую долю прироста городского населения — 63,1 % — дал переход жителей села в городские поселения. Это стало возможным с одной стороны, благодаря быстрым темпам индустриального развития и соответственно растущей потребности отраслей в кадрах, а с другой —

ном движении населения в России и в СССР в 1915–1923 гг. // Боярский А.Я. Население и методы его изучения : Сб. науч. тр. — М., 1975. — С. 225–238. — Ред.

высвобождению значительных контингентов сельского населения, в основном в связи с механизацией сельскохозяйственного производства, резко возросшей с 1939 по 1959 гг.

Большую роль в процессе пополнения городского населения играли жители села в годы первой послевоенной пятилетки (1946–1950 гг.). Основной их поток шел в промышленность через систему организованного набора рабочей силы. Более 70 % поступающих на работу в индустрию по оргнабору составляли выходцы из деревни². В школы и училища государственных трудовых резервов, готовящие рабочих для промышленности, также наблюдался усиленный приток сельской молодежи. Например, в 1947 г. сельская молодежь составляла 76,5 % всех принятых на учебу в систему трудовых резервов. В 1948 г. из села в школы ФЗО поступило 97,6 %, в ремесленные и железнодорожные училища — 59,1 %³. В тех районах страны, где основу промышленного развития составляли добывающие отрасли промышленности, роль сельского населения в пополнении рядов рабочего класса, а тем самым и городского населения, была еще более значительной. В 50-х годах XX в. темп притока сельского населения в города снизился. В 1950 г. сельчане среди поступивших по оргнабору составляли 71,2 %. К 1956 г. их доля снизилась почти в 2 раза, до 33,3 %⁴. В составе молодых рабочих, выпускников трудовых резервов, сельская молодежь в 1946–1950 гг. составляла 77,2 %, а в 1951–1955 гг. — 66,4 %, в 1956–1960 гг. — 59,3 %⁵.

Таким образом, за 1946–1959 гг. произошли изменения в источниках пополнения как рабочего класса, так и городского населения. Если в 40-е годы основную роль в этом процессе играло сельское население, главным образом колхозное крестьянство, то в 50-е годы его значение как источника пополнения городского населения несколько уменьшилось. Доля естественного прироста во всем приросте городского населения в 1926–1939 гг. составляла 18 %, в 1939–1959 гг. — 20 %⁶.

Сокращение притока сельских жителей в городские поселения в 50-е годы повлияло на темпы роста городского населения. Однако в сравнении с общегосударственными, темпы прироста городского населения заметно выделяются и систематически обгоняют темпы прироста всего населения СССР. Если рассматривать динамику городского и сельского населения в целом, то очевидно, что в послевоенные годы (1946–1959) весь естественный прирост населения страны поглощался приростом городского населения.

Рост численности городского населения и изменение его удельного веса в общей численности населения отдельных союзных республик имел и определенные различия.

Если в 1939 г. он не превышал 36 %, то уже в 1959 г. составил более 50 % в РСФСР, Латвии, Эстонии, Армении и только в Молдавии не превысил 30 %. Показатель урбанизации Молдавии объясняется тем, что до 1940 г. она в большей своей части являлась отсталой окраиной буржуазно-помещичьей Румынии с малым удельным весом городского населения. Только в послевоенный период численность городского населения республики стала быстро расти и увеличилась на 94 %.

Темпы роста городского населения, как правило, были выше в тех республиках, где удельный вес городского населения не достигал общесоюзного. Объясняется это тем, что процессы индустриализации в них в советское время характеризовались чрезвычайно высокими темпами. В Казахской ССР удельный вес численности городского населения составлял в 1959 г. 44 %, а темпы роста городского населения с 1939 г. по 1959 г. были одними из самых высоких — 24,2 %. В Таджикской ССР — соответственно 33 % и численность городского населения за 20 лет увеличилась в 2,6 раза. В Узбекской ССР и Киргизской ССР удельный вес городского населения достиг 34 %, численность же его возросла в Узбекской в 1,9 раза, а в Киргизской в 2,6 раза.

Высокий удельный вес городского населения характерен для РСФСР, причем темпы его роста достаточно высоки и для автономных республик. Например, значительно увеличился удельный вес городского населения в целом ряде автономных республик: в Коми АССР численность городского населения в 1939 г. составляла 29 тыс. чел., а в 1959 г. уже 475 тыс., т.е. рост более чем в 16 раз, удельный вес городского населения поднялся с 9 % в 1939 г. до 59 % в 1959 г.: в Карельской АССР население городов увеличилось почти в 3 раза; в Марийской АССР и Башкирской АССР — в 2,4 раза; в Мордовской АССР и Якутской АССР — в 2,2 раза; Чувашской АССР — в 2 раза⁷.

Повышенными темпами росла также численность городского населения и тех районов, развитие которых имеет большое народнохозяйственное значение. Нагляднее всего это видно на примере РСФСР. Особенно высокие темпы роста численности городского населения РСФСР за 20 лет характерны для районов Востока страны, где продолжалось развитие мощных производственно-промышленных комплексов. По темпам роста городского населения выделяются районы: Дальневосточный — 238 %, Западносибирский — 224 %, Уральский — 214 %, Восточносибирский — 201 %.

Однако значительное увеличение численности городского населения происходило и в таких старых промышленных районах, как Урал, Донбасс, Центр. Численность городского населения в таких областях, как Московская, Тульская, Владимирская, Ивановская и Ярославская, заметно возросла в связи с многоотраслевым развитием их промышленности. В 1959 г. численность городского населения этих областей на 41,8 % превышала уровень 1939 г. Еще значительнее рост городского населения на Урале — старейшем индустриальном районе страны, имеющем исключительно важное значение в производстве продукции таких отраслей, как черная и цветная металлургия, машиностроение, особенно тяжелое, нефтяная, химическая, лесная и энергетическая промышленность. Население всех городов увеличилось в 1959 г. почти в 2,5 раза по сравнению с 1939 г., а население крупных городов (более 50 тыс. жителей) возросло почти в 3 раза. Свердловск в 1926 г. был здесь единственным городом, имевшим более 100 тыс. жителей (136,4 тыс.), а в 1959 г. таких городов было уже 9 и в них проживало 3316 тыс. чел. За период с 1939 г. по 1959 г. численность населения Свердловска увеличилась почти в 2 раза, Челябинска, второго по величине города Урала, — в 2,5 раза, Перми —

более чем в 2 раза. Быстрый рост городского населения характерен и для Донбасса. Здесь оно увеличилось более чем в 1,5 раза, несмотря на то что во время Великой Отечественной войны подверглось вражеской оккупации и ему был нанесен большой ущерб. Донецк в 1926 г. был единственным городом в Донбассе, население которого превышало 100 тыс. жителей, а в 1959 г. таких городов — 7. Более быстрыми темпами росли города с населением свыше 100 тыс. чел. Численность их населения увеличилась в 1959 г. по сравнению с 1939 г. на 76,6 %.

Следует отметить очень высокую степень концентрации населения в больших (100–250 тыс. жителей), крупных (250–500 тыс.) и крупнейших городах СССР (свыше 500 тыс.). В изучаемый период доля населения в этих городах еще более возросла.

Увеличение удельного веса больших, крупных и крупнейших городов в системе городского расселения объясняется тем, что все они являются центрами союзных и автономных республик, краев и областей. Подавляющее их большинство отличается выгодным экономико-географическим положением, многообразием экономических и культурных функций. Эти центры являются наиболее крупными городами среди городских поселений области, края и т.п.

Итоги переписи 1959 г. показывают, что в 147 городах — столицах СССР и союзных республик, АССР, краевых и областных центрах — проживало в сумме 43,3 млн чел., т.е. 43 % всего городского населения СССР, а в отдельных областях этот процент был значительно выше. Таким образом, для сети городских поселений большинства республик, краев и областей характерен ярко выраженный моноцентрический характер, т.е. величина их центров во много раз (не менее чем в 10 и больше раз) превышает размеры даже наиболее крупных городов тех же административно-территориальных единиц.

С другой стороны, возникли новые, преимущественно средние и малые, городские поселения. Их появление было связано с освоением новых месторождений минерального сырья, усложнением системы расселения в основных районах обрабатывающей промышленности, в частности с образованием групповых форм расселения в крупнейших агломерациях, с дальнейшим развитием "городских" функций в административно-хозяйственных центрах сельскохозяйственных районов.

Естественно, что большие различия в темпах и характере экономического развития отдельных районов страны обусловили своеобразие процесса урбанизации в них.

Наиболее быстрый рост характерен для городского населения районов, позднее вступивших на путь широкомасштабного хозяйственного освоения, хотя в общем числе горожан страны и абсолютном размере их прироста за 1939–1959 гг. доля этих районов незначительна. Так, городское население Сахалина возросло почти в 10 раз, Целиноградской области — в 6,5 раза, Магаданской — в 6 раз и т.д.⁸.

К районам с быстрым ростом численности городского населения принадлежит Казахстан, точнее, его северные, центральные и восточные области,

где развернулось огромное промышленное строительство. С промышленным развитием связан и довольно быстрый рост городского населения в некоторых ранее аграрных районах Средней Азии — Киргизии, Западном Таджикистане.

После войны происходил процесс усложнения производственного профиля старых промышленных городов, начавшийся еще в годы довоенных пятилеток. Он охватил и новые города, которые, возникнув как узкоспециализированные центры одной отрасли (угольной, металлургической и т.д.), начали превращаться в многоотраслевые.

Рост населения, обусловленный таким расширением градообразующей базы, а также увеличение хозяйственной значимости города, расширение его экономических связей — все это способствовало превращению чисто промышленных городов в многофункциональные. Характерной чертой этого процесса можно считать широкое распространение машиностроения, возникшего в больших или меньших масштабах почти во всех промышленных городах. Примеров такой эволюции городов чрезвычайно много: Электросталь и Новомосковск в Центре, Донецк и Запорожье на Юге, Челябинск, Магнитогорск, Орск на Урале, Кемерово, Новокузнецк в Сибири, Караганда в Казахстане.

В послевоенный период усилилась тенденция к размещению промышленности, в первую очередь машиностроения, в старых, но индустриально слабо развитых городах. Особенно это проявилось в европейской части СССР. Таким образом, создаются предпосылки для более рационального использования трудовых ресурсов этих городов и прилегающих к ним районов, сглаживается неравномерность размещения промышленности. Это касается прежде всего старых городов многих центральных областей или автономных республик, где в первый период социалистического строительства не было существенной промышленности (Владимир, Рязань, Калуга, Новгород, Псков, Чебоксары, Саранск, Курск, Белгород, Тамбов, Пенза, Полтава, Черкассы и др.).

В некоторых союзных республиках продолжалась усиленная концентрация промышленности в столицах (Минск, Ереван, Душанбе, Фрунзе, Кишинев), в прошлом не имевших большого индустриального значения. В связи с этим возросла численность их населения. В 1959 г. столицы большинства союзных республик насчитывали не менее 500 тыс. жителей.

В связи с развитием научно-технического прогресса и совершенствованием системы расселения стали возникать города качественно новых типов. Так, появление новых ветвей науки, нуждающихся в мощном экспериментальном аппарате, вызвало к жизни специфические города — научно-производственные центры. Примером такого города может служить Дубна.

Развитие крупнейших городов и стремление ограничить их рост вызвали возникновение городов-спутников, концентрирующих отдельные звенья производственного комплекса главного города, а также служащих местом жительства части его кадров.

Все отмеченные количественные, структурные и географические изменения населения СССР, естественно, сопровождались довольно глубокими сдви-

гами в формах расселения. Именно в период с 1939 по 1959 г. такой самой распространенной формой стали городские агломерации. Они характерны для всех современных индустриально развитых стран и районов⁹.

Таким образом, основную роль в увеличении численности городского населения СССР в целом, а также союзных республик, играло в 1946–1959 гг. сельское население, особенно в годы первой послевоенной пятилетки. Почти 2/3 прироста городского населения дал переход жителей села в городские поселения. Однако с середины 50-х годов значение этого источника пополнения населения городов начинает снижаться за счет увеличения роли естественного прироста, поскольку темпы роста городского населения в целом замедлились.

Картина динамики городского населения была бы неполной без учета тенденций, наблюдаемых в его возрастной, половой и национальной структурах. Содержание соответствующих показателей резко изменялось на отдельных этапах истории нашей страны. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. вызвала изменение полового состава рабочих. Уход на фронт значительной части мужчин привел к резкому повышению удельного веса женщин, занятых в производстве, по сравнению с довоенным временем. Приток женщин в народное хозяйство страны продолжался на протяжении всего периода войны и охватил все без исключения отрасли. В целом удельный вес женщин составлял 56 % общей численности рабочих и служащих.

Особенно сильное изменение заметно в городах прифронтовых и освобожденных районов. Так, удельный вес мужчин в общем составе рабочих и служащих города Москвы в 1940 г. составлял более половины работающих — 54 %. Однако к январю 1945 г. численность мужчин-рабочих и служащих составляла 610,8 тыс. чел., или 35,7 % всего состава. Таким образом, в крупнейшем индустриальном центре страны в годы войны женщины составляли значительную часть рабочих и служащих¹⁰. Еще выше был удельный вес женщин в промышленности Ленинграда, где к концу блокады он достиг 83,5 %¹¹.

На предприятиях городских поселений освобожденных районов в результате оккупации диспропорция полов ощущалась еще острее. Так, если в конце 1943 г. на шахтах Донбасса доля женщин составляла 15 % общей численности рабочих и служащих, то к середине 1944 г. она возросла вдвое — до 30 %¹².

В результате военных действий было резко нарушено соотношение женского и мужского населения в городах. Если в 1939 г. на 1000 мужчин приходилось 1088 женщин, то в 1959 г. — 1211, т.е. на 123 больше, чем в 1939 г. В городах на территории СССР в 1959 г. проживало 45 % мужчин и 55 % женщин¹³. Большой перевес женщин в составе городского населения имели республики, подвергшиеся оккупации (РСФСР, Украина, Белоруссия, Эстония, Латвия, Литва). В отдаленных же от фронтов войны республиках Средней Азии, Казахстана и Закавказья перевес женщин оказался меньше общесоюзного. Однако необходимо учесть, что в этих районах (кроме Грузии) до войны преобладали мужчины. Это в какой-то мере (хотя бы в старших возрастных группах) отразилось на соотношении полов в 1959 г.

Одним из наиболее серьезных последствий войны было изменение возрастного состава городского населения. Это нагляднее всего проявляется на примере возрастной структуры рабочего класса, составляющего значительную часть жителей городских поселений. Основной отличительной чертой стало резкое увеличение на производстве удельного веса молодежи в возрасте до 18 лет и лиц пожилого возраста (50 лет и старше); а с другой стороны — снижение удельного веса рабочих в возрасте 18–49 лет, т.е. в наиболее трудоспособном возрасте. Уже в 1942 г. удельный вес рабочих и служащих в промышленности в возрасте до 18 лет поднялся с 6 (до войны) до 15 %, а в возрасте 50 лет и старше — с 9 до 12 %; рабочих в возрасте 18–49 лет снизился с 85 до 73 %¹⁴. К концу войны доля молодежи в возрасте от 14 до 17 лет составила 10,5 % общего состава рабочего класса¹⁵.

Возрастная структура рабочего класса городов, находившихся во временной оккупации, в основных чертах соответствовала структуре рабочего класса тыловых и прифронтовых районов, т.е. наблюдался повышенный удельный вес молодежи и лиц пожилого возраста во всех отраслях народного хозяйства. Однако здесь удельный вес молодежи был выше, чем в среднем по стране, т.к. после освобождения этих районов сюда направлялось большое количество молодых рабочих в порядке комсомольской мобилизации. По решению ЦК ВЛКСМ Украины на стройки республики только в 1944 г. прибыли 78375 юношей и девушек, в том числе 42345 на заводы и шахты Донбасса. На восстановление Днепрогэс приехало по путевкам комсомольских организаций более 20 тыс. юношей и девушек¹⁶.

Использование большого количества рабочих в возрасте до 18 лет в военное время было временным явлением, связанным с острой нехваткой рабочих кадров во время войны. По окончании войны перед партией и государством с объективной необходимостью встал вопрос о ликвидации ее последствий, о приведении структуры рабочего класса в соответствие с мирными условиями.

Увеличение числа городов и городских жителей означало не только изменение в соотношении численности населения городов и сел, обусловленного определенными социально-экономическими факторами. Этот процесс оказывал огромное влияние и на изменение социальной структуры общества.

Анализ источников средств существования показывает, что основную часть незанятого в народном хозяйстве населения в городах составляла группа людей в возрасте до 16 лет: более 30 % в республиках Средней Азии, Казахстане и в Закавказье (кроме Грузии). Поэтому доля людей в возрасте старше трудоспособного здесь значительно меньше, чем в других районах. Это — следствие высокой рождаемости, хотя уже в 50-х годах XX в. стали появляться тенденции к ее снижению в городских поселениях данных республик.

Высокая степень занятости трудоспособного городского населения характерна для РСФСР, Белоруссии, Латвии, Эстонии (более 70 % населения), Украины, Казахстана, Литвы (около 70 %).

В личном хозяйстве более всего было занято городское население в Тад-

жикистане, Туркмении, Казахстане, Киргизии, Украине и Белоруссии. Это объясняется значительным контингентом женщин трудоспособного возраста, но по различным причинам (национальные традиции, многодетность и т.д.) не занятых в народном хозяйстве. В республиках с высокой рождаемостью велика доля учащих в структуре городского населения, т.к. значительную часть здесь составляют лица школьного и молодежного возрастов.

Существенную роль в создании условий для выравнивания уровней социально-экономического развития народов сыграло дальнейшее развертывание социалистической промышленности в национальных республиках, которое не могло не повлечь за собой рост городского населения.

В послевоенный период происходит почти повсеместное дальнейшее повышение по сравнению с довоенным уровнем удельного веса и роли представителей коренной национальности в составе городского населения, в частности рабочего класса¹⁷.

¹ Рассчитано по материалам: *Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР* (сводный том) — М., 1962. — С. 106.

² Сонин М.Я. Воспроизводство рабочей силы и баланс труда. — М., 1959. — С. 207.

³ Геоздев Б.И. Изменения в численности и составе рабочего класса СССР (1945—1948 гг.) : Дис. ... канд. ист. наук. — М., 1971. — С.110, 117.

⁴ Сонин М.Я. Указ. соч. — С. 207—208, 210—211.

⁵ Двадцать пять лет государственной системы профессионально-технического образования СССР. — М., 1965 — С. 38.

⁶ Переведенцев В.И. Города и время. — М., 1975. — С. 11.

⁷ Рассчитано по материалам: *Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР* (сводный том), — С. 20—24.

⁸ Там же (расчеты автора).

⁹ См.: Давидович В.Г. Городские агломерации в СССР // Материалы к IV съезду Геогр. об-ва СССР — Л., 1964. — Ч. 1. — С. 34—47.

¹⁰ Полетаев В.Е. Рабочие Москвы на завершающем этапе строительства социализма: 1945—1958 гг. — М., 1967. — С. 276.

¹¹ Амосов Н.Н. Изменение численности и состава рабочих Ленинграда в годы блокады (1941—1943 гг.) // Вестн. Ленингр. ун-та — 1964. — № 14. — С. 43.

¹² Киселев В.И. Воссоздание рабочих кадров Донбасса в годы Великой Отечественной войны (1943—1945) // История СССР. — 1975. — № 4. — С. 114.

¹³ Рассчитано по материалам: *Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР* (сводный том). — С. 19.

¹⁴ Вопросы труда в СССР: Сб. ст. — М., 1958. — С. 3.

¹⁵ Профсоюзы СССР: Документы и материалы. — М., 1963. — Т. 3. — С. 253.

¹⁶ Приходько Ю.А. Восстановление индустрии: 1942—1950. — М., 1973. — С. 121, 199.

¹⁷ Сенявский С.Л. Изменения в социальной структуре советского общества (1938—1970). — М., 1973. — С. 223. Данные охватывают, наряду с промышленными, рабочих всех других отраслей народного хозяйства республики; Арутюнян Ю.В. Изменение социальной структуры советских наций // История СССР. — 1972. — № 4. — С. 3—20.

О.М.ВЕРБИЦКАЯ
ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ
КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА РСФСР
В 50-е ГОДЫ XX в.

XXVII съезд КПСС в качестве главного перспективного направления развития социальных процессов в стране выдвинул задачу создания бесклассовой структуры общества, стирание существенных различий между городом и деревней¹. Актуальным и необходимым для понимания современных социальных процессов представляется исследование проблемы количественных изменений в колхозном крестьянстве на различных этапах его исторического развития.

Изучение динамики численности класса колхозного крестьянства в 50-е годы XX в. заслуживает особого внимания, поскольку в этот период в деревне был осуществлен ряд важнейших социально-экономических мероприятий, оказавших существенное воздействие на состояние сельского хозяйства и вызвавших заметные изменения в составе сельского населения.

К началу 50-х годов XX в. в сельском хозяйстве РСФСР, как и всей страны, в основном были преодолены тяжелые последствия войны. Произошли определенные позитивные сдвиги и в составе колхозного населения. За первое послевоенное пятилетие увеличилась его численность, улучшилась демографическая структура, в том числе и по районам, подвергшимся оккупации; возрос удельный вес лиц трудоспособного возраста и среди них мужчин, качественно лучшим стал состав колхозных кадров. Все это создало прочный фундамент для дальнейшего развития крестьянства.

В начале 50-х годов колхозное крестьянство представляло собой мощный фактор социального развития общества. В 1950 г. оно составляло две трети (66,2 %) сельского населения и более 40 % общей численности населения страны².

Динамика численности класса в значительной степени определялась демографическими процессами, которые в послевоенные годы были обусловлены, главным образом, последствиями Великой Отечественной войны. В связи со значительным сокращением населения соответственно снизился уровень рождаемости по сравнению с предвоенными годами. Так, в 1940 г. он составлял 31,2, а в первые послевоенные 15 лет не превышал 26,7 ‰. При этом характерно, что рождаемость в сельской местности была большей, чем в городах: в 1950 г. на каждую тысячу сельских жителей пришлось 27,1 рождений, в 1955 г. — 27,4 и в 1958 г. — 27,9, а в городах соответственно — 26,0; 23,5 и 22,5³.

Приведенные данные свидетельствуют о более высокой репродуктивной способности сельского населения на протяжении рассматриваемого периода, причем в ряде сельских районов, особенно в автономных республиках, рождаемость была намного выше, чем в среднем по республике. К примеру, в Башкирской АССР в 1959 г. на долю сельских жителей пришлось более 66 % общего количества новорожденных⁴.

В РСФСР этот показатель заметно колебался по отдельным районам. Выше среднего по РСФСР он был в восточных районах — на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке (от 32 до 42,5 %, т.е. в областях хозяйственного освоения, где в течение исследуемого периода наблюдался постоянный приток населения из других районов страны, в основном молодежи. В то же время в Центрально-Черноземном районе, на Северном Кавказе рождаемость была более низкой, чем в целом по РСФСР. Уровень рождаемости определялся как общими тенденциями воспроизводства населения в условиях мирного развития, так и спецификой демографической компенсации послевоенного периода. Характерно, что к концу 50-х годов XX в. компенсационный период завершается, уровень рождаемости повсеместно снижается и приближается к обычным показателям⁵.

Совершенствование системы здравоохранения, усиление механизации наиболее трудоемких производственных процессов в сельском хозяйстве, улучшение общих условий жизни, быта, питания, происходившие в те годы, способствовали увеличению средней продолжительности жизни населения. В целом по стране в 1955—1956 гг. она составляла 67, в 1958 г. — 69 лет и продолжала возрастать⁶. В 50-е годы XX в. произошло и заметное снижение коэффициентов смертности населения. В 1950 г., когда больше ощущались последствия войны и еще наблюдалась повышенная смертность среди инвалидов-фронтовиков, коэффициент смертности составлял 9,7, а к 1960 г. он снизился до 7,1 %⁷.

Таким образом, в течение рассматриваемого периода во всех районах РСФСР отмечался заметный естественный прирост населения, увеличилась средняя продолжительность жизни, сократилась смертность.

Наряду с демографическими факторами большое влияние на показатели естественного прироста оказывало механическое движение населения — миграция из села в город, из одних районов в другие. Ее значение как одного из важнейших факторов изменения численности колхозного крестьянства в послевоенные годы заметно возросло. Это объясняется причинами экономического характера. К началу 50-х годов XX в. в народном хозяйстве в основном завершились восстановительные процессы, были созданы необходимые предпосылки для его дальнейшего ускоренного развития. Потребность заводов, фабрик, строков в дополнительной рабочей силе покрывалась в значительной мере за счет сельского населения, прежде всего колхозного. В распределении и использовании трудовых ресурсов в народном хозяйстве произошли заметные сдвиги. В 1950 г. численность колхозного населения страны (без западных областей) по сравнению с 1940 г. сократилась на 13,5 млн чел. (в том числе по РСФСР — на 10,3 млн), а число рабочих и служащих возросло на 11,8 млн чел.⁸

В Российской Федерации в начале 50-х годов XX в., как и по СССР в целом, отлив населения из колхозов несколько превалировал над числом вступивших в колхозы. Так, в 1952 г. из колхозов республики выбыло 94,2 тыс. чел., а вступило 92,3 тыс.⁹. Кроме того, увеличилось число членов колхозов, проживавших на их территории, но работавших на государственных пред-

приятиях. Особенно много таких отходников было в центральных нечерноземных областях, где преобладали хозяйства с незначительной оплатой труда. Колхозы в этих районах больше, чем в других пострадали от войны и оккупации, доходы от общественного хозяйства были низкими. Здесь особенно остро ощущался дефицит трудовых ресурсов.

Государство стремилось придать миграционным процессам организованный, планомерный характер. Оно выделяло значительные средства на осуществление организованного набора рабочих, сельскохозяйственного переселения и другие формы планового перемещения рабочей силы из деревни. Организованный набор рабочих давал ежегодное пополнение промышленности и стройкам из среды сотен тысяч колхозников, главным образом молодежи. За 1953—1958 гг. из колхозов РСФСР через систему оргнабора выбыло 915,8 тыс. чел., в том числе треть из Центральной Нечерноземной зоны¹⁰. Во второй половине 50-х годов размеры оргнабора рабочей силы из деревни снизились.

Важнейшей причиной сокращения численности колхозного населения явилось преобразование части колхозов в совхозы. За 1954—1958 гг. в РСФСР было преобразовано 5,3 тыс. колхозов, что составило более 10 % их общего числа в 1954 г. Значительное количество (не менее 2 млн чел.) бывших членов колхозов перешло на положение совхозных рабочих или же пополнило ряды рабочего класса и служащих города¹¹. Снижение удельного веса крестьянства в общем составе населения республики произошло и вследствие его участия в массовом освоении целины. Активные перемещения населения происходили как внутри республики, так и за ее пределами. С одной стороны, в целинные районы Сибири и Дальнего Востока прибывало население из других районов РСФСР и союзных республик. С другой стороны — из РСФСР имело место переселение в Казахстан, в Целинный край.

Численность населения колхозов РСФСР (на конец года) составляла в 1950 г. 34,4 млн чел.; в 1959 г. — 31,6; в 1954 г. — 30,1; в 1956 г. — 30,1; в 1958 г. — 27,9 млн чел.¹²

Приведенные данные показывают, что динамика численности колхозного крестьянства РСФСР в 50-е годы XX в. имела свои особенности. В целом с 1950 по 1958 гг. численность сократилась на 6456 тыс. чел., т.е. в среднем ежегодно на 717 тыс. чел. Однако количество выбывших в различные годы не было одинаковым. Наиболее интенсивно — в 1950—1953 гг., когда колхозное население уменьшилось на 4,5 млн чел. (13,3 %). В 1954—1956 гг. его численность стабилизировалась (30,1 млн чел.), но затем вновь стала сокращаться.

Неоднозначность развития миграционных процессов в деревне тех лет определялась тем, что наряду с довольно мощным оттоком из колхозов происходило и движение в обратном направлении: из города в село, масштабы которого, правда, были намного меньшими. В силу объективно сложившихся условий, когда из деревни постоянно уезжало наиболее дееспособная часть ее кадров, в середине 50-х годов ей не хватало опытных руководителей и организаторов производства. Поэтому из города в деревню 30 тыс. чел. было

направлено для укрепления руководства слабыми колхозами. В целях усиления помощи агрономы и зоотехники из районного звена управления сельским хозяйством были посланы непосредственно в МТС и колхозы. Кроме того, во второй половине 50-х годов XX в. в деревню возвратилась часть ее бывших жителей, ранее уехавших в город. Улучшение экономического положения колхозов после сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС способствовало пополнению колхозного населения. Так, если до 1954 г. в колхозы республики вступало ежегодно 90–92 тыс. чел., то в 1954 г. — 208,7, 1956 г. — 341,5, 1957 г. — 336,7 тыс. чел.¹³ Приток населения в колхозы сказался и на увеличении общего количества работников, занятых в сельском хозяйстве: в целом по стране за 1953–1956 гг. оно возросло на 2,1 млн чел.¹⁴

Рост числа новых членов колхозов связан в значительной мере и с тем, что в этот период немалая часть сельской молодежи в возрасте 16–17 лет, заканчивая учебу в школе, стала больше ориентироваться на работу в колхозах. Кроме того, в эти годы в трудоспособный возраст вступила молодежь рождения конца 30-х годов XX в. — периода максимальной рождаемости. Одновременно в 1954–1957 гг. заметно уменьшился приток сельских жителей в индустрию¹⁵.

Изменения в численности колхозного крестьянства отразились и на социально-классовой структуре населения республики в целом.

Социально-классовая структура населения РСФСР и СССР, %*

Социально-классовая структура населения	1939 г.		1959 г.	
	СССР	РСФСР	СССР	РСФСР
Рабочие и служащие	50,2	53,6	68,3	75,6
Колхозное крестьянство	47,2	43,9	31,4	24,2
Крестьяне-единоличники и неорганизованные кустари	2,6	2,6	0,3	0,2

* Рассчитано по следующим материалам: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР. — М., 1962. — С. 90; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. — М., 1963. — С. 150–152.

Данные таблицы свидетельствуют, что в период между Всесоюзными переписями населения 1939 и 1959 гг. удельный вес колхозного крестьянства в социальной структуре населения Российской Федерации значительно сократился. Если в 1939 г. на долю его приходилось немногим менее половины населения республики, то в 1959 г. — меньше четверти. Сокращение удельного веса крестьянства в РСФСР шло быстрее, чем в целом по стране.

Таким образом, изменения в численности колхозного крестьянства РСФСР, как и всей страны, происшедшие в 1950–1958 гг., были обусловлены действием ряда демографических и социально-экономических процессов. Они оказывали неоднозначное влияние на динамику количественных изменений. Одни из них, такие, как естественный прирост населения, пополнение трудовых ресурсов в середине 50-х годов за счет горожан и вступление

в колхозы сельской молодежи, способствовали росту численности колхозников. Другие — преобразование части колхозов в совхозы, миграция из деревни в различных формах — вызывали значительное сокращение.

Среди этих разнохарактерных процессов можно выделить две группы факторов. Первая группа — постоянно действующие: естественный прирост и миграция населения. Вторая группа — факторы временные, имевшие специфический характер и действовавшие лишь в условиях данного периода: переход колхозных механизаторов в штаты МТС, посылка из города в колхозы руководящих кадров, участие колхозного крестьянства в массовом освоении целинных земель.

Сложное взаимодействие этих двух групп обусловило своеобразие динамики численности колхозного крестьянства в 50-е годы XX в. Среди них решающее значение, как и в предыдущие годы, имели миграционные процессы из деревни. Влияние естественного движения населения (рождаемость, смертность, продолжительность жизни), хотя и было благоприятным, проявлялось слабее. В итоге численность колхозного населения РСФСР в целом и отдельных ее автономных республик, краев и областей в конце 50-х годов XX в. оказалась меньшей, чем в начале десятилетия.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1986. — С. 140.

² Подсчитано по материалам следующих работ: Народное хозяйство СССР в 1964 г.: Стат. ежегодник. — М., 1965. — С. 7; Волков И.М. Трудовой подвиг колхозного крестьянства в послевоенные годы. — М., 1972. — С. 222.

³ Народное хозяйство СССР в 1964 г. — С. 35.

⁴ Воспроизводство рабочей силы и пути улучшения использования трудовых ресурсов в Башкирской АССР. — Уфа, 1980 — С. 21.

⁵ Народное хозяйство СССР в 1964 г. — С. 38–39.

⁶ Народное хозяйство СССР в 1973 г. — М., 1974. — С. 637.

⁷ Народное хозяйство СССР в 1964 г. — С. 38–39.

⁸ Социальное развитие рабочего класса СССР. — М., 1977. — С. 221; Волков И.М. Указ. соч., — С. 222; ЦГАНХ СССР. — Ф. 7486, оп. 7, д. 1019-а. — Л. 29.

⁹ Подсчитано по данным годовых отчетов колхозов: ЦГА РСФСР. — Ф. 310, оп. 1. — Д. 6430–6915.

¹⁰ Иванов Н.С. Численность и состав крестьянства центральных областей Нечерноземной зоны РСФСР (1951–1958 гг.) // Проблемы истории советского крестьянства. — М., 1981. — С. 205–207.

¹¹ Тюрина А.П. К вопросу о преобразовании колхозов в совхозы // История СССР. — 1983. № 5. — С. 6–7, 10. Число членов колхозов (вместе с семьями) подсчитано автором по материалам: ЦГА РСФСР — Ф. 310, оп. 1. — Д. 6430–6916.

¹² Подсчитано по: ЦГАНХ СССР. — Ф. 7486, оп. 7, д. 1256. — Л. 23–26, д. 1597. — Л. 34–39; ЦГА РСФСР — Ф. 310, оп. 1. — Д. 6430–6915.

¹³ Подсчитано по материалам ЦГА РСФСР. — Ф. 310, оп. 1. — Д. 6430–6915.

¹⁴ Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. — М., 1960. — С. 450.

¹⁵ Сенявский С.Л. Рост рабочего класса СССР: 1951–1965 гг. — М., 1966. — С. 53.

В.С.ЗЕЛЕНЧУК, И.В.ТАБАК
ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РОЖДАЕМОСТИ
В МОЛДАВСКОЙ ССР

Национальности СССР существенно различаются по уровню воспроизводства населения, темпы которого в основном определяются уровнем рождаемости. Так, например, общий показатель рождаемости по СССР в целом 19,6 ‰ (1984 г.) по республикам значительно варьировал: от 15,6 ‰ в УССР до 39,8 ‰ в Таджикистане.

Следует учитывать, что население республик в большей или меньшей степени является многонациональным. В силу этого общереспубликанский показатель является производным от суммы показателей живущих в республике национальностей. Поэтому этнические различия в уровне рождаемости более наглядно видны при сравнении этих данных у отдельных национальностей. Одним из показателей может быть распределение женщин различных национальностей союзных республик по числу рожденных детей. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. на 1000 женщин в возрасте 15 лет и старше среднее число рождений (в тыс.) составляло: русские — 1,77, украинки — 1,82, белоруски — 2,00, узбечки — 3,29, казашки — 2,98, грузинки — 1,92, азербайджанки — 2,78, молдаванки — 2,23, латышки — 1,49, киргизки — 3,36, таджикки — 3,70, литовки — 1,79, армянки — 2,27, туркменки — 3,29, эстонки — 1,59.¹

Исследователи выделяют как пример этнических особенностей рождаемости различия между четырьмя группами народов — с наивысшей рождаемостью (среднеазиатские народы), с высоким уровнем рождаемости (казахи, азербайджанцы) и двумя группами с низкой рождаемостью (народы Прибалтики, а также русские, украинцы и белорусы)². В последние годы в результате дальнейших этнодемографических перемен ситуация несколько изменилась. Можно выделить шесть групп народов — с наиболее высокой рождаемостью (таджики, киргизы, туркмены, узбеки), с высокой рождаемостью (казахи, азербайджанцы), со средним уровнем рождаемости (молдаване, армяне), переходную группу от среднего к низкому уровню (белорусы, грузины), с низким уровнем (русские, украинцы, литовцы) и с наиболее низким уровнем (латыши, эстонцы).

Режим расширенного воспроизводства населения Молдавии (в конце 70-х годов XX в. нетто-коэффициент воспроизводства населения МССР составлял в среднем 1,1)³ определяется прежде всего уровнем рождаемости коренной национальности — молдаван. Следует учитывать целый комплекс социально-экономических и историко-культурных факторов. В Молдавии степень урбанизации одна из наиболее низких по СССР. Согласно данным переписи населения 1979 г. доля городских жителей в МССР составила 39 % (в Киргизии и Таджикистане, наименее урбанизированных республиках — соответственно 38 и 35 %)⁴. Степень урбанизации в своей республике и за ее пределами у молдаван является самой низкой в европейской части СССР и составляет всего 27 %⁵.

С показателями рождаемости тесно связаны уровни детности и брачности. Показатели детности приводились выше. У молдаван они ниже, чем у народов Средней Азии, Казахстана, Азербайджана, но выше, чем у народов европейской части СССР. О том же свидетельствуют и показатели брачности. В 1970 г. 68,2 % женщин-молдаванок 20–29 лет состояли в браке; удельный вес замужних среди русских женщин этого же возраста достигал 66 %, в то время как у киргизок — 86,3 %, таджичек 90 %⁶. У молдаван раньше, чем у коренных народов Средней Азии наметился отход от ранних браков (до 20 лет). Уже по переписи 1926 г. уровень брачности молдаван приближался к уровню брачности других народов европейской части СССР. Максимальная брачность достигалась к 30–34 годам, в 18–19 лет в браке состояло 28,5 % всех женщин, в то время как в республиках Средней Азии до 90 %⁷.

Таблица 1. Динамика численности и национального состава населения Молдавской ССР по данным переписи 1959, 1970 и 1979 гг.*

Национальность	1959		1970		1979	
	тыс.чел.,	%	тыс.чел.,	%	тыс.чел.,	%
Молдаване	1887	65,4	2304	64,6	2526	63,9
Украинцы	421	14,6	507	14,2	561	14,2
Русские	293	10,2	414	11,6	506	12,8
Гагаузы	96	3,3	125	3,5	138	3,5
Болгары	62	2,1	74	2,1	81	2,0
Евреи	95	3,3	98	2,7	80	2,0
Всего	2885	100	3569	100	3949,7	100

* Рассчитано по материалам следующих работ: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: МССР. — М., 1962. — С. 90–93; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. — М., 1973. — Т. 4. — С. 276–279; Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи 1979 г. — М., 1984. — С. 128.

Немаловажной причиной относительно высокой рождаемости молдавского населения по сравнению с другими народами европейской части СССР является отсутствие у них после первой и в особенности второй мировых войн значительного дефицита мужчин, как, например, у русских, украинцев и белорусов. В момент проведения переписи населения 1959 года почти половина женщин брачного возраста в европейской части СССР была незамужем. И только в Средней Азии, на Дальнем Востоке и в Молдавии число женщин, состоявших в браке, было, хотя и ниже довоенного, но превышало 60 %⁸. По данным переписи 1970 г. доля мужчин составляла у русских, украинцев и белорусов соответственно 45,2, 45,5 и 46,4 %, у молдаван 48,2 %, у узбеков 50,1 %, таджиков 50,6 %⁹.

Какова этнодемографическая ситуация в самой Молдавии? Молдавская ССР — многонациональная республика. Помимо коренной национальности — молдаван, здесь живут украинцы, русские, болгары, гагаузы, евреи (табл. 1).

В возрастании численности молдаван с 1959 по 1979 г. основную роль сыграл естественный прирост. Она могла быть еще большей, если учесть, что

определенная часть молдаван (в основном мужчины молодых возрастов) выезжают в другие республики на учебу или постоянную работу. Рост численности русских и украинцев наблюдался в основном под влиянием механического движения. Русские и украинцы составляют большую часть мигрантов, поселяющихся в Молдавии.

Обращают на себя внимание различия в естественном приросте двух национальностей, живущих на юге МССР, — болгар и гагаузов. Они живут в сходных условиях, зачастую в одних и тех же селах.

Численность болгар за 20 лет с 1959 по 1979 г. возросла на 19 тыс., гагаузов — на 42 тыс. чел. Более высокие темпы общего прироста численности гагаузов обусловлены почти исключительно естественным приростом, сформированном более высокой рождаемостью. В этом, по нашему мнению, сказывается влияние этнических установок на репродуктивное поведение.

Проживающие в Молдавии национальности различаются по уровню рождаемости. По данным на 1979 г. коэффициент рождаемости в целом по республике составил 20,3 ‰. Однако у отдельных национальностей он существенно варьировал (табл. 2).

Таблица 2. Общий коэффициент рождаемости по основным национальностям МССР по материалам переписей 1959, 1970 и 1979 гг., ‰

Национальность	1959	1970	1979
Молдаване	35,2	20,8	21,3
Украинцы	26,8	17,8	17,4
Русские	21,3	15,4	14,6
Гагаузы	45,0	21,1	23,8
Болгары	29,3	17,9	21,6
Всего	31,5	19,4	20,3

Рассчитано по материалам: Бакурский С.В. Социально-экономические проблемы демографического развития Молдавской ССР. — Кишинев, 1984. — С. 23.

ское и болгарское население, а в северных районах высок удельный вес украинцев.

Уровень рождаемости гагаузского населения, небольшого тюркоязычного народа, переселившегося на территорию юга Бессарабии в конце XVIII — начале XIX в. из Северо-Восточной Болгарии, объясняется традициями многодетности вследствие имеющегося пока отставания в области социально-экономического и культурного развития. Из 138 тыс. гагаузов в Молдавии более 60 % живут в сельской местности, где, как правило, ниже уровень образования и более ранний возраст вступления в брак. Подавляющее большинство городских гагаузов находятся в малых городах и поселках городского типа, условия жизни в которых приближены к сельским. Численность гагаузов в Кишиневе составляет несколько тысяч человек. До сих пор гагауз-

ское население отстает по уровню образования и профессиональной подготовке. По данным переписи населения 1970 г. среди национальностей Молдавии число лиц со средним и высшим образованием на 1000 чел. составило у русских 37, украинцев 22, болгар 13, молдаван 11, гагаузов 5,5¹¹.

Гагаузы в более раннем возрасте вступают в брак. Так, после 27 лет вступают в брак всего 1,3 % гагаузских девушек и 1,6 % юношей. У других национальностей Молдавии этот показатель выше. У русских, например, он равен 15 %¹².

У гагаузов самый высокий средний размер сельской семьи 5,3 чел., в то время как у молдаван 4, украинцев и русских 3,4, евреев 2,7¹³. Гагаузы отличаются и наиболее равным соотношением полов. По данным авторов у русских доля мужского населения составляет 45 %, украинцев 46 %, евреев 47 %, молдаван и болгар 48 %, гагаузов 49 %. В сельской местности доля мужчин у гагаузов — 49,6 %.

В пределах Молдавии высокий уровень рождаемости имеет болгарское население, что также объясняется слабой степенью его урбанизации. Небезынтересно отметить, что рождаемость болгар, живущих в Молдавии, значительно выше аналогичных показателей по Народной Республике Болгарии (13,9 ‰ в 1982 г.)¹⁴. Справедливо отмечает советский исследователь Л.В.Маркова, что живущие в СССР (преимущественно на территории Украины и Молдавии) болгары представляют собой особую группу болгарского этноса, включенную в социальные организмы УССР и МССР и, следовательно, живущую и развивающуюся по законам этих социальных организмов¹⁵.

Являются ли различия в уровне рождаемости ряда национальностей раз навсегда данными и неизменными на всем протяжении существования этноса? Материалы показывают, что эти черты демографического поведения складываются не под влиянием национально-специфических черт этноса или его биологических особенностей, а являются результатом воздействия социально-экономических факторов. Так, например, сейчас уровень рождаемости у русских и молдаван значительно отличается, но еще в первых десятилетиях XX в. положение было другим. В 1927 г. коэффициент рождаемости и у русских (европейская часть РСФСР), и у молдаван (в пределах Молдавской АССР) составлял 45,4 ‰¹⁶. А в конце XIX — начале XX в. не было никаких различий в рождаемости русских и народов Средней Азии.

Как показали исследования А.Я.Кваши, в СССР в годы Советской власти в основном завершается переход к современному типу воспроизводства населения¹⁷. С середины 60-х годов XX в. наметился процесс снижения рождаемости, что объясняется, главным образом, социально-экономическими преобразованиями в нашей стране, вовлечением женщин в общественное производство, что, в свою очередь, изменило образ жизни, социально-психологические установки, привело к усилению внутрисемейного контроля над числом детей. Однако несмотря на спад в уровне рождаемости различия в нем по отдельным национальностям пока сохраняются.

Для нашей страны характерна присущая экономически развитым странам тенденция к сокращению нетто-коэффициента воспроизводства населе-

ния и приближение его к уровню простого воспроизводства. Переход к новому типу воспроизводства происходит у различных народов неравномерно. У одних (народы Прибалтики, русские, украинцы) он полностью или почти завершился, у других (народы Средней Азии и некоторые другие) он еще не завершен.

Итак, сохраняющиеся пока различия в условиях рождаемости отдельных национальностей СССР (в смертности различия не столь велики) определяются тем, насколько быстро осуществляется переход к современному типу воспроизводства. Следует отметить, что тот или иной режим воспроизводства населения, связанные с ним психологические установки, формы семейной организации и т.д. в данный отрезок времени становятся неотъемлемой частью национальной культуры народа. Сложившийся под влиянием определенных социально-экономических условий тип репродуктивного поведения является составной частью образа жизни, приобретает этнические черты. В этом плане можно говорить об этническом аспекте рождаемости. Прав А.Я.Кваша, отмечая, что представления об оптимальной численности детей в семье у различных этнических групп населения со временем приобретают известную самостоятельность, как бы независимость от социально-экономического развития, окружающих условий жизни, т.е. развиваются медленнее последних¹⁸. Этнический стереотип репродуктивного поведения не является постоянным для данного народа, он изменяется по мере развития общественных отношений.

Основные тенденции демографического развития СССР постепенно приводят к выравниванию существенных различий в рождаемости, к повсеместному складыванию единого типа воспроизводства населения.

¹ Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. — М., 1984. — С. 358.

² Козлов В.И., Комарова О.Д. Изменение численности народов СССР // Сто наций и народностей: Этнодемогр. развитие СССР. — М., 1986. — С. 10–11.

³ Бакурский С.В. Социально-экономические проблемы демографического развития Молдавской ССР. — Кишинев, 1984. — С. 38.

⁴ Численность и состав населения СССР. — С. 362.

⁵ Козлов В.И. Национальности СССР: (Этнодемогр. обзор). — М., 1982. — С. 100.

⁶ Там же. — С. 184–185.

⁷ Там же. — С. 158.

⁸ Там же. — С. 179.

⁹ Там же. — С. 154.

¹⁰ Бакурский С.В. Указ. соч. — С. 21.

¹¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. — М., 1973. — Т. 4. — С. 513–517, 558.

¹² Курогло С.С. Некоторые аспекты рождаемости в современной гагаузской семье // Семья у народов СССР в условиях развитого социалистического общества. — Махачкала, 1985. — С. 144.

¹³ Курогло С.С., Маруневич М.В. Социалистические преобразования в быту и культуре гагаузского населения МССР. — Кишинев, 1983. — С. 167.

¹⁴ Минков М., Раковский С.Н. Болгария // Демографический энциклопедический словарь. — М., 1985. — С. 41.

¹⁵ Маркова Л.В. Болгары Советского Союза: Тенденции этнич. развития // Расы и народы. — 1984. — № 14. — С. 111.

¹⁶ Козлов В.И. Указ. соч. — С. 162.

¹⁷ Кваша А.Я. Проблемы экономико-демографического развития СССР — М., 1974. — С. 5–52.

¹⁸ Кваша А.Я. Что такое демография? — М., 1985. — С. 11.

П.П.ЗВИДРИНЬШ ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА В ЛАТВИИ

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения о процессах воспроизводства населения на территории Латвийской ССР вплоть до начала XIX в. скудны. На основании некоторых публикаций того времени, сравнительного анализа данных о населении в странах, где уже в XVIII в. функционировала государственная система учета событий естественного движения населения (Норвегия, Швеция, Франция и др.), и современных исследований в области исторической демографии, можно сделать вывод, что на большей части современной территории Латвии рождаемость колебалась около 40 ‰. Показатели рождаемости были относительно ниже в северной и западной частях Латвии: в Лифляндии и Курляндии* и выше — в восточной части Латвии (трех латвийских уездах — Двинском, Люцинском и Режицком Витебской губ.).

На территории Латвии население в то время еще не регулировало число детей в семье. Различия в общих показателях рождаемости объяснялись преимущественно особенностями брачности, а также состава населения. В странах и их регионах, где общие коэффициенты рождаемости были ниже 45 ‰, большее или меньшее распространение получил так называемый европейский тип брачности — более поздние браки и высокая доля женщин, остающихся вне брака. Очевидно, в Латвии, как и в большинстве стран Европы, чрезмерно ранние браки имели место только в средневековье.

Общие коэффициенты рождаемости в Курляндской и Лифляндской губ. имели тенденцию к снижению уже в начале XIX в. Следует, однако, отметить, что опубликованные данные за первую треть XIX в. еще были неполными. Кроме того, изменение коэффициентов рождаемости обуславливалось в основном динамикой брачности. Так, некоторый временный подъем коэффициентов рождаемости отмечался после аграрных реформ (в Курляндской губ. — в 1817 г., в Лифляндской — в 1819 г.). Этот сдвиг, очевидно, был связан с частичным освобождением крестьянства и увеличением возможностей вступить в брак.

Опубликованные сколько-нибудь достоверные данные о рождаемости населения на большей части территории Латвии относятся к 40-м годам XIX в. Рассчитанный по ним коэффициент рождаемости в Курляндской губ.

* Около половины населения Лифляндской губ. и почти все население Курляндской губ. жило в латвийской части губерний.

в середине столетия колеблется от 35 до 40 ‰, а в Лифляндской губ. — немного выше. К сожалению, мы не располагаем сведениями для вычисления серий половозрастных показателей брачной рождаемости и выяснения, практиковалось ли в ту пору внутрисемейное регулирование деторождений. Представляется, что незначительная часть супругов, особенно в городах Курляндии и в Риге, уже в середине XIX в. пыталась управлять своим репродуктивным поведением. По нашему мнению, регулирование рождаемости началось в привилегированных слоях общества.

В 60-х годах XIX в. отмечалось быстрое понижение общего уровня рождаемости. Рассчитанный нами коэффициент рождаемости в Курляндии снизился с 36 ‰ в 1859–1864 гг. до 29 ‰, в 1868–1869 гг., в Лифляндии — с 41 ‰ в 1861–1865 гг. до 34 ‰ в 1868 г. и 32 ‰ в 1869 г.¹ В конце 60-х годов XIX в. в прибалтийских губерниях была не только самая низкая рождаемость в Российской империи, но одна из низких в Европе. Отметим, что коэффициент рождаемости в европейской части России колебался около 50 ‰. При этом следует подчеркнуть, что показатели брачности в этих губерниях были значительно ниже, чем по России в целом, но выше, чем в большинстве стран Западной Европы.

В первой половине 70-х годов XIX в. показатели рождаемости на землях Латвии несколько возросли, но во второй половине снова началось их снижение. Таким образом, можно утверждать, что перелом в динамике общих коэффициентов рождаемости в Курляндии и Лифляндии начался во второй половине 60-х годов XIX в. Более отчетливое снижение рождаемости здесь отмечалось с 80-х годов. Именно тогда, вероятно, начался переход к массовому внутрисемейному регулированию рождаемости в западных и северных районах Латвии.

Для сравнения отметим, что только в некоторых странах Западной Европы заметное снижение общего уровня рождаемости наблюдалось в 60–80-х годах XIX в.² (за исключением Франции, где оно началось еще в конце XVIII в.).

В восточной части Латвии* показатели брачности и рождаемости были выше, чем в Курляндии и Лифляндии, но несколько ниже, чем в целом по европейской части России. Так, среднегодовой коэффициент рождаемости в Витебской губ. в 1861–1875 гг. составлял 47,8 ‰, что на 15,1 и 11,6 промилле выше соответствующих показателей для Курляндии и Лифляндии³. Следует, однако, отметить, что начавшееся в этой губернии в 1876–1880 гг. снижение общих коэффициентов рождаемости происходило довольно быстрыми темпами. Хотя губерния в целом не входила в зону низкой рождаемости, в трех латвийских уездах рождаемость была ниже среднего по губернии в целом.

Проведенные в 60-х годах XIX в. и в 1881 г. переписи населения в Лиф-

* Примерно 1/3 численности населения этого района проживала на современной территории Латвии. По данным 1897 г. доля жителей его составляла 1/4 общей численности населения Латвии.

ляндской и Курляндской губ., а также первая Всероссийская перепись населения в 1897 г. дают нам возможность подсчитать различные специальные показатели рождаемости по Латвии в целом (табл. 1). Так, общий коэффициент рождаемости в Латвии в 1897–1903 гг. составлял 30,8 ‰. На рубеже столетий на 1000 женщин репродуктивного возраста (15–49 лет) ежегодно приходилось 115–120 рождений, или 4 ребенка, рожденных в среднем, одной женщиной за всю ее жизнь. Есть основания утверждать, что среди латышей была самая низкая рождаемость в России⁴.

Таблица 1. Рождаемость, смертность и естественный прирост населения Латвии в 1861–1935 гг., ‰*

Годы	Коэффициент рождаемости			Коэффициент смертности	Коэффициент естественного прироста
	общий	специальный**	брачный***		
1861–1865	40,4	157	295	26,8	13,6
1881–1885	32,9	128	240	22,2	10,7
1897–1903	30,8	119	223	20,6	10,2
1911–1913	25,9	100	188	17,4	8,5
1924–1925	22,3	78	157	15,2	7,1
1934–1935	17,4	64	114	14,1	3,3

* Рассчитано по: Народное хозяйство Латвийской ССР в 1976 г. — Рига, 1977. — С. 13; Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.) — М., 1956. — С. 167–168, 187–188; Первая всеобщая перепись Российской империи 1897 г. — Т. 5 (тетрадь 3), 19, 21. — СПб., 1903–1905; Latvijas PSR statistikas tabulas. — Rīga, 1940 — S. 22.

** Число родившихся на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет.

*** Число родившихся в браке на 1000 замужних женщин в возрасте 15–49 лет.

Снижение рождаемости продолжалось в начале XX в. Накануне первой мировой войны в 1913 г. коэффициент рождаемости в Латвии снизился до 24,2 ‰, а в Курляндии — до 18,7 ‰, ниже, чем в любой европейской стране.

При изучении рождаемости очень важно выявить причины изменения в репродуктивном поведении супругов. Действительно, почему в третьей четверти XIX в. все больше супругов в Латвии начали контролировать рождаемость? Видимо, это объясняется сдвигами в социальных и культурных нормах, обусловленными социальным и экономическим развитием общества.

В большинстве государств Европы церковно-феодалные нормы репродуктивного поведения супругов сохранялись вплоть до второй половины XIX в. В царской России высокая рождаемость, проповедуемая в религиозных доктринах, господствовала вплоть до Октябрьской революции. Даже в начале XX в. во многих губерниях страны рождаемость была близка к максимально возможному уровню (50 ‰ и более). Тем не менее развитие капиталистических отношений на значительной территории европейской части России уже во второй половине XIX в. постепенно преобразовывало социально-экономические основы труда, быта и культуру населения. В силу исторической специфики и выгодного географического положения прибал-

тийские губернии России шли впереди в этом отношении. На репродуктивном поведении латышей и эстонцев в какой-то мере сказалось и относительно либеральное отношение лютеранской церкви к внутрисемейному регулированию деторождений.

Определенное значение в развитии экономики и демографических процессов имели крестьянская реформа 1861 г. и закон о паспортах 1863 г. Крестьянская реформа 1861 г. коснулась лишь той части Латвии, которая в то время находилась в составе Витебской губ.

Многие крестьяне, воспользовавшись законом 1863 г. о свободном перемещении, мигрировали в города, а также в другие губернии. Городское население Латвии пополнялось также за счет приезжих крестьян из других районов страны. Уже в середине XIX в. процент городского населения в Лифляндии и Курляндии был самым высоким в Прибалтике, заметно превышая аналогичный показатель по европейской части России в целом. С 1868 по 1897 г. численность городского населения Латвии утроилась, а доля городского населения возросла с 15 до 28 %. Лифляндия (особенно Рижский уезд) стала одним из наиболее развитых промышленных районов России. Естественно, указанные явления не могли не сказаться на уровне рождаемости.

Необходимо отметить и следующую особенность уровня рождаемости в Латвии. В подавляющем большинстве стран мира в XIX в. рождаемость в селах была выше, чем в городах, где началась практика внутрисемейного регулирования деторождений. Такое положение наблюдалось и в царской России. В Латвии, а также в Эстонии общие коэффициенты рождаемости в сельских местностях были ниже, чем в городах. Здесь, по-видимому, сказалось влияние хуторской системы расселения, невыгодность дробления хозяйств при большом числе детей в семье.

Среди факторов, способствующих снижению рождаемости в Латвии во второй половине XIX в., следует отметить рост образовательного уровня населения. Имеются, например, сведения о том, что в середине XIX в. доля грамотных призывников в прибалтийских губерниях была выше, чем в других районах страны. Аналогичное положение, несомненно, было и в других группах населения, поскольку уровень рождаемости, как известно, тесно коррелирует с уровнем культуры и структурой потребностей. По уровню грамотности населения Латвия была близка к западным странам Европы. То же наблюдалось и в отношении процессов воспроизводства населения, в частности, рождаемости. 60-е годы XIX в. в Латвии нередко характеризуются как эпоха развития латышской национальной культуры и эпоха "пробуждения народа". Это пробуждение, видимо, и было началом формирования нового отношения определенной части населения к репродуктивному поведению, приведшему к существенному снижению рождаемости.

Мы не располагаем достоверными сведениями о смертности населения Латвии вплоть до середины XIX в. Однако, оценивая имеющиеся учетные данные и темпы роста численности населения, с достаточной уверенностью можно утверждать, что на рубеже XVIII–XIX в. в Курляндии и Лифляндии

общий коэффициент смертности населения составлял около 35 ‰. При этом речь идет о среднем общем коэффициенте, не включающем более высокую смертность в годы эпидемий и голода. К середине XIX в. этот показатель снизился примерно до 30 ‰, что дает нам основание утверждать: ощутимое снижение смертности в этих губерниях началось в первой половине XIX в. Определенное снижение смертности, несомненно, происходило и в XVII–XVIII вв., что отражалось, например, в постепенном исчезновении "пиков" смертности. Но принципиальные изменения в перестройке ее причин начались лишь в первой половине XIX в. Именно в прошлом столетии произошел качественный сдвиг в контроле над смертностью в Латвии. Он был обусловлен развитием капитализма.

В середине XIX в. общий коэффициент смертности в прибалтийских губерниях был примерно в 1,5 раза ниже, чем в целом по европейской части России, где снижение смертности началось только в конце XIX в. В восточной части Латвии сокращение смертности началось позднее, чем на остальной территории Латвии, но темпы снижения уровня смертности здесь были очень высоки. Именно в Витебской губ. отмечались наивысшие темпы уменьшения уровня смертности в европейской части России за 1861–1913 гг.

На основе данных переписи населения 1881 г. и текущего учета умерших латышский статистик К.Баллод (Балодис) совместно с Л.Бессером составил первые таблицы дожития для населения прибалтийских губерний. Эти таблицы за 1880–1883 гг. были одними из первых в России для населения всех вероисповеданий и показали, что жизнестойкость населения в Прибалтике была существенно выше, чем в других регионах страны. Средняя продолжительность жизни для мужчин прибалтийских губерний составила 39,1 лет, а для женщин — 42,7 лет⁵. Рассчитанные для конца XIX в. (1896–1897 гг.) показатели средней продолжительности жизни в Латвии были: для мужчин — 41,1 и для женщин — 43,6 лет, что более чем на 10 лет превышало соответствующие значения по Российской империи. По расчетам М.В.Птухи, средняя продолжительность жизни у латышей (43,1 и 46,9 лет) была самой высокой⁶.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что процесс снижения смертности населения в Латвии, как и в большинстве стран Европы, начался раньше и на первом этапе происходил быстрее, чем сокращение рождаемости. Результатом различия в уровнях рождаемости и смертности было увеличение естественного прироста населения, максимальный уровень которого отмечался в третьей четверти XIX в., что соответствует северной модели демографического перехода⁷.

Снижение общих коэффициентов и интенсивности смертности на большей части территории Латвии началось в начале XIX в. К этому периоду относится и начало сокращения общих коэффициентов рождаемости. Падение интенсивности (брачной) рождаемости началось позднее — в третьей четверти XIX в. Хронологический разрыв в снижении интенсивности смертности и рождаемости составляет несколько десятилетий, что в основном соответствует классической схеме демографического перехода. В восточной Латвии со-

крашение смертности и рождаемости началось позднее и происходило более быстрыми темпами. Демографический переход в Латвии в целом начался раньше, чем в большинстве других частей России.

Общий кризис капитализма, возникший в период первой мировой войны, а также нарушения демографических структур повлияли на воспроизводство населения буржуазной Латвии. Рождаемость продолжала систематически снижаться. Минимальный ее уровень отмечался в середине 30-х годов XX в. Низкий уровень рождаемости обусловил очень слабую интенсивность воспроизводства населения, недостаточную даже для простого возобновления поколений (нетто-коэффициент воспроизводства колебался около 0,90). В 1929 и 1933–1935 гг. уровень рождаемости в городах снизился настолько, что естественный прирост в них не был обеспечен. Заметно усилился процесс старения всего населения.

Социально-экономические условия жизни рабочего населения отчетливо проявлялись в относительно медленном снижении смертности населения и высокой смертности от инфекционных и паразитарных заболеваний, особенно от туберкулеза. Появилась угроза депопуляции буржуазной Латвии.

В Латвийской ССР, как и в большинстве стран мира, сразу после второй мировой войны началось компенсационное повышение брачности и рождаемости, которое продолжалось недолго. Уже в 1948–1949 гг. за снижением брачности началось некоторое сокращение рождаемости. После подъема уровня брачности во второй половине 50-х годов новое его снижение произо-

Таблица 2. Динамика показателей естественного движения населения в Латвийской ССР*

Год	Коэффициент рождаемости			Коэффициент		
	общий	специальный	суммарный**	смертности	естественного прироста	жизненности***
1940	19,3	69,7****	2,46	15,7	3,6	1,23
1950	17,0	59,5	2,08	12,4	4,6	1,37
1958–1959	16,8	59,2	1,94	10,4	6,4	1,62
1965–1966	13,9	51,9	1,74	10,1	3,8	1,37
1969–1970	14,3	53,5	1,93	11,2	3,1	1,28
1975–1976	13,9	53,4	1,95	12,1	1,8	1,15
1978–1979	13,7	53,2	1,86	12,6	1,1	1,09
1983–1984	15,7	62,7	2,10	12,7	3,0	1,24
1985	15,6	...	...	13,2	2,4	1,16

* Рассчитано по материалам. Советская Латвия // Латвийская Советская Энциклопедия. — Рига, 1985. — С. 110; Латвийская ССР: Крат. стат. справ. — Рига, 1986. — С. 34. Специальный и суммарный коэффициент рождаемости и коэффициент жизненности рассчитан автором по данным следующих работ: Вестник статистики. — 1980. — № 11. — С. 76; 1985. — № 11. — С. 78; Народное хозяйство Латвийской ССР в 1976 г. — Рига, 1977. — С. 13; Народное хозяйство Латвийской ССР в 1984 г. — Рига, 1985. — С. 18–19.

** Среднее число детей, рожденных одной женщиной условного поколения.

*** Соотношение чисел родившихся и умерших.

**** 1939 г.

шло в следующем пятилетии, что во многом было вызвано влиянием войны (уменьшением числа бракоспособных лиц). Оно вызвало довольно резкое понижение общего уровня рождаемости, который с середины 60-х годов XX в. до 1981 г. стабилизировался на уровне 14 ‰. Специальные показатели рождаемости также подтверждают, что длившееся почти полутора вековое снижение рождаемости приостановилось.

Существенные сдвиги за годы Советской власти произошли в состоянии здоровья населения и его жизнестойкости. Уже в 1950 г. общий уровень смертности был на 1/5 ниже уровня 1940 г. (табл. 2). К 1964–1965 гг. средняя продолжительность жизни мужчин возросла до 67 лет, а женщин — до 74,5 лет, что соответственно на 11 и 13 лет больше максимальных показателей довоенного периода.

Коэффициент естественного прироста к 1965 г. сократился до 3,8 и к 1979 г. — до 1,0 ‰. Следовательно, в течение 6–7 последних демографических поколений произошел демографический переход к современному типу воспроизводства населения с очень низкой рождаемостью и смертностью. Латвийская ССР одной из первых среди союзных республик полностью завершила этот демографический переход.

Особенностью заключительного этапа демографического перехода в Латвии являлось то, что естественное возобновление поколений происходило в суженных размерах. Несмотря на имеющийся небольшой естественный прирост населения, коэффициент естественного прироста так называемого стабильного населения был отрицателен, так как возобновление условных поколений в 60-х и 70-х годах XX в. обеспечивалось на 85–98 %⁸.

Существовавший за последние десятилетия в республике режим воспроизводства населения рациональнее прежних. Но этот режим воспроизводства все же не соответствовал оптимальным параметрам. Поэтому уже в 70-х годах и особенно в 80-х годах в республике были осуществлены попытки активизации демографической политики с целью повышения степени возобновления поколений. В мае 1980 г. ЦК КП Латвии и Совет Министров республики рассмотрели и одобрили комплекс мер по улучшению демографической ситуации и стимулированию естественного прироста населения. По решению правительства Латвийской ССР в 1983 г. впервые в стране была начата разработка республиканской целевой комплексной демографической программы на период до 2000 г.

Прошло относительно немного времени после начала осуществления ряда комплексных мер демографической политики, однако, можно уже говорить об их первых положительных результатах. Возросла рождаемость, особенно частота рождений вторых и третьих по счету детей. Преодолены некоторые отрицательные тенденции, проявившиеся со второй половины 60-х годов XX в. в жизнестойкости населения. Ощутимо возросли показатели замещения поколений и естественного прироста населения. Коэффициент естественного прироста населения увеличился с 1,0 ‰ в 1979 г. до 1,3–1,4 ‰ в 1980–1981 гг. и 2,4–3,2 ‰ в 1982–1985 гг.⁹ Это является подтверждением не только возможности целенаправленного регулирования демографиче-

ских процессов, в том числе в области естественного воспроизводства населения, но и успешности повышения рождаемости и естественного прироста после завершения демографического перехода. По-видимому, такое воздействие может быть успешным только в случае, если оно не противоречит объективным потребностям самого населения и закономерностям всего общественного развития.

- ¹ Звидринш П.П. Уровень и динамика рождаемости и смертности в Латвии в период до Советской власти // *Вопр. статистики.* — 1973. — Вып. 3. — С. 48.
² Вишневский А.Г. Демографическая революция. — М., 1976. — С. 156.
³ Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1918 гг.) : Стат. очерки. — М., 1956. — С. 167–168.
⁴ Звидринш П.П. О демографическом переходе в Латвии // *Изв. АН Латв. ССР.* — 1978. — № 4. — С. 37.
⁵ Бессер Л., Баллод К. Смертность, возрастной состав и долговечность православного народонаселения обоего пола в России за 1851–1890 гг. — СПб., 1897. — С. 107.
⁶ Пруха М.В. Смертность 11 народностей Европейской России в конце XIX в. — Харьков; Киев, 1928. — С. 37.
⁷ Chesnais J.C. Patterns of Demographic Transition // *Demogr. Trans. : Beitr. Demogr.* — 1983. — N 7. — P. 107.
⁸ Zvidrinsh P. Demographic transition in Latvia // *Ibid.* — P. 288.
⁹ Латвийская ССР: Крат. стат. справ. — Рига, 1986. — С. 34.

С.К.КИВИМЯЭ ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЖЕНСКОГО ТРУДА В ЭСТОНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Эстония и Латвия отличаются низкой рождаемостью и высоким уровнем занятости женщин в общественном производстве. Этот феномен тесно взаимосвязан, имеет сугубо исторические корни. На основе новейших исследований советских историков-демографов можно утверждать, что модель репродуктивного поведения, сложившаяся к концу XVII в. в Эстонии, сохранялась почти неизменно в течение полутора веков¹. Коэффициенты брачности составили в среднем 8–10 ‰, рождаемости — 35–40 ‰ (последний в южной Эстонии несколько выше). По годам эти показатели сильно варьировались в теснейшей корреляции с урожайностью. Неурожаи в 1840-е годы привели к понижению числа бракосочетаний и особенно рождаемости. Положение медленно стабилизировалось, но после неурожайных 1868 и 1869 гг. — последних голодных годов в Эстонии — рождаемость увеличилась лишь незначительно. Однако недостаточно обосновано мнение о распространении методов внутрисемейного регулирования, так как брачная рождаемость не очень отличалась от уровня XVIII в. Продуктивность браков составляла 4–5 детей². По сравнению с русскими губерниями рождаемость в прибалтийских губерниях была ниже и в дальнейшем постоянно понижалась. Индексы рож-

даемости и доли состоявших в браке, рассчитанные по Э.Коулу для Европейской России конца XIX в., оказались самыми низкими в прибалтийских губерниях, конкурировать с которыми мог только Петербург³.

Средний возраст невест в Эстонии удерживался на уровне 24–25 лет. Во всяком случае в середине XIX в. окончательно внедрился так называемый тип европейской брачности, описанный Дж.Хаджналом⁴: позднее вступление в брак и значительное количество незамужних женщин. Изменения доли женщин, никогда не состоявших в браке, по данным Прибалтийской региональной переписи 1881 г. и Всероссийской переписи 1897 г. по районам Эстонии, представлены в таблице.

Доля женщин, никогда не состоявших в браке в Эстонии в конце XIX в., %*

Район	Возрастная группа			
	20–29 лет	40–49 лет	20–29 лет	40–49 лет
	1881 г.		1897 г.	
г. Таллин	55,8	14,2	61,8	17,1
г. Тарту	60,6	16,8	65,2	18,6
Уезды Эстляндской губ.	53,7	9,8	56,2	10,5
Уезды материковой части Лифляндской губ.: в т.ч. 4 эстонских уезда	54,7	11,4	60,1	12,5
Сааремааский уезд	57,7	14,6	64,4	14,4

* Рассчитано по материалам следующих работ: *Ergebnisse der baltischen Volkszählung vom 29. December 1881.* T. I: Jung-Stilling Fr. v., Anders W. *Ergebnisse der livländischen Volkszählung.* — Bd. 2. Die Zählung in den Städten: Schlock, Lemsal, Wolmar, Wenden, Walk, Dorpat, Werro, Pernau, Fellin und Arensburg. — Lief. 1–2. — Riga, 1883–1885. dies. 3. Bd. Die Zählung auf dem flachen Lande. Lief. 1–2. Riga, 1884–1885; T.2: Jordan P. *Ergebnisse der ehstlandischen Volkszählung.* 1. Bd. Die Zählung in Reval. Lief. 1–2. Reval, 1883. 101S: dies. 3. Bd. Die Zählung auf dem flachen Lande. — Lief. 1–2. Reval 1884, 134S: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Под ред. Н.А.Тройницкого; Лифляндская губ., Эстляндская губ. — СПб, 1905.

В структуре брачности женщин в Эстонии в рассматриваемое время произошли довольно значительные изменения, а расхождение по регионам углублялось⁵. В городах, где на рубеже веков проживал уже каждый 5-й человек, уровень окончательного безбрачия повышался быстрее, чем в деревне и достигал 19 %. Особенно высокая доля старых дев и вдов была характерна для малых городов. Так, в Эстонии в 1897 г. в возрасте 20–29 лет не состояло еще в браке 59 % и 40–49 лет — выше 13 %, в то время как в Европейской России в целом соответственно 23 и 5 %.

Безбрачие среди эстонских крестьян было и ранее распространенным явлением. Демографическое поведение в период феодализма обуславливалось прежде всего формой крестьянского землевладения с относительно большими дворами, что сопровождалось разделением крестьянства на хозяев и батраков, или бобылей. Последним, как и младшим сыновьям хозяев, создать

семью в более молодом возрасте было трудно. Батрачками служили, в основном, незамужние. Хотя в крестьянском хозяйстве существовало довольно четкое разделение труда по полу и возрасту, при необходимости женщины выполняли почти все мужские работы, мужчины могли выполнять большинство женских работ, и поэтому, определяя экономическую способность крестьянского двора, следует учитывать и его обеспеченность женской рабочей силой⁶. Значение внесемейного женского труда в феодальной экономике начало возрастать с конца XVIII в., когда в связи с интенсификацией мызного* хозяйства барщинные повинности намного повысились, и мыза стремилась использовать все трудовые ресурсы.

Аграрными законами середины XIX в. закреплялась сложившаяся структура землевладения. Это определило дальнейшую социально-экономическую поляризацию крестьянства, особенно в южной Эстонии, где крестьянские участки были крупнее, чем в северной Эстонии. К тому времени относительная численность мужчин среди крестьян заметно уменьшилась, а в крестьянских дворах, переходящих на денежную аренду, в качестве постоянной рабочей силы предпочитали холостяков. Во многих мызах не хватало рабочих. Резервом являлись бобыли. Наряду с временным увеличением числа бобыльских участков, среди их держателей рос удельный вес женщин. На крестьянской земле они составляли почти половину, в большинстве это были вдовы. Зарабатывали они поденщиной. В самом мызном хозяйстве быстро сложились разные формы оплаты труда семейных рабочих, но и их жены должны были отработать определенное количество дней в мызе, ухаживая за стадом и при уборке урожая⁷. Новшества в сельском хозяйстве большей частью внедрялись за счет роста применения женского труда. Крестьянские хозяйства в южной Эстонии выращивали лен для рынка, а в Эстляндии — картофель. Уборкой этих культур занимались преимущественно женщины. На них возлагалось также большинство работ быстро развивающегося животноводства, что углубляло разделение труда. Молочным делом управляла хозяйка и в крупных дворах она не участвовала в полевых работах. Однако в такой традиционной земледельческой работе, как уборка озимых, использовался женский труд. Об этом свидетельствует широкое распространение в Эстонии еще в начале XX в. серпа, являвшегося, в основном, женским орудием труда⁸.

Относительное аграрное перенаселение в Эстонии с развитием капиталистических отношений в сельском хозяйстве стало уменьшаться в результате переселения и урбанизации. Формировалась местная инфраструктура. Если аграрное переселение осуществлялось семьями, то в город отправлялись чаще всего одинокие. При миграции в местные города преобладали женщины⁹. Рост мобильности крестьян, охватывающей преимущественно молодые поколения, женщин в фертильном возрасте, привел к решающему сдвигу в демографических процессах в деревне.

Около двух тысяч крестьянок нашли работу на текстильных мануфактурах. В городах же промышленность была еще слабо развита, а спрос на прислугу превышал предложение. В 1871 г. среди эстонок Таллина занятые сос-

тавили 39 %¹⁰, через 10 лет занятость снизилась до 25 %. Из общего числа занятых женщин 70 % были девушки и 18 % вдовы, 65 % работали прислужой. В Тарту женский труд применялся в основном в рукоделии. Важную роль в урбанизации эстонцев играл Петербург, но и там эстонки преимущественно работали прислужой.

Для образованных женщин возможности работы в царской России были весьма ограничены. В Эстонии жило относительно много учительниц, в большинстве незамужних немок. В самом деле, среди немецкого населения доля женщин, не состоявших в браке, была выше средней, но отношение к их профессиональной работе определяла мелкобуржуазная модель: сферу занятий женщины составляют дети, кухня и церковь. С повышением уровня образования эстонцев девушки легче находили работу в Петербурге и других краях России в качестве нянь и гувернанток, часто выдавая себя за немок.

Как указывает Дж.Хаджнал, увеличение рабочей силы за счет большого числа взрослых женщин, свободных от рождения и воспитания детей, давало значительное преимущество европейской экономике¹¹. В Эстонии это обстоятельство служило одним из факторов, содействовавших быстрому развитию капитализма в сельском хозяйстве по сравнению с русскими губерниями. Но земельная монополия прибалтийско-немецких помещиков и низкая мобильность крестьянского землевладения создавали дополнительно избыточное сельскохозяйственное население и ускоряли его отход. В конце века в интенсивно ведущихся мызных хозяйствах обнаружился дефицит рабочей силы, который вскоре сказался и на крестьянском хозяйстве, приведя к усилению эксплуатации женщин и подростков. Потенциал женской рабочей силы в промышленности более полно использовался только в условиях ее бурного подъема. Доля женщин среди фабрично-заводских рабочих быстро увеличивалась и к 1905 г. составляла одну треть. После революции 1905–1907 гг., когда женщины получили некоторую свободу выбора профессии, в Эстонии сфера их деятельности уже намного расширилась.

¹ *Vahtra S. Eestimaa talurahvas hingeloenduste andmil (1782–1858). Ajaloolisodemograafiline uurimus.* — Tallinn, 1973. — *Палли Х.* Естественное движение сельского населения Эстонии (1650–1799) : В 3 ч. — Таллин, 1980.

² *Палли Х.* Воспроизводство населения Эстонии в XVIII–XIX в. // *Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР.* — М., 1977. — С. 226–227.

³ *Марченко О.В.* Индексы рождаемости по 50 губерниям Европейской России в конце XIX в. // Там же. — С. 136–137.

⁴ *Хаджнал Дж.* Европейский тип брачности в ретроспективе // *Брачность, рождаемость, семья за три века.* — М., 1979. — С. 14.

⁵ То, что показатели брачности и рождаемости в Эстонии были схожи с западноевропейскими и именно снижение брачности обусловило снижение рождаемости, отмечалось уже современниками: *Kõstner N. Rahva arvu kasvamine Eestimaal, Eesti Kirjanikkude Seltsi "Noor Eesti" toimetus nr. 38.* — Jürjev, 1915. — 94 lk.

⁶ *Ligi H. Talupoegade koormised Eestis 13. sajandist 19. sajandi alguseni.* — Tallinn, 1968. — Lk. 252.

⁷ *Jung-Stilling Fr. von. Materialien zur Kenntniss der livländischen Agrarverhältnisse mit besonderer Berücksichtigung der Knechts und Tagelöhner-Bevölkerung.* — Riga, 1885. — S. 58–75.

⁸ *Историко-этнографический атлас Прибалтики : Земледелие.* — Вильнюс, 1985. — К. 13.

* От слова мыза — помещичье имение. — *Ред.*

- ⁹ Pullat R. Eesti linnad ja linlased XVIII sajandi lõpust 1917. aastani. — Tallinn, 1972. — Lk. 55–56.
- ¹⁰ Jordan P. Die Resultate der Volkszählung der Stadt Reval am 16. November 1871 // Beitr. Stat. Gouvernem. Ehstland. — Rev., 1874. — Bd. 3. — S. 61.
- ¹¹ Хаджнал Дж. Указ. соч. — С. 62.

Л.В.ЧУЙКО
ДИНАМИКА И СТРУКТУРА БРАЧНОСТИ
НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНСКОЙ ССР
(1867–1985 гг.)

Брачность и разводимость относятся к основным процессам формирования брачной и семейной структур населения, прежде всего, как базы рождаемости. Однако будучи многомерными, брачно-семейные характеристики населения в большей или меньшей степени оказывают влияние на все стороны общественного воспроизводства, включая производство средств к жизни и самого человека, продолжение рода. Поэтому брачность и разводимость относятся к системе процессов воспроизводства населения в широком его понимании.

Научно-практическая необходимость изучения динамических и выявления структурных особенностей процессов трансформации брачно-семейных характеристик населения в настоящий период диктуется общественным заказом на эффективную экономическую, социальную и, в частности, демографическую политику¹. Она обусловлена также повышением роли демографического фактора и значимости домашне-семейной формы общественного воспроизводства в системе определителей ускоренного экономического и социального развития страны.

Динамические изменения брачности в исторической направленности характеризуются общими и особыми закономерностями². При этом следует разграничивать критерии типа и показатели режима брачности. Критерии типа брачности отражают ее качественную определенность, соответствующую конкретно-историческому типу воспроизводства населения. Показатели режима брачности характеризуют этот процесс с точки зрения количественных изменений, а также как меры его качественной определенности, устойчивости. В механизме противоречивого взаимодействия характеристик типа и режима брачности проявляются сущностные связи воспроизводства населения, относящиеся к сфере действия основного закона народонаселения.

Механизм развития брачности социалистического населения (противоречия как источники этого развития, а также его определители и движущие силы) требует дальнейшего изучения. Речь идет, следовательно, о познании принципов субъективации объективных условий жизни населения в брачно-семейной форме его организации. Целесообразность данного аспекта исследований обусловлена особенностями исторической структурно-функциональной трансформации брака и семьи, их места прежде всего в детопроизводстве

ве в широком понимании, то есть включая не только рождение, но также материальное содержание и социализацию детей. Ценности, связанные с браком и семьей, выполняют также специфическую и незаменимую роль на всех этапах воспроизводственного жизненного цикла человека. При этом не только демографическая, но также экономическая функция современной семьи продолжают занимать важное место в системе расширенного социалистического воспроизводства. На XXVII съезде КПСС М.С.Горбачев обратил внимание на то, что "... широкое распространение получают подряд и аккордная система на уровне бригады, звена, семьи"³.

Наиболее общей особенностью детерминационного механизма брачности является повышенная "чувствительность" данного процесса к социально-экономическим условиям жизни населения⁴. Общей закономерностью развития брачности на Украине является сравнительно высокий уровень ее интенсивности в прошлом и настоящем (табл. 1). Несмотря на различия по сравнению с отдаленным прошлым, такие особенности динамики брачности наблюдаются в структуре детерминант данного процесса на макроуровне и в мотивационной структуре брачного выбора, а также интересов и потребностей, связанных с браком и семьей, на уровне личности.

Таблица 1. Динамика общих коэффициентов брачности в УССР*

Годы	Браки на 1000 чел.	Годы	Браки на 1000 чел.
1867–1870	10,1	1961–1965	9,4
1881–1885	9,5	1966–1970	9,5
1886–1900	8,7	1971–1975	10,2
1911–1914	7,9	1976–1980	10,2
1924–1928	11,2	1981–1984	9,9
1951–1955	10,4	1985	10,6
1956–1960	11,7		9,6

* Коэффициенты брачности за дореволюционные годы см. Пустоход П., Трацевський М. Шлюбність на Україні // Пр. Демогр. ін-ту. — 1930. — Т. 7. — С. 140–190. Коэффициенты за годы Советской власти вычислены по опубликованным данным государственной статистики.

Динамические изменения брачности в УССР отражают становление нового типа брачности (включая брачно-семейные традиции) как одной из характеристик социалистического населения. К основным особенностям брачности социалистического типа в условиях жизни населения Советской страны относятся: изменения структуры детерминант, ускорение динамизма и адаптационных возможностей данного процесса в непрерывно изменяющихся условиях жизни социалистического населения; усложнение механизма развития брачности — системы противоречий, движущих сил и т.д.; расширение и совершенствование институционально-функциональных связей брачности в обществе, форм организации брачно-семейных отношений в структуре процессов и звеньев воспроизводства населения; усиление потребностей в гармо-

ничном браке, реновация мотивов брака, брачного выбора, совершенствование структуры брачных отношений и образа жизни в браке; всеобщность ориентаций на своевременное вступление в брак вследствие расширения диапазона социальных ролей человека в молодом возрасте и сведения к минимуму отсрочки браков по причинам социализации личности и др.

Сдвиги в режиме брачности характеризуются особенностями преемственности, изменчивости, устойчивости ее показателей, а именно — колебаниями уровней возрастного-половой интенсивности и возраста вступления в брак, прекращения браков и повторной брачности, измерителями длительности различных брачных состояний. Названные показатели дифференцируются динамическими и территориальными социально-экономическими определителями.

Структурные особенности брачности в УССР в доосветский период детерминированы аграрной направленностью экономики, преобладанием семейной хозяйственной формы производства средств к жизни в экономическом базисе общества. В этих условиях социальные ориентации населения, особенно женской его части, сводились в основном к семейным ролям, что обуславливало почти всеобщую раннюю брачность. В то же время экономические кризисы, неурожаи, эпидемии, войны вызывали резкие динамические сдвиги брачности — ее спады и компенсационные подъемы⁵. В результате наблюдался повышенный по сравнению с настоящим временем удельный вес не вступающих в брак, особенно в городах. Такая ситуация объяснялась прежде всего экономическими причинами — низкий заработок мужчин, не позволявший прокормить семью, отсутствие приданого у женщин и др.

Эмансипация женщин в советский период, обеспечение их экономической самостоятельности посредством занятости в народном хозяйстве, всеобщий доступ к образованию и общественной деятельности способствовали на определенном этапе повышению возраста вступления в брак в городах.

Значительные нарушения нормального режима брачности и брачных устоев были вызваны Великой Отечественной войной. Они объяснялись причинами не только социально-экономического характера — послевоенные экономические тяготы, отсутствие жилья, длительная разлука и др. Вследствие людских потерь в войне и нарушения возрастного-половых пропорций, т.е. нормальных объективных условий для брачного выбора, по нашим расчетам, 25 % женщин в УССР в первые послевоенные годы не могли вступить в брак⁶. На колебания уровней интенсивности брачности в современных условиях роста материального благосостояния продолжают воздействовать вторичные последствия — волны, обусловленные демографическими сдвигами прошлых лет и, прежде всего, демографическим "эхом" Великой Отечественной войны. В территориальном разрезе условия для брачного выбора определяются структурой размещения производительных сил — следовательно, наличием рабочих мест для приложения мужского и женского труда, а также миграцией. После Великой Отечественной войны в УССР наблюдались такие подъемы брачности: в 1946—1951 гг., 1957—1961 гг., 1967—1971 гг., 1975—1979 гг.; в 1983 г. намечился очередной подъем.

Таблица 2. Обособленная брачность мужчин и женщин Украинской ССР, первые браки 1978—1979 гг.*

Точный возраст (в годах)	Мужчины				Женщины			
	число мужчин, остающихся холостыми, достигая возраста x	из них вступает в брак в течение ближайшего года жизни	чистая вероятность вступить в брак в возрасте от x до (x + 1)	вероятность для мужчин чины x лет вступить в брак когда-либо	число женщин, остающихся незамужними, достигая возраста x	из них вступает в брак в течение ближайшего года жизни	чистая вероятность вступить в брак в возрасте от x до (x + 1)	вероятность для девицы x лет выйти замуж когда-либо
x	lx''	Bx''	ox'', 1000	σ _∞ ''	lx''	Bx''	σ'x° 1000	σ'' _∞
15	100000	73	0,73	0,99972	100000	338	3,38	0,99650
16	99927	162	1,62	0,99972	99662	1847	18,53	0,99649
17	99675	292	2,93	0,99972	97815	6890	70,44	0,99642
18	99473	2478	24,91	0,99972	90925	14354	157,87	0,99615
19	96995	4277	44,10	0,99971	76571	17954	234,47	0,99543
20	92718	10218	110,21	0,99970	58617	16026	273,40	0,99403
21	82500	20698	250,88	0,99966	42591	12753	299,44	0,99178
22	61802	18651	301,78	0,99955	29838	8275	277,32	0,98827
23	43151	12646	293,06	0,99935	21563	5593	259,39	0,98377
24	30505	8437	276,57	0,99908	15970	3652	228,67	0,98377
25	22068	5644	255,77	0,99873	12318	2525	205,00	0,97159
26	16424	3935	239,58	0,99830	9793	1861	190,00	0,96426
27	12489	2782	222,72	0,99776	7932	1362	171,70	0,95587
28	9707	1923	198,15	0,99712	6570	1013	154,17	0,94673
29	7784	1411	181,33	0,99640	5557	812	146,08	0,93702
30	6373	1056	165,78	0,99561	4745	676	142,44	0,92623
31	5317	806	151,57	0,99473	4069	548	134,58	0,91398
32	4511	826	138,74	0,99379	3521	434	123,17	0,90060
33	3885	495	127,54	0,99279	3087	346	112,10	0,88662
34	3390	399	117,74	0,99174	2741	278	101,50	0,87231
35	2991	326	109,15	0,99064	2463	228	91,65	0,85790
36	2665	271	101,62	0,98949	2237	185	82,56	0,84354
37	2394	228	95,14	0,98830	2052	153	74,54	0,82943
38	2165	194	89,66	0,98707	1899	128	67,50	0,81569
39	1972	168	85,33	0,98580	1771	109	61,55	0,80237
40	1804	147	81,78	0,98448	1662	94	56,72	0,78941
41	1657	133	80,56	0,98310	1568	83	53,01	0,77679
42	1524	123	80,61	0,98163	1485	75	50,40	0,76431
43	1400	116	82,72	0,98071	1410	69	48,75	0,75177
44	1284	108	84,26	0,97897	1341	65	48,21	0,73900
45	1176	107	91,1'	0,97704	1276	60	47,00	0,72571
46	1069	113	105,55	0,97474	1216	56	46,00	0,71217
47	956	115	119,92	0,97176	1160	53	46,00	0,69828
48	841	99	117,50	0,96790	1107	50	45,60	0,68383

Окончание табл. 2.

Точный возраст (в годах)	Мужчины				Женщины			
	число мужчин, остающихся холостыми, достигая возраста x	из них вступает в брак в течение ближайшего года жизни	чистая вероятность вступить в брак в возрасте от x до $(x+1)$	вероятность для мужчин x лет вступить в брак когда-либо	число женщин, остающихся незамужними, достигая возраста x	из них вступает в брак в течение ближайшего года жизни	чистая вероятность вступить в брак в возрасте от x до $(x+1)$	вероятность для девицы x лет выйти замуж когда-либо
x	h^x	Bx^x	$o^x \cdot 1000$	o^{∞}	h^x	Bx^x	$o^x \cdot 1000$	o^{∞}
49	742	85	115,00	0,96361	1057	48	45,40	0,66887
50	657	74	112,00	0,95890	1009	46	45,10	0,65312
55	355	47	131,00	0,92394	801	37	46,50	0,56305
60	166	25	150,00	0,83735	628	32	50,50	0,44268
65	73	11	154,33	0,63014	483	26	54,00	0,27536
70	32	5	146,50	0,15625	369	19	50,40	0,05149

* Из-за малочисленности исходных совокупностей вероятности вступить в брак для мужчин в возрастах старше 47 лет рассчитывались по усредненным (для всех не состоящих в браке) данным.

Методика и техника вычисления повозрастных вероятностей вступления в брак по данным современной государственной статистики была разработана нами совместно с Ю.А. Корчаком-Чепурковским. О методике вычисления и познавательных возможностях показателей таблиц обособленной брачности см.: Корчак-Чепурковский Ю.А. Избранные демографические исследования. — М., 1970. — С. 126—134; Чуйко Л.В. О применении некоторых статистических методов в исследовании браков // Проблемы быта, брака и семьи. — Вильнюс, 1970. — С. 23—33.

Показатели данной таблицы имеют самостоятельную научно-практическую ценность.

Наблюдаемые динамические сдвиги брачности в УССР свидетельствуют о дальнейшей нормализации структуры рассматриваемого процесса. К основным особенностям развития брачности в настоящий период относятся: высокий уровень интенсивности; омоложение возрастной структуры вступающих в брак, особенно женщин; снижение дифференциации показателей брачности мужчин и женщин в городах и селах, в зависимости от образования и труда; повышенная разводимость; рост удельного веса и компенсаторной роли повторных браков и др.

Наиболее совершенными измерителями структурных сдвигов брачности являются показатели так называемых специализированных таблиц брачности, представляющих собой модель рассматриваемого процесса⁷.

Данные нашей государственной статистики впервые за послевоенный период позволяют построить методически совершенные таблицы брачности для первых браков, а также вычислить дифференцированные показатели вероятностей вступить в брак для контингентов вдовых и разведенных отдельно. В результате представляется возможность произвести динамические сопоставления и выявить закономерности, структурные сдвиги, изменения в детерминационном механизме брачности, а также ее обратных общественных связей за более отдаленные исторические периоды. Данный подход повышает не только теоретико-познавательную, но также научно-практическую функцию брачности, делает более надежным ее прогнозирование. Последнее осо-

Таблица 3. Динамика возрастных независимых вероятностей (частностей) вступления в первый и повторный брак мужчин и женщин Украинской ССР*

Возраст, лет	Мужчины			Женщины		
	1958—1959 гг.	1969—1970 гг.	1978—1979 гг.	1958—1959 гг.	1969—1970 гг.	1978—1979 гг.
15	0,53	0,55	1,50	1,44	1,98	3,38
16	0,80	0,85	1,75	15,49	11,55	18,56
17	1,14	1,55	8,10	43,88	42,27	70,47
18	24,86	27,11	22,00	82,38	118,31	156,34
19	40,23	37,73	37,93	123,26	185,63	231,15
20	58,46	56,21	109,62	161,26	233,32	267,25
21	79,91	134,93	243,42	195,60	265,00	288,16
22	167,11	265,90	299,55	217,16	260,16	260,93
23	286,00	318,65	290,00	220,00	260,97	238,63
24	321,00	334,54	278,00	201,42	239,47	207,19
25	336,00	325,60	256,55	173,67	217,99	190,40
26	343,00	307,74	236,00	151,00	187,28	177,10
27	346,50	288,88	225,88	128,86	160,17	161,17
28	340,80	262,07	212,00	110,59	148,61	150,00
29	330,00	246,19	203,55	95,51	131,46	136,00
30	314,00	228,31	190,46	83,08	117,79	121,00
31	301,00	213,45	178,00	72,84	105,20	105,50
32	294,50	203,90	165,14	64,37	94,35	94,20
33	291,50	195,51	151,57	57,29	82,21	80,02
34	290,50	188,73	139,97	51,28	72,92	70,93
35	293,00	183,83	130,86	46,07	63,60	62,25
36	294,00	178,33	124,59	41,44	54,94	56,80
37	297,49	174,10	121,20	37,22	48,37	51,41
38	302,00	169,53	120,53	33,28	41,71	46,86
39	304,00	165,63	122,19	29,56	36,93	42,99
40	307,00	161,67	125,66	26,03	33,00	39,65
41	307,05	158,67	130,10	22,72	30,00	36,67
42	307,05	156,58	134,50	19,72	27,99	34,00
43	303,00	155,48	137,68	17,15	25,10	31,47
44	297,00	155,68	138,14	16,90	23,90	28,98
45	288,00	156,70	130,00	16,50	22,48	22,14
50	243,00	177,28	112,00	14,20	19,72	21,00
55	220,00	194,67	131,00	12,90	16,75	18,80
60	203,80	186,56	150,00	11,45	15,23	15,20
65	188,00	160,92	154,33	...	...	14,72
70	172,50	...	146,50	...	...	11,00

* Показатели таблицы рассчитаны с учетом первых и повторных браков, т.е. включая контингенты вдовых и разведенных. О познавательных возможностях показателей таблицы см.: Чуйко Л.В. Браки и разводы. — М., 1975. — С. 50—51.

ставления и выявить закономерности, структурные сдвиги, изменения в детерминационном механизме брачности, а также ее обратных общественных связей за более отдаленные исторические периоды. Данный подход повышает не только теоретико-познавательную, но также научно-практическую функцию брачности, делает более надежным ее прогнозирование. Последнее осо-

Таблица 4. Мотивы расторжения браков в Дарницком и Жовтневом районах Киева, 1968 г., %

Мотивы	Структура основных мотивов		Структура мотивов с учетом повторности	
	истец		истец	
	муж	жена	муж	жена
Обусловленные преимущественно факторами, причинами:				
экономическими	7	4	14	6
социальными	5	4	5	6
прочими социально-экономическими	8	4	10	6
психологическими	44	21	63	27
психофизиологическими	4	4	6	7
социально-биологическими				
в том числе:				
пьянство и алкоголизм	4	47	11	111
супружеские измены, наличие другой семьи	16	9	51	28
болезни	4	2	6	3
прочие мотивы социально-биологического характера	8	5	17	10
Всего	100	100		

Примечание. Разработка произведена по 3,4 тыс. бракоразводных дел народных судов: 1,3 тыс. — по инициативе мужчин и 2,1 — по инициативе женщин. При разработке повторяемости мотивов учитывалось не более 4-х мотивов, указанных истцами, включая основной мотив.

О соотношении факторов, причин, мотивов и поводов расторжения браков см.: Чуйко Л.Б. Браки и разводы. — М., 1975. — С. 153—161 и др.

бенно важно для современных ориентаций на сильную социальную, в том числе демографическую, политику как комплекс важнейших рычагов прогресса социализма.

Анализ составленных нами таблиц для первых браков мужчин и женщин за 1978—1979 гг., а также независимых вероятностей вступления в брак для различных по брачному состоянию контингентов, позволяет установить ряд закономерностей развития повозрастной брачности (табл. 2, 3). Нормализация нарушенных войной возрастно-половых пропорций, рост благосостояния советских людей способствуют оптимизации структуры брачности, прежде всего — повышению уровня ее интенсивности, массовости ранних браков. По данным таблиц брачности для женщин за 1925—1928⁸ и 1978—1979 гг. возраст максимальной вероятности вступить в брак переместился с 22 лет на 21 год при повышении уровня данного показателя с 243,03‰ до 299,44‰, существенно возросла вероятность вступить в брак когда-либо на протяжении жизни до 70 лет — с 0,97597 до 0,99650; удельный вес никогда не вступающих в брак практически снизился до минимума — у женщин с 2,4 до 0,4%; у мужчин — до 0,03%.

Наиболее типичной закономерностью брачности является все большее, начиная с 60-х годов XX в., распространение ранних браков⁹. По данным таблиц брачности за 1978—1979 гг. возраст, к которому заключается половина

первых браков, был равен 20,5 года для женщин и 22,7 для мужчин; возраст максимального количества заключаемых браков — соответственно 19,7 и 21,8. Тенденция заключения браков в молодых возрастах обусловлена ростом благосостояния, повышением потребностей, в том числе в гармоничной личной жизни, акцелерацией. Данная тенденция свидетельствует о росте социальной нагрузки на молодой возраст, особенно у женщин. Специфические структурные сдвиги характерны для брачности мужчин. В повозрастной ее интенсивности наблюдаются подъемы не только в молодых возрастах, но и после 42 и 52 лет (табл. 2, 3). Уровень интенсивности браков вдовых и разведенных мужчин в возрастах до 50 лет в городах выше, чем первобрачных, в селах этот уровень более высок у первобрачных. Интенсивность брачности женщин всех возрастов выше у первобрачных, за исключением возраста до 20 лет, в котором преобладают браки вдовых и разведенных.

Современный тип брачности характеризуется отмиранием пожизненной принудительной моногамии, когда брак не удался, что гарантируется свободой развода. Становление нового типа брачно-семейных отношений протекает противоречиво, и этот процесс нельзя считать законченным. В частности, современному режиму брачности присуща повышенная разводимость. Если в 1960 г. в УССР на 1000 населения приходилось 1,2 развода, то в 1965 г. (после упрощения процедуры развода) — 1,7; в 1975 г. — 3,4; в 1985 г. — 3,6¹⁰. Разводимость как явление в целом обусловлена основным противоречием семьи¹¹ и частными формами его проявления; она отражает рост требований к брачно-семейным отношениям в условиях экономической независимости женщин и равноправия брачных партнеров. Среди основных причин и мотивов разводов на микросоциальном уровне преобладают пьянство и алкоголизм, а также причины социально-психологического характера — неумение контактировать в семье, наладить жизнь семьи, несовместимость характеров, отсутствие общности интересов, целей и т.п. (табл. 4)¹². Социально-психологические стрессы в семье обусловлены также напряженным ритмом современной жизни, ростом диапазона социальных ролей не только мужчин, но и женщин, повышением "нагрузки" на молодой возраст. Эти обстоятельства усложняют как структуру личности, так и структуру внутрисемейных отношений, в том числе супружеских¹³.

Разводимость — неизбежный, побочный "продукт" в системе процессов исторической трансформации брака и семьи, становления их новых типов и форм. Повышенное к ней внимание обусловлено прежде всего такими последствиями: отсутствие необходимой компенсации разводов повторными браками, нежелательная отсрочка повторных браков, особенно у мужчин среднего возраста, значительный удельный вес неполных семей, в которых дети воспитываются без отца. Регулятивное воздействие, в частности его упреждающая функция, в данном случае предполагает выявление и систематизацию противоречий структурно-функциональной трансформации брака и семьи. Проникновение в механизм противоречий позволяет научно обоснованно субординировать проблемы функционирования семьи и наметить пути своевременного решения этих проблем. Следовательно, эффективное управ-

ление сложной системой процессов формирования и развития социалистической семьи, брачной и семейной структур населения на современном этапе развития нашего общества базируется на усилении связи науки и практики.

Проблемы и пути оптимизации брачности дифференцированы последовательными фазами-стадиями жизненного цикла человека и семьи. Поэтому в системе мер всей социальной политики и, в частности, демополитики, важнейшими объектами заботы и внимания являются в СССР молодые семьи и семьи с несовершеннолетними детьми¹⁴. Предупреждающими и смягчающими обстоятельствами по отношению к повышенной разводимости является, следовательно, сориентированность нашего общества на своевременную и всемерную помощь семье, на непрерывное улучшение условий труда и быта. Реализация этих мер позволяет женщине гармонично сочетать профессиональный труд с материнством и выполнением семейных обязанностей. В данном случае имеют значение также развитие традиций межсемейной кооперации труда родственников и другие формы брачно-семейных отношений и связей как составная часть социалистического образа жизни.

Оптимизации процессов формирования и функционирования семьи, стабилизации браков содействует и государственная межведомственная Служба семьи. Данная Служба берет на себя все больше функций по упорядочению внешних связей семьи (с обществом, с трудовыми коллективами) и внутрисемейных отношений, которые не поддаются централизованному управлению и регулируются на микросоциальном уровне¹⁵.

Таким образом, целенаправленное и эффективное управление развитием брачности в системе процессов трансформации семьи возможно только в том случае, когда учитываются объективно обусловленные особенности становления нового исторического типа брачности и сдвиги в его режиме. При этом следует иметь в виду, что формирование семьи нового исторического типа — сложный процесс, и его нельзя считать законченным¹⁶.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. — С. 273.

² О методологических основах становления, изменения, развития брака и семьи в зависимости от социально-экономических условий жизни общества и с учетом современных данных науки см.: *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* — 2-е изд. — Т. 21. — С. 23—109; *Семенов Ю. И.* Происхождение брака и семьи. — М., 1974.

³ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — С. 32.

⁴ *Пустьход П., Трацевский М.* Шлюбність на Україні // *Демограф.* зб. — 1930. — Т. 7 — С. 127.

⁵ *Корчак-Чепурковский Ю. А., Чуйко Л. В.* Об измерении понижающего влияния несоответствия между численностями мужчин и женщин в бракоспособном возрасте на уровень брачности // *Вопросы демографии.* — Киев, 1968. — С. 73—78.

⁶ Там же. — С. 77.

⁷ *Чуйко Л. В.* О применении некоторых статистических методов в исследовании браков // *Проблемы быта, брака и семьи.* — Вильнюс, 1970. — С. 23—32.

⁸ *Корчак-Чепурковский Ю. А.* Избранные демографические исследования. — М., 1970. — С. 128.

⁹ *Чуйко Л. В.* Браки и разводы. — М., 1975. — С. 4—9, 63.

¹⁰ *Народное хозяйство Украинской ССР в 1985 году.* — Киев, 1986. — С. 10.

¹¹ *Воспроизводство населения и трудовых ресурсов в условиях развитого социализма.* — Киев, 1985. — Т. 1. — С. 128.

¹² *Чуйко Л. В.* Браки и разводы. — С. 163—164.

¹³ *Сысенко В. А.* Супружеские конфликты. — М., 1983.

¹⁴ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — С. 51—52, С. 311—315.

¹⁵ *Чуйко Л. В.* Структура и опыт организации Службы семьи как формы управления демопроцессом // *Теория и практика экономики демопроцесса.* — Киев, 1982. — С. 95—110 и др.

¹⁶ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — С. 51.

Н. В. ЧЕРНАЯ* УКРАИНСКАЯ ИММИГРАЦИЯ В КАНАДУ В КОНЦЕ XIX В. — 30-х ГОДАХ XX в.

Канада занимает второе (после США) место в ряду государств, где сосредоточены значительные иммигрантские этнические группы украинцев. По данным переписи 1981 г., в Канаде насчитывалось 529615 канадцев украинского происхождения¹. Украинская иммиграция в Канаду, как и в другие страны Нового Света, происходила, главным образом, из западноукраинских земель: Восточной Галиции, Северной Буковины и Закарпатья. Украинские переселенцы с территории Украины, входившей в состав царской России, направлялись в Казахстан, Сибирь и на Дальний Восток. Большинство канадцев украинского происхождения принадлежат ко второму и третьему поколениям. В 70-е годы XX в. родившихся за пределами Канады украинцев насчитывалось 110 тыс. (т.е. почти четверть общего числа). Около 35 % из них составляли перемещенные лица, прибывшие в первые годы после второй мировой войны².

Галиция, Буковина и Закарпатье, входившие до октября 1918 г. в состав Австро-Венгрии, представляли собой в конце XIX — начале XX в. классический пример районов интенсивной эмиграции эпохи капитализма, той эмиграции, которую В. И. Ленин назвал "особым видом переселения народов", порожденным капитализмом³. После распада Австро-Венгрии Галиция вошла в состав буржуазной Польши, Буковина — Румынии, а Закарпатье — Чехословакии. Заокеанская эмиграция из указанных районов продолжалась, хотя масштабы ее несколько сократились.

Условия для массовых переселений из Галиции, Буковины и Закарпатья были созданы всей системой сложившихся там социально-экономических отношений. Реформа 1848 г., ликвидировавшая в Габсбургской монархии барщину, не улучшила положение украинского крестьянства. В Галиции польские помещики на много увеличили свои земельные массивы за счет захвата крестьянских общинных угодий. Развитие экономики Галиции, Буковины и За-

* Фамилия по мужу. Более ранние работы опубликованы под фамилией Кабузан — *Ред.*

карпатия было ориентировано исключительно на удовлетворение сырьевых потребностей Австро-Венгрии. Основная масса населения этих районов была сосредоточена в сельской местности, поскольку степень урбанизации украинцев была ниже, чем других народов.

Как отмечал И.Я.Франко в 1892 г., "эмиграция крестьян из Галиций — неразлучная спутница обнищания, пролетаризации галицийского крестьянства, которой уничтожение панщины в 1848 г. широко открыло ворота... Если мелкая земельная собственность все более мельчает и разрушается, то крупная земельная собственность растет и сосредоточивается в руках все меньшего числа собственников, ведущих хозяйство более или менее капиталистическим способом... Капиталистический порядок продвинулся за последние десятилетия в Галиции сильно вперед. К сожалению, это продвижение было несколько односторонним... Мы получили многочисленный пролетариат, но без необходимых для него источников существования, без фабрик, где он мог бы найти себе заработок... Разве удивительно, что при таких обстоятельствах сельское население из Галиции эмигрирует массами в южную Венгрию, в Северную Америку, в Бразилию, в Бессарабию, в Румынию, на русскую Волынь и еще бог знает куда?"⁴.

В сложившихся условиях эмиграция воспринималась украинскими трудящимися как единственная возможность вырваться из тисков нищеты и бесправия. Она была следствием той политики социального и национального гнета и эксплуатации, которую проводили в отношении украинских трудящихся ионациональные правящие круги на западноукраинских землях. Усиленный приток иммигрантов, в том числе украинцев, в Канаду был обусловлен развитием в конце XIX — начале XX в. промышленности, строительством шоссейных и железных дорог, а также наличием свободных земель, которые правительство почти бесплатно предоставляло переселенцам. Немалую роль в интенсификации иммиграции в Канаду сыграла деятельность эмиграционных агентов, поощряемая канадским правительством.

Первая волна украинских переселенцев в Канаду (до 1910 г.) была чисто крестьянской, но не батрацко-крестьянской. С 1910 г. усилился приток безземельных и малоземельных крестьян, выезжавших в Канаду на заработки, как правило, невозвратившихся на родину⁵.

С 1897 г. в Канаде публикуются данные не только об общем количестве, но и об этническом происхождении иммигрантов, что имеет большое значение для исследования национального состава переселенцев. К сожалению, недостаточно полно регистрировались иммигранты, прибывавшие из США, а ведь в их числе было немало украинцев. Ценным источником по этнической статистике Канады являются переписи населения. Наиболее богатый материал по изучаемому периоду содержится в переписи 1931 г. Принципы регистрации украинских переселенцев, прибывавших из Австро-Венгрии, были, однако, весьма несовершенны. Как отмечают канадские источники, "вследствие изменения государственной и национальной обстановки в Центральной и Юго-Восточной Европе, последовавшего за первой мировой войной, невозможно с какой-либо определенностью провести сравнение послевоенных дан-

ных о численности некоторых этнических групп в Канаде с довоенными результатами. Например, лица, которые были учтены седьмой переписью (1931 г. — Н.Ч.) как украинцы, в переписях 1921 и 1911 гг. определены как галийцы, буковинцы, русины и русские"⁶. Численность канадцев украинского происхождения степных провинций (Манитоба, Саскачеван, Альберта) в 1921 г. составляла 96053 чел., а в 1926 г. — 150506 чел. Как пишет канадский исследователь Ч.Юнг, "нет оснований считать, что этот прирост был обусловлен необычайным притоком украинских иммигрантов за пять лет. По существу, он может быть легко объяснен соответствующими потерями так называемых австрийцев, а именно — потерями примерно в 40000 чел. за тот же период... Большинство "австрийцев" оказались украинцами"⁷.

Всего в 90-х годах XIX — 30-х годах XX в. в Канаду въехало примерно 300 тыс. украинцев из Галиции, Буковины и Закарпатья. Причем до 1918 г. туда прибыло, по подсчетам автора около 130 тыс. украинцев из Галиции и Буковины (приблизительно 130 тыс. закарпатских украинцев переселилось за тот же период в США и Канаду вместе взятые). В годы первой мировой войны эмиграция за океан из этих районов резко сократилась. Так, в 1911—1920 гг. из Галиции в Канаду въехало всего 42,7 тыс. украинцев, однако, большая часть приходилась на период 1911—1914 гг.⁸ С конца 1918 по 1938 гг. в Канаде осело около 70 тыс. галицийских украинцев. Отметим, что с начала 20-х годов XX в. опережает США по числу украинских иммигрантов.

Украинское переселенческое движение в Канаду было прямым продолжением эмиграции украинцев в США. Украинцы относились к тем иммигрантским группам, которые в конце XIX — начале XX в. осваивали степные районы. Первый их отряд осел близ пункта Стар в Альберте. Вскоре украинцы основали поселение в Манитобе, в районе Стюартберна. Последней степной провинцией, куда проникли украинцы в процессе колонизации Западной Канады, стал Саскачеван. Начиная с 1896 г., часть украинцев прибывала в Канаду через США, проработав некоторое время в промышленных центрах Востока и Среднего Запада. Затем, "уступая своей традиционной привязанности к земле", они переезжали в "Канаду, стремясь приобрести земельные участки (преимущественно в Манитобе)"⁹. Те украинцы, которые занялись фермерским хозяйством, сосредоточились, в основном, в лесной полосе степных провинций и расселялись в сельской местности. Их поселения характеризовались поразительно высокой степенью гомогенности, и в ряде муниципий удельный вес украинцев достигал 75—95 % жителей¹⁰. Однако процесс урбанизации все же охватил их, как и все население Канады. Если в 1911 г. только 15 % канадцев украинского происхождения жило в городах, то в 1921 г. — 20 %, а в 1931 г. — уже 30 %.

Украинской общности Канады свойственна малая подверженность этнической ассимиляции. Это связано с высокой степенью развития этнического самосознания, резкой, особенно в прошлом, обособленностью от остального населения, характером расселения (до начала массовой урбанизации — крупными гомогенными группами в сельской местности). Современники в начале XX в. констатировали, что украинские поселения носили традиционный

Г.К.КОЖОЛЯНКО
**ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ БУКОВИНЫ
В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.**

характер: там преобладали постройки украинского типа, иммигранты сохраняли украинский язык, обычаи, танцы, песни, типы одежды и прически, старались выращивать те же сельскохозяйственные культуры, что и у себя на родине. Для украинцев в первой трети XX в. была характерна очень высокая степень гомогенности браков (в 1931 — 90,6 %), затем она резко снизилась. Весьма значительная часть украинцев второго и, вероятно, третьего поколений сохраняет родной язык. Украинцы относились к числу групп с высоким процентом лиц, не говоривших ни по-английски, ни по-французски (в 1931 г. — 22 %) ¹¹. В дальнейшем процесс отхода от родного языка у канадцев украинского происхождения ускорился. Сохранению украинского этнического самосознания в Канаде, так же, как и в США, способствовало наличие многочисленных товариществ, обществ, клубов, печати.

Многие украинские колонисты, получившие в Канаде на льготных условиях земельные участки, не смогли стать их фактическими владельцами. Отсутствие необходимых денежных средств, инвентаря, тягловой силы, посевного материала, климатические условия, неблагоприятные в ряде случаев для сельскохозяйственной деятельности, — все это не дало им возможности завести собственное хозяйство. Большинству украинских иммигрантов в Канаде приходилось добывать средства к существованию не за счет обработки полученной земли, а путем сторонних заработков. Они стали сельскохозяйственными и строительными рабочими, испытывавшими всю тяжесть капиталистической эксплуатации. Часть их вернулась на родину ¹².

Тяжелое положение украинских иммигрантов в Канаде, как и в других странах Нового Света, является убедительным подтверждением ленинского высказывания о том, что "только крайняя нищета заставляет людей покидать родину, что капиталисты эксплуатируют самым бессовестным образом рабочих-переселенцев" ¹³.

¹ 1981 Census of Canada. 20 per cent data base highlight information on: Ethnicity // Stat. Canada. — 1983. — Apr. 26. — P. 2.

² Берзина М.Я. Формирование этнического состава населения Канады: (Этностат. исслед.). — М., 1971. — С. 156.

³ Ленин В.И. Капитализм и иммиграция рабочих // Полн. собр. соч. — Т. 24. — С. 89.

⁴ Франко И.Я. Эмиграция галицких крестьян // Сочинения: В 10 т. — М., 1959. — Т. 10. — С. 454—455.

⁵ Щербатюк И.К. Социально-экономические причины эмиграции трудящихся масс из Галиции, ее формы и последствия (вторая половина XIX — начало XX ст.): Автореф. дис... канд. экон. наук — Киев, 1965. — С. 22.

⁶ England R. The Colonization of Western Canada. A Study of Contemporary Land Settlement (1896—1934). — London, 1936. — P. 201.

⁷ Young Ch.H. The Ukrainian Canadians. A Study in Assimilation. — Toronto, 1931. — P. 11—12.

⁸ Берзина М.Я. Указ. соч. — С. 70.

⁹ Young Ch.H. The Ukrainian Canadians. — P. 42.

¹⁰ England R. The Colonization of Western Canada. — P. 203.

¹¹ Берзина М.Я. Указ. соч. — С. 158.

¹² Коломиец И.Г. Социально-экономические отношения и общественное движение в Закарпатье во второй половине XIX столетия. — Томск, 1961. — Т. 1. — С. 348—349.

¹³ Ленин В.И. Капитализм и иммиграция рабочих // Полн. собр. соч. — Т. 24. — С. 89.

Территория Северной Буковины с конца XVIII в. входила в состав монархии Габсбургов.

По состоянию на 15 июля 1775 г. на Буковине проживало 17047 семей (в среднем, по 5 человек в каждой). По австро-турецкой конвенции о границах 1776 г. западная часть Хотинского района была возвращена Турции, население австрийской части Буковины составило 14650 семей ¹. В 1789 г. население Хотинской райи составляло 15705 чел.м.п. ² Однако часть населения Буковины, не примирившись с австрийской оккупацией, эмигрировала. Волонтеры русской армии из числа местного населения отошли вместе с нею на украинское Подолье. Реэмиграция в конце 1774 — начале 1775 г. была незначительной из-за недоверия к австрийскому правительству. Только в 80-х годах XVIII в. наблюдалась иммиграционная волна на Буковине, которая была обусловлена менее тяжелыми феодальными повинностями, наличием свободных земель, освобождением от рекрутского набора на 50 лет (1780—1830 гг.). Все эти факторы и естественный прирост способствовали росту населения Буковины: 1774 г. — 75 тыс. чел., 1786 г. — 171731, 1790 г. — 144358, 1800 г. — 198481, 1818 г. — 206849, 1830 г. — 282668, 1840 г. — 334088, 1848 г. — 377581, 1850 г. — 456920 чел ³.

В динамике роста населения Буковины в конце XVIII в. наблюдается некоторое замедление, что было связано с австро-турецкой войной 1787—1791 гг., во время которой наблюдалось резкое сокращение естественного прироста и усилилась эмиграция на смежные с краем территории (Молдавское княжество, Подолье, Трансильвания и др.). В 1789 г. эмигрировали 1140 чел., 1790 г. — 1437, 1793 г. — 2920, 1794 г. — 3047, 1796 г. — 1157, 1803 г. — 1191, 1815 г. — 15000 чел ⁴.

Наивысшей точки эмиграция достигла в 1815 г., что объясняется массовым переселением семей в присоединенную к России Хотинщину, Бессарабию и на Украину. Только за 1774—1803 гг. из Буковины эмигрировало 21034 чел. ⁵ В 1800—1848 гг. прирост населения составлял в интервалах 10—15 лет около 40 тыс.чел., и общая численность населения края удвоилась. Механический прирост населения происходил, в основном, за счет иммиграции. Основные потоки переселенцев на Буковину шли из Галиции, Подолья, Хотинщины, Бессарабии, Трансильвании и Молдавского княжества. Первый значительный поток переселенцев из Галиции был в 1766—1767 гг. ⁶ В 80-х годах XVIII в. наблюдались иммиграционные волны валахов из Трансильвании ⁷, а в 1782 г. — немцев-колонистов из надрейских областей. В некоторых городах немецких государств были открыты агентства по вербовке и переселению немцев в Галицию и на Буковину ⁸. Валахи и немцы расселились, главным образом, в городах, а также колониями в Прут-Серетском междуречье.

В первой половине XIX ст. в Северную Буковину въехало небольшое

количество поляков-гуралей, словаков, чехов и русских староверов (1803, 1817, 1835–1841 гг.).

На естественный прирост населения Северной Буковины оказывали значительное влияние социально-экономические условия австрийского владычества. В первой половине XIX в. прирост в среднем составил 5 тыс. чел. в год. Отрицательно влияли на него, а в отдельные периоды приводили к резкому сокращению войны, эпидемии, недороды, массовая эмиграция, состояние охраны здоровья и медицинской помощи.

На территории Северной Буковины часты были холера (1831, 1848 гг.), чума (1769–1770, 1819, 1820, 1829 гг.) и другие виды эпидемий, в основном заносившиеся из турецких владений. Эти бедствия дополнялись эпизоотиями и пандемиями⁹. На естественное движение населения Северной Буковины в исследуемый период влияла также нехватка продовольственных ресурсов, которые сокращались из-за недородов.

Население Северной Буковины в конце XVIII – первой половине XIX в. из-за различий естественно-географических условий отдельных районов размещалось по территории края довольно неравномерно. В целом по Буковине плотность населения в исследуемый период, в среднем, составляла от 7,5 чел. в 1774 г. до 38 чел. в 1848 г. на 1 кв.км¹⁰. По плотности населения выделялись: Прут-Днестровское междуречье (наивысшая), Прут-Серетское междуречье (средняя) и Буковинские Карпаты (самая низкая).

Абсолютное большинство населения края проживало в селах. Рост численности населения городов определялся развитием торговли и ремесел. Так, например, население краевого центра, г.Черновцы, насчитывало в 1774 г. – 1390 чел., 1776 г. – 2000, 1790 г. – 2660, 1803 г. – 4112, 1816 г. – 5416, 1820 г. – 5743, 1836 г. – 14800, 1843 г. – 16584, 1846 г. – 17209, 1850 г. – 17872 чел.¹¹ Как видим, население г.Черновцы особенно резко выросло в 30–40-х годах XIX в. и за исследуемый период увеличилось почти в 9 раз. К середине XIX в. в категорию торговых местечек переведены Вижица, Садгора, Вашковцы и Кицмань.

В Северной Буковине в исследуемый период сельское население составляло большинство. Так, в 1790 г. в крае насчитывалось 16 тыс. крестьянских семей, проживающих в 163 частновладельческих и государственных сельских населенных пунктах. Крупными населенными пунктами были: Путила (1841 чел.), Заставна (1127), Бояни (1065), Веренчанка (1475), Банилов-на-Черемоше (1356), Старые Мамаевцы (1386 чел.) и др.¹² В конце XVIII в. в Северной Буковине было около 20 сел с населением более 1 тыс. чел. При городах и сельских населенных пунктах было множество хуторов и поселений колонистов, а также лесных поселений (бурдеев). Местной администрацией проводились мероприятия по концентрации населенных пунктов в компактные поселения – ликвидация хуторов, малых поселений с целью обеспечения сбора налогов и полицейского контроля¹³.

Таким образом, в конце XVIII – первой половине XIX в. естественный механический прирост населения Северной Буковины обуславливался ее социально-экономическим развитием и политическим положением в результате захвата края Габсбургской монархией.

- ¹ Kaindl R.F. Die Erwerbung der Bukowina durch Oesterreich. – Czernowitz, 1894. – S. 24.
- ² ЦГА МССР. – Ф. 2, оп. 1, д. 2138. – Л. 59.
- ³ ЦГИА УССР в г.Львове. – Ф. 146, оп. 4, д. 50. – Л. 20; д. 911. – Л. 3; ЧОГА. – Ф. 1, оп. 1, д. 15. – Л. 207–212; д. 156. – Л. 2.
- ⁴ ЦГИА УССР в г.Львове. – Ф. 146, оп. 4, д. 911. – Л. 12.
- ⁵ Там же, д. 912. – Л. 1–7.
- ⁶ Grigorovitz E. Dictionarul geografic al Bucovinei. – București, 1908. – P. 14, 43, 120, 154, 164.
- ⁷ Ibid. – P. 44.
- ⁸ Кравецкий I. Галичина в другой половине XVIII ст. – Львів, 1909. – С. 45–47.
- ⁹ Kaindl R.F. Geschichte von Czernowitz. – Czernowitz, 1908. – S. 142.
- ¹⁰ Die Bukowina. – Czernowitz, 1899. – S. 121, 194.
- ¹¹ Kaindl R.F. Geschichte von Czernowitz. – S. 142–143.
- ¹² ЧОГА. – Ф. 1, оп. 1, д. 184. – Л. 1–14; д. 239. – Л. 1–9.
- ¹³ Там же, д. 1109. – Л. 36–263.

В.А.ПИРКО ЧИСЛЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ ПРИКАРПАТЬЯ НА РУБЕЖЕ XVII–XVIII в.

В современной советской и польской историко-демографической литературе предпринимались попытки определения количества и структуры населения Прикарпатья в XVII–XVIII вв. Советский демограф С.И.Копчак, опираясь на данные о численности населения края за первую половину XIX в. и показатели его прироста в соседних странах и регионах, попытался установить количество жителей Прикарпатья в XI–XVIII вв.¹ Польский историк М.Горн, используя подымные (подворные) реестры конца XVI – первой половины XVII в. определил как численность, так и соотношение сельского и городского населения в Перемышльской и Саношской землях в первой половине XVII в.²

В настоящей статье предпринята попытка определения общей численности, соотношения сельского и городского, а также социальной структуры населения Прикарпатья на рубеже XVII–XVIII в. по материалам генеральных ревизий (описей имений всех форм феодальной собственности), проводившихся согласно решениям сеймиков Русского воеводства. Поводом обычно служили жалобы шляхты на разорение имений во время набегов орд крымского хана, вследствие грабежей вражеских и собственных войск, эпидемий и стихийных бедствий, массового бегства подданных. Ревизии преследовали цель установления количества налогоплательщиков и равномерного

распределения государственных налогов. Сеймики формулировали задачи и назначали время проведения ревизий, ответственных депутатов.

На рубеже XVII–XVIII вв. сеймик Русского воеводства назначил осуществление генеральных ревизий в 1692 и 1711 гг.³ Нам известны лишь описи Перемышльской земли: Заднепровской (на юго-восток от Днестра) 1692 г.⁴, Межсанско-Днепровской (между Днестром и Саном) и Засанской (на запад от Сана) частей — 1711 г.⁵

Источниковедческий анализ материалов ревизий позволяет утверждать, что, несмотря на единые требования к их проведению, содержащаяся в них информация неоднородна⁶. Так, в описи 1692 г. отсутствуют сведения о хозяйствах католического и униатского духовенства. В описи 1711 г. не указаны хозяйства беспоместной шляхты. В обоих описях отсутствуют данные о количестве монахов многочисленных монастырей, больных и калек в домах приютов ("шпиталах"), а также о бродягах. Поэтому для определения численности населения приходилось восполнять отсутствующие в одних описях сведения путем использования показателей о соответствующих группах населения в других описях или заимствовать их из иных, близких к ревизиям, источников. Например, по материалам ревизии 1692 г. было установлено, что хозяйства всех категорий шляхты составляли около 9 % общего количества сельских дворов, а по описи 1711 г., двory католического и униатского духовенства составляли около 4 % всех учтенных дворов⁷. Недостающие сведения о количестве домов в пяти местечках Засанской части восстановлены по материалам инвентарных описей имений и подымных реестров за близкие к ревизии годы, а для трех других определено общее количество их населения на основе сведений за первую половину XVII в. с учетом среднего процента его убыли во второй половине XVII — начале XVIII в.

Таким образом, было подсчитано общее количество дворов в селах и домах в городах. По нашим данным, в 268 сельских поселениях Заднепровской части Перемышльской земли, расположенной в основном в предгорье и горной части Карпат, имелось около 13850 дворов, почти по 52 двора в каждом поселении. В пяти местечках этой части отмечено лишь 606 домов.⁸ В среднем на каждое местечко приходилось по 121 дому. В 431 сельском поселении Межсанско-Днепровской части насчитывалось 17757 дворов, в среднем более 41 двора в каждом. В 20 местечках этой части ревизоры учли 3138 домов в целом, или по 157 домов в каждом из них. В 234 сельских поселениях Засанья имелось около 10932 дворов или в среднем более 46 дворов в каждом из них, а в 14 местечках проживало около 18374 чел.

Для определения общего количества населения использован принятый М.Горном коэффициент: 6 чел. для сельского двора и малого дома местечек, 12 чел. для большого городского дома, 100 чел. для королевских, 50 чел. для шляхетских замков, 30 чел. для монастырей и 15 чел. для домов-приютов.⁹ Учитывая то, что ревизии не учли бездомного населения, есть основания полагать, что установленное по ним общее количество населения Перемышльской земли следует признать скорее заниженным, чем завышенным.

По произведенным таким образом подсчетам сельское население Задне-

провской части составляло 82206 чел. (94,2 %), городское — 5064 чел. (5,8 %), Межсанско-Днепровской — соответственно 106542 (81,7 %) и 23857 чел. (18,3 %), Засанской — 65592 (78,2 %) и 18374 чел. (21,8 %). Во всех трех частях Перемышльской земли на рубеже XVII–XVIII вв. проживало вместе сельских и городских жителей около 301635 чел. Из них 254340 (84,3 %) приходилось на сельских жителей, а 47295 (15,7 %) — на городских. Плотность населения составляла около 1278 чел. на одну кв.милю, или более 23 чел. на 1 кв.км. Так как географическое положение и экономические условия всего Русского воеводства мало чем отличались от условий Перемышльской земли, плотность населения воеводства была такой же. Поскольку площадь воеводства равнялась 820 кв.милям, его население, вероятно, составляло около 1145960 чел.

Сопоставление общего количества и соотношение сельского и городского населения Перемышльской земли за XVI–XVIII вв. (табл. 1) позволяет сделать следующий вывод: во второй половине XVII — начале XVIII в. резко сокращается прирост населения (с 1589 по 1628 гг. оно увеличилось на 78694 чел., а с 1628 по 1711 гг. лишь на 61281 чел.) и уменьшается количество городских жителей. Это подтверждает распространенное в литературе мнение об упадке ряда городов Речи Посполитой во второй половине XVII — первой половине XVIII в.

Особенно ощутимым было сокращение населения в более крупных городах. Например, в Перемышле, административном центре земли, с 1628 по 1711 гг. население сократилось на 26 %, в Самборе — на 22 %. Об убыли населения в городах свидетельствует наличие пустых домов и усадеб. Так, на территории Межсанско-Днепровской части в 1711 г. они составляли 14,3 % общего количества домов. Ревизии учли множество пустых крестьянских наделов в селах: в 171 селе той же части Перемышльской земли — около 42 % крестьянского землепользования. Больше всего их имелось в королевских владениях¹⁰. В то же время процесс освоения территории продолжался:

Население Перемышльской земли в XVI–XVIII вв.*

Год	Сельское	%	Городское	%	Всего
1589	121645	75,2	40015	24,8	161660
1628	192854	81,2	47500	19,8	240354
1692–1711	254340	84,3	47295	15,7	301635

* Использованы данные польских ученых М.Горна и А.Яблоновского и расчеты автора статьи.

с 1589 г. по начало XVIII в. в Перемышльской земле было основано 188 новых сельских и 11 городских поселений. Рост феодальных повинностей вынуждал крестьян уходить к другим землевладельцам, предоставлявшим при основании новых сел льготы на несколько лет. Только этим можно объяснить, на наш взгляд, организацию новых сел, расчистку лесных массивов при наличии пустошей. Ощутимо на демографической ситуации сказывались

продолжавшиеся набеги орд крымского хана, грабежи как чужих, так и "своих" войск. Например, после ордынских набегов в 1699 г. в Дрогобычском и Стрыйском староствах было отмечено 1520 сожженных домов и 3767 чел., угнанных в плен¹¹. Все эти факторы вызвали массовое бегство из Прикарпатья, особенно в начале XVIII в.¹² Так, в 1710–1718 гг. из 16 сел Сенявского и Олещицкого ключей бежало 537 семей¹³. Большинство беглецов селилось на Подолии и в Молдавии.

¹ Копчак С.І. Населення українського Прикарпаття : Докапітал, період. — Львів, 1974. — С. 45.

² Horn M. Zaludnienie miast ziemi przemyskiej i sanockiej w drugiej połowie XVI — pierwszej połowie XVII w. // Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych. — 1970. — Т. 30. — С. 88–89.

³ Akta grodzkie i ziemskie. — Lwów, 1914. — Т. 22. — С. 256, 482, 487–488.

⁴ ЦГИА УССР в г. Львове. — Ф. 14, оп. 1, — Д. 258.

⁵ Там же. — Д. 249; Ф. 13, оп. 1, д. 1075. — Л. 1367–1418.

⁶ Пірко В.О. Ревізія — важливе джерело для вивчення соціально-економічної історії // Арх. України. — 1966 — № 6. — С. 34–36.

⁷ Почти такое же соотношение для этих социальных групп по материалам конца XVIII в. определил Т. Корзон (Korzon T. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764–1794). — Kraków; Warszawa, 1897 — Т. 1. — С. 150, 160).

⁸ Основное количество домов приходилось на местечка Дрогобыч и Стрый, а в трех других (новооснованных) имелось лишь 80 домов.

⁹ Horn M. Op. cit. — С. 88–89.

¹⁰ Пірко В.А. О пустующих крестьянских наделах в Галицком Прикарпатье в конце XVII — первой половине XVIII в. : Материалы XV сес. симпози. по аграр. истории СССР. — Вологда, 1976. — С. 136.

¹¹ ЦГИА УССР в г. Львове. — Ф. 13, оп. 1, д. 1071. — Л. 405–439.

¹² Akta grodzkie i ziemskie. — Т. 22. — С. 560, 562, 568, 570, 577, 580.

¹³ Burszta J. Zbiegostwo chłopów z nad Sanu w I ćwierci XVIII w. // Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych. — 1956. — Т. 17. — С. 77.

Д.ИСМАИЛ-ЗАДЕ К ИСТОРИИ СТАТИСТИЧЕСКОГО УЧЕТА НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ ЗАКАВКАЗЬЯ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Закавказье представляло собой край с относительно высоким для исследуемого времени удельным весом городов и городской жизни, что составляло одну из его основных внутрирегиональных особенностей в масштабах всего Кавказа.

Общероссийская статистика первой трети XIX в. не отразила сведений о городах Закавказья, поскольку присоединение края к России происходило неединовременно для различных его частей, к тому же территория края в тот период являлась театром военных действий¹. Учет населения осуществлялся военно-административной властью в практических целях.

Из всех статистических материалов по учету городского населения наиболее сопоставимыми являются сведения камерального описания Грузин-

ской губернии (1803–1805 гг.), в котором была сделана попытка более дифференцированного учета населения городов по негородским (три категории крестьян) и городским сословиям, что позволяет судить об их соотношении по различным городам губернии. Локальные описания ряда городов края (опись г.Тифлиса 1803 г., по своему уровню превосходившая все остальные, г.Гори 1803 г., г.Гянджи 1804 г., г.Баку 1810 и 1820 гг. и др.) содержали также данные об их податном населении, этническом и сословно-социальном составе². Особенности демографического учета в первой трети XIX в., его несистематичность ограничивают использование этих материалов для характеристики демографической ситуации в указанный период, однако, позволяют судить об этнической и частично сословно-социальной структурах городов края.

Новый период в историко-этнографическом и экономико-демографическом изучении городов Закавказья датируется 30-ми годами XIX в. Завершение процесса присоединения основных территорий края к России совпало с началом нового этапа в развитии статистико-демографических знаний, организационным оформлением основ статистического дела в общегосударственном масштабе. Продолжавшиеся, главным образом, в фискальных целях камеральные описания территорий края не всегда отделяли городских жителей от всего населения уезда, фиксируя к тому же лишь коренных жителей городов и опуская временно проживавших, военное население и пр. Исключение составляет камеральное описание Армянской области (1828–1832 гг.)³.

В 1834 г. произошла реорганизация статистического дела в России: расширилась сфера деятельности центрального статистического ведомства, были созданы статистические учреждения на местах. Влияние этой реорганизации сказалось в унификации статистического дела в общероссийском масштабе, формировании единых принципов учета.

Учреждение центрального статистического органа повлекло за собой организацию статистических комитетов на Кавказе: на Северном — Кавказского областного в г.Ставрополе (1835 г.)⁴ и в Закавказье — Грузинского областного комитета (1835 г.)⁵. Впоследствии (с 1840 по 1862 гг.) в Закавказье действовал единый Закавказский статистический комитет⁶. Деятельность его направлялась центральным статистическим органом, подчинялась общим для страны правилам сбора и систематизации данных. Однако работа Закавказского статистического комитета была усложнена политической ситуацией на Кавказе. Особенности положения комитета определялись также тем, что он, являясь составной частью системы местного административного управления, находился в зависимости также и от высших звеньев органов власти Кавказа.

На основе сведений кавказской администрации и статистических комитетов были помещены данные о городах края в известной серии публикаций статистических материалов о городах и их населении, предпринятой Министерством внутренних дел: вначале лишь по Грузино-Имеретинской губернии (1825 г.), в последующем (1833, 1840, 1842 гг.) — по Каспийской и Армянской областям⁷. Данные их отличались неполнотой, проявлялась пу-

таница в определении понятия "постоянный житель города", отсутствовали данные о численности одного из основных городских сословий — купечества, что объяснялось неоформленностью их корпоративных прав в соответствии с российским законодательством. На городское население края была распространена классификация населения, свойственная русскому городу. В "Статистических таблицах Российской империи" за 1856 г. содержались демографические данные по городам Закавказья — не только о численности жителей городов по полу, но и о количестве родившихся и умерших, однако, без их сословной и этнической принадлежности. Во всех названных источниках фиксировались также жители местечек. В 1863 г. была осуществлена последняя для дореформенного периода публикация статистических материалов о сословном составе народонаселения Российской империи¹. Здесь и выявилась невозможность сословного учета населения Закавказья, так как до сего времени не были кодифицированы в полной мере сословные права привилегированных слоев и городского населения края. Центральному статистическому комитету пришлось ограничиться публикацией таблиц только по европейской части России.

Местные статистические комитеты расширили сферу деятельности, занимаясь систематически демографическим учетом для текущих надобностей. Не связанная четко ограничивающим формуляром, администрация вела этот учет, как правило, без строгого соблюдения основных его принципов. Плодом этой деятельности явились широко публиковавшиеся на страницах местной периодической печати ("Кавказский календарь", газета "Кавказ") сериалы, содержавшие помимо сведений историко-географического характера, статистико-демографические данные о городах края и их населении. Отмечая ошибочность в ряде случаев публикуемых исчислений, необходимо тем не менее признать, что с их помощью удастся установить примерную численность военнотружущих и тем самым скорректировать данные о численности наличного населения. Фактор же военного присутствия на Кавказе в условиях Кавказской войны для некоторых городов края имел существенное значение, ибо они являлись центрами формирования войсковых соединений Отдельного Кавказского корпуса.

Поскольку статистические сведения о городах и их населении отлагались по мере присоединения края к России, начальная грань не могла быть единой для всех городов Закавказья. Для городов Восточной Грузии — это 1825 г., для городов Западной Грузии, Азербайджана и Армении — 1842 г., когда, благодаря публикациям Центрального и местных статистических комитетов, возникает возможность систематизации демографических данных, а следовательно, изучения демографических процессов в городах Закавказского края. В качестве конечной хронологической грани взят 1856 г., так как именно к этой дате относятся оптимальные по своему значению и последние для дореформенного времени статистико-демографические материалы.

¹ К. Герман, с именем которого связан первый опыт изучения и систематизации демографической статистики того времени, вынужден был ограничиться лишь перечнем

городов Грузии, "по недостатку сведения о их народонаселении". Герман К. Статистические исследования относительно Российской Империи. — СПб., 1819. — Ч. 1. — С. 246.

² Акты, собранные Кавказской Археологической Комиссией: В 12 т. / Под ред. А. Берге. — Тифлис, 1873. — Т. 5. — Док. № 266. — С. 199; т. 2. — Тифлис, 1868. — Док. № 2050. (далее АКАК); Какабадзе С. Списки населения города Тифлиса в 1803 г. // Саисторио моамбе [Исторический вестник, на грузинском языке, текст статьи Какабадзе на грузинском и русском языках]. — 1925. — № 2. — С. 27, 33–104; АКАК. — Т. 2. — Док. № 119. — С. 71–72; Док. № 1190. — С. 596–597; Док. № 1911. — С. 597; док. № 1197. — С. 599. Цит. по сб.: Документы по истории Баку. 1810–1917. — Баку, 1978. — С. 11–12.

³ Шонен И. И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. — СПб., 1852.

⁴ ЦГИА СССР. — Ф. 1290, оп. 1, д. 49. — Л. 1–1 об.

⁵ Там же, д. 45. — Л. 1–4 об.

⁶ Там же. — Л. 18–18 об.

⁷ Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год. — СПб., 1830; Обзорение состояния городов Российской империи в 1833 году. — СПб., 1834; Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, Великого княжества Финляндского и Царства Польского. — СПб., 1842.

⁸ Статистические таблицы Российской Империи, изданные Министерством внутренних дел / Ред. А. Бушен. — СПб., 1863. — Вып. 2.

ИЗ ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

П.И. ПУСТОХОД
ПОМЕЩИКИ И КРЕПОСТНЫЕ УКРАИНЫ
НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ 1861 г.
(по данным VIII и X ревизий) *

Экономика России с начала XIX в., особенно в последние десятилетия перед реформой 1861 г., характеризуется относительно быстрым проникновением капитализма в народное хозяйство страны. В частности, вторжение товарного производства в помещичье крепостническое хозяйство должно было отразиться на производственных отношениях, сопровождаться изменениями в формах его ведения, в численности и размещении крепостных крестьян и их владельцев-помещиков.

Эти процессы в различных регионах страны в зависимости от исторически сложившихся условий, природно-географических факторов протекали неодинаково. Формы ведения помещичьего крепостнического хозяйства определялись тем, что помещик, естественно, стремился применять такую систему эксплуатации труда своих крепостных, при которой, исходя из наличных условий, он мог бы извлечь наибольший денежный доход.

В нечерноземной полосе России, особенно в центральной ее части, с густым крепостным населением помещику, по мере развития денежного хозяйства, вообще говоря, становилось более выгодным переводить своих крепостных на денежный оброк, чем полностью использовать их труд на обработку малопродуктивной земли. Тем более, что при росте крупных промышленных и торговых центров, при эволюции местных и отхожих промыслов, чему в свою очередь способствовало развитие оброчной системы, размер оброка можно

* Статья старейшего демографа УССР П.И. Пустохода написана в конце 40-х годов XX в. и является первой в советской историко-демографической литературе разработкой по проблеме воспроизводства населения крепостной деревни Украины. Как нами установлено, данные по VIII ревизии приводятся по монографии Кеннен П. Девятая ревизия: Исслед. о числе жителей в России в 1851 г. — СПб., 1857. — С. 199—200; данные по X ревизии (1857 г.) см.: Тройницкий А. Крепостное население в России по X народной переписи: Стат. исслед. — СПб., 1861. — С. 26, 45.

Редакторско-составительскую работу по рукописи выполнил А.Л. Перковский. — Ред.

было все больше увеличивать. В центральной части нечерноземной полосы России оброчные крестьяне составляли около 60 % всех крепостных, а в отдельных губерниях (Ярославская, Костромская) этот процент доходил почти до 90.

Иное положение создалось в черноземной полосе, в особенности на Украине. Здесь развитие капитализма не вызвало все большего перевода крепостных на оброк. Эволюция внешнего и внутреннего рынков сельскохозяйственной продукции стимулировала рост помещичьего товарного земледелия. Поэтому здесь помещики, особенно заинтересованные в обработке барской земли даровым трудом своих крепостных, держали их на барщине. Стремление получить побольше товарного хлеба побуждало помещика всемерно увеличивать господскую запашку, улучшать севооборот, обработку земли. Это вело к все большей и большей эксплуатации труда крепостных. По словам А.П. Заблоцкого, современника описываемого периода, "... в Новороссийском, например, крае по одному наружному виду всегда можно сказать, какое село — помещичье или казенное. Разность эта поразительна"¹.

На Украине помещичьи крестьяне почти сплошь состояли на барщине. При этом их удельный вес к общей численности крепостных был тем выше, чем менее была заселена губерния и, чем меньшую долю во всем ее населении и составляли крепостные. На плодородных украинских землях быстро развивалось помещичье товарное земледелие, особенно в ее южной, активно заселяемой степной части, с обилием прекрасных, но сравнительно малоплодных земель. Если степень эксплуатации крепостных при барщине вообще очень высока, то здесь, при недостатке рук для земледелия, она доводилась до своего предела.

Основным источником данных о численности крепостных и их владельцев являются общегосударственные ревизии населения. Для помещика "ревизская сказка" — первичный документ ревизии — служила юридическим доказательством на владение вписанными в нее крепостными. Поскольку каждый помещик обязан был во время ревизии представлять "ревизские сказки" на своих крепостных, общая численность помещиков по губернии, владевших крепостными, должна была бы точно определяться по числу представленных "сказок". Однако в действительности дело обстояло не совсем так. Современник последних ревизий, выдающийся статистик и знаток статистических материалов Д.П. Журавский писал: "... многие помещики одного уезда (Киевской губернии — П.П.) владеют именьями в нескольких других уездах, или в других губерниях... Между тем по свойству наших материалов, мы должны были показать всех таких разноместных владельцев по каждому уезду особыми помещиками..."².

Таким образом, погубернские числа помещиков несколько преувеличены в связи с повторным счетом тех, кто владел именьями с крепостными в двух или нескольких уездах, а итоговые числа по украинским губерниям — еще и за счет владельцев имений в разных губерниях. Это преувеличение, понятно, относится к числам средних и крупных помещиков. Что касается погубернских чисел помещичьих крестьян, то можно полагать, что они доста-

точно полны и точны. Заинтересованность владельца в "утайке" своих крепостных, поскольку он был обязан платить за них подушную подать, нейтрализовалась тем, что запись крепостного (крепостной) в "ревизскую сказку" являлась документальным доказательством владения данным крепостным.

По X ревизии, т.е. ко времени отмены крепостного права в украинских губерниях числилось крепостных обою пола 5422 тыс. при общем количестве населения, исчисляемом в 12852 тыс. душ обою пола. Таким образом, крепостные составляли 42 % всего населения. Этот показатель выше, чем по Европейской России в целом, где на 60,1 млн населения приходилось 22,6 млн крепостных, т.е. 37,5 % всего населения. Если же из Европейской России исключить украинские губернии, то по остальной ее части удельный вес крепостных в общем населении снизится до 36 %.

В дальнейшем изложении будут использованы числа крепостных только мужского пола, поскольку подсчетной единицей являлась мужская душа, при группировке помещиков по числу крепостных государственная статистика того времени исходила из количества числящихся за ними по ревизии душ мужского пола.

Количество крепостных мужского пола по украинским губерниям, количество всего населения мужского пола и удельный вес в нем крепостных по VIII и X ревизиям представлены в таблице 1.

Таблица 1. Динамика численности крепостного населения Украины в 30–50-х годах XIX, тыс. муж. пол.

Губерния	Крепостные		Всего населения		% крепостн. ко всему насел.	
	VIII	X	VIII	X	VIII	X
Волынская	451,5	422,8	705,7	754,2	64,0	56,1
Екатеринославская	155,8	163,1	396,2	532,9	39,3	30,6
Киевская	504,6	550,8	733,1	972,0	68,8	56,7
Подольская	462,8	510,5	753,2	875,0	61,4	58,4
Полтавская	337,0	326,4	809,3	890,3	41,6	36,7
Таврическая	17,4	20,6	265,3	371,9	6,6	5,5
Харьковская	226,1	230,1	659,1	793,4	34,3	29,0
Херсонская	151,4	160,7	392,4	533,3	38,6	30,1
Черниговская	290,4	266,4	647,0	726,2	44,9	36,7
Украина (в целом)	2597,0	2651,4	5361,3	6449,2	48,4	41,1
Европейская Россия	10870,1	10694,4	24252,6	29790,1	44,8	35,9

По отдельным губерниям Украины крепостная масса распределялась весьма неравномерно. В этом отношении все украинские губернии могут быть разбиты на три группы. Первую из них составляли губернии Правобережья — Подольская, Киевская и Волынская. По X ревизии в этих губерниях числилось более половины всех крепостных Украины — 1484 тыс. душ муж. пола, т.е. 56 %. Удельный вес крепостных во всем населении этих губерний

очень высок и почти одинаков. То, что приведенные в табл. 1 показатели "крепостного процента" высоки, можно судить хотя бы потому, что из всех губерний Европейской России только пять имели более высокий процент (Смоленская, Тульская, Могилевская, Калужская, Минская); можно сказать, что эта часть Украины, как ее тогда называли — Юго-Западный край, — являлась в количественном отношении региональным центром крепостничества.

В следующую группу с гораздо более низким "крепостным процентом" входят две губернии Левобережной Украины — Черниговская и Полтавская.

Третья группа представлена Харьковской губернией и степями — Екатеринославской, Херсонской и Таврической. Такое распределение крепостных обусловлено историческими причинами.

В губерниях Правобережной Украины крестьянство было почти полностью закрепощено польскими магнатами и шляхтой еще до воссоединения с Россией. Пониженный "крепостной процент" в Черниговской и Полтавской губерниях объясняется весьма значительным удельным весом крестьян-казачков, являвшихся людьми свободного состояния. Так, по IX ревизии в Полтавской губернии числилось казаков 350 тыс. душ муж. пола, помещичьих крестьян — 282 тыс. душ муж. пола.

В Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерниях (включая Крым) насчитывалось по данным X ревизии 344 тыс. крепостных муж. пола, что по отношению ко всему населению этой части Украины составляет меньше 1/4, а к общему числу крепостных в украинских губерниях — 1/3 %.

Соотношение относительной численности крепостных с общей численностью мужского населения украинских губерний между VIII и X ревизиями показывает, что рост общей численности населения во всех случаях обгонял рост числа крепостных (табл. 2).

В течение последних 25 лет перед освобождением крестьян от крепостной зависимости общее количество крепостных в украинских губерниях почти не увеличилось. В VIII ревизию было записано 2597 тыс. душ муж. пола, в X — 2651 тыс., т.е. рост составил всего 2,1 %. В то же время общая численность населения увеличилась на 20 %. По всей Европейской России количество крепостных несколько снизилось, если же исключить украинские губернии, то снижение составило 3 %.

Почти полное отсутствие роста числа крепостных в украинских губерниях, а в остальной части России даже его уменьшение объясняется многими

Таблица 2. Рост численности крепостных и населения Украины в целом в 30–50-х годах XIX в. (муж.пол., данные VIII ревизии = 100 %)

Губерния	Крепостные	Население
Волынская	93,6	106,9
Екатеринославская	104,6	134,5
Киевская	109,2	132,6
Подольская	110,3	116,2
Полтавская	96,8	110,0
Таврическая	118,2	140,2
Харьковская	101,8	120,4
Херсонская	106,1	135,9
Черниговская	91,7	112,2
Украина (в целом)	102,1	120,3
Европейская Россия	98,4	122,8

причинами. Уже с начала XIX в. прекратились царские пожалования населенными имениями. Таким образом, отпал основной фактор искусственного увеличения количества крепостных, и оно могло происходить только за счет естественного прироста.

К прямому уменьшению количества крепостных вели рекрутские наборы, так как поступивший в рекруты исключался из крепостного состояния и после отбытия военной службы вместе с женой и детьми, которые родились после принятия в рекруты, перечислялся в свободное состояние.

К этому же, естественно, вел добровольный отпуск отдельными помещиками на волю крепостных, увольнение их в разряд свободных хлебопашцев, конфискация имений участников польского национально-освободительного движения и вообще передача их в казну, перевод в свободное состояние всех дворовых, не приписанных к населенным имениям, т.е. принадлежащих беспоместным владельцам, и ряд других причин.

Однако эти факторы обусловили незначительное уменьшение крепостного населения. Несомненно, одними из главнейших причин того, что количество крепостных второй четверти XIX в. не изменялось, являлись особо высокий уровень смертности крепостного населения и низкий естественный прирост, вследствие чрезвычайно тяжелого экономического положения и условий быта, полного бесправия, безудержной эксплуатации помещиками, особенно усилившейся с проникновением в деревню и развитием товарного хозяйства.

Отсутствие роста численности крепостного населения безусловно является одним из показателей разложения феодально-крепостного строя России в последние десятилетия перед реформой.

Свыше пяти миллионов крепостных украинских губерний по данным X ревизии принадлежали 26 тыс. владельцам. Несомненно, что число помещиков преувеличено, как это отмечалось нами выше. К сожалению, устранить этот дефект не представляется возможным. Однако он не имеет существенного значения для показателей динамики, но создает не вполне правильное представление о количестве помещиков и приводит к преуменьшению чисел крепостных, приходящихся в среднем на одного помещика (на одного владельца в украинских губерниях по данным X ревизии приходилось в среднем 102 души муж. пола). Изменения численности помещиков и их крепостных в период между VIII и X ревизиями представлены в относительных числах в табл. 3.

Количество владельцев крепостными, как показывает табл. 3, в целом по региону заметно уменьшилось, однако, это сокращение произошло главным образом за счет беспоместных и наиболее мелких поместных владельцев. В то же время возросла численность владельцев почти всех остальных категорий, за исключением группы наиболее крупных помещиков, владевших населенными имениями, с числом душ муж. пола свыше 1000 чел. Однако количество крупных помещиков вообще невелико и потому небольшие их изменения мало показательны. В общем группа помещиков, владевших от 501 до 1000 душ муж. пола за последние двадцать пять лет перед рефор-

160

Таблица 3. Динамика численности помещиков и крепостных на Украине в 30—50-х годах (муж. пол, численность по VIII ревизии = 100 %)

Губерния	Беспоместные владельцы		Помещики, владеющие крепостными										Все владельцы	
			до 21 души		21—100		101—500		501—1000		более 1000			
	вла- дельцы	кре- пост.	пом.	креп.	пом.	креп.	пом.	креп.	пом.	креп.	пом.	креп.		
Волынская	32,0	47,6	72,6	92,2	148,6	144,5	138,3	121,3	127,6	120,8	77,9	60,7	108,6	93,6
Екатеринослав- ская	13,9	5,1	208,8	173,0	169,5	146,2	127,7	117,2	117,7	107,0	71,4	70,4	100,2	104,6
Киевская	18,3	16,3	66,8	94,2	121,8	121,4	120,9	115,7	133,1	132,0	98,7	99,6	71,6	109,2
Подольская	29,9	38,8	61,3	67,3	101,1	108,1	119,5	118,0	145,0	143,7	111,2	97,2	87,2	110,3
Полтавская	75,1	85,9	87,7	90,1	107,9	107,1	115,3	111,5	84,2	82,7	86,8	79,2	92,7	96,8
Таврическая	23,1	24,5	80,7	81,0	129,6	148,7	112,5	122,9	125,0	129,6	100,0	122,8	54,9	118,2
Харьковская	32,5	35,0	81,8	80,5	104,4	104,4	108,4	108,4	91,1	91,3	110,3	105,6	80,1	101,8
Херсонская	11,9	11,1	103,2	127,1	100,7	117,9	84,5	100,6	78,6	88,7	120,0	118,9	78,5	106,1
Черниговская	47,8	60,4	71,4	79,1	100,9	103,1	92,2	101,0	100,0	99,3	109,5	80,7	76,1	91,7
Украина (в целом)	26,3	18,3	85,2	92,9	115,0	116,9	115,7	113,3	118,5	116,7	97,9	87,2	85,3	102,1
Европейская Россия	20,5	19,4	73,5	75,4	118,9	113,2	120,4	109,4	108,3	102,2	96,1	86,4	84,0	99,3

мой возросла почти на 19 %. Этот общий прирост образовался почти исключительно за счет юго-западных губерний.

В заключение отметим, что о динамических показателях по отдельным губерниям речь шла с целью показать только в общих чертах статистическую картину происшедших изменений. Детальное изучение и анализ фактов, обусловивших эти изменения, может послужить темой специального историко-экономического исследования. Такое изучение имело бы тем большее значение, что пережитки крепостничества, в частности на Украине, оказывали серьезное влияние на общественную и экономическую жизнь страны и служили тормозом в развитии производительных сил вплоть до Октябрьской социалистической революции.

¹ *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д.Киселев и его время: В 4 т. — Спб., 1882. — Т. 4. — С. 302.

² [*Журавский Д.П.*] Статистическое описание Киевской губернии: В 3 ч. — Спб., 1852. — Ч. 2. — С. 91.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ОР ГБЛ	— Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И.Ленина, Москва.
ОР ГПБ	— Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, Ленинград.
ЦГАНХ СССР	— Центральный государственный архив народного хозяйства СССР, Москва.
ЦГА МССР	— Центральный государственный архив МССР, Кишинев.
ЦГА РСФСР	— Центральный государственный архив РСФСР, Москва.
ЦГА ЭССР	— Центральный государственный архив Эстонской ССР, Таллин.
ЦГИА СССР	— Центральный государственный исторический архив СССР, Ленинград.
ЦГИА УССР	— Центральный государственный исторический архив УССР, Львов.
ЦСУ СССР	— Центральное статистическое управление СССР, Москва.
ЦУНХУ	— Центральное управление народнохозяйственного учета Госплана СССР, Москва.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
РАЗДЕЛ 1. ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ	6
Кондуфор Ю.Ю., Курносов Ю.А. Вопросы взаимосвязи демографических процессов и изменений социально-классовой структуры населения	6
Дробижев В.З. Демографическая политика Советского государства — объект исторического исследования	13
Кваша А.Я. Демографическое эхо войны	18
Вишневский А.Г. Роль исторического знания в объяснении современных демографических тенденций (на примере метаморфозы семьи)	26
Бибииков С.Н., Толочко П.П. Проблемы палеодемографии и палеоэкономики (Археологический аспект исследований)	34
Василик П.В. Циклы историко-демографического развития и акселерация человека	40
Пирожков С.И. У истоков советской демографии	44
Алексеев В.В. Демографические проблемы районов нового освоения (итоги и задачи изучения Сибири)	57
Перковский А.Л. Формирование демографической мысли на Украине в XVIII в. ..	62
Пуллат Р.Н. Применение графического метода изображения демографических процессов (на примере изучения смертности в г. Таллине в XVIII в.)	75
Бессмертный Ю.Л. Некоторые черты исследовательской методики в современной исторической демографии западноевропейского средневековья (IX—XV вв.) ..	85
РАЗДЕЛ 2. ОБЩИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СССР	90
Водарский Я.Е. Историческая демография и задачи изучения региональной истории	90
Жиромская В.Б. Городское население Советской страны в первые годы изпа: изменение численности, возрастно-полового состава	96
Киселев И.Н. Численность населения СССР в 1923 г. (источниковедческий анализ)	102
Погодин С.А. Изменения в численности, составе и размещении городского населения СССР в 40—50-х годах XX в.	105
Вербицкая О.М. Динамика численности колхозного крестьянства РСФСР в 50-е годы XX в.	113
Зеленчук В.С., Табак И.В. Этнические аспекты рождаемости в Молдавской ССР ..	118
Звидриньш П.П. Особенности демографического перехода в Латвии	123
Кивимяэ С.К. Историко-демографические аспекты применения женского труда в Эстонии во второй половине XIX в.	130
Чуйко Л.В. Динамика и структура брачности населения Украинской ССР (1967—1985 гг.)	134
Черная Н.В. Украинская иммиграция в Канаду в конце XIX — 30-х годах XX в. .	143
164	

Кожолянюк Г.К. Численность населения Буковины в конце XVIII — первой половине XIX в.	147
Пирко В.А. Численность и социальная структура населения Прикарпатья на рубеже XVII—XVIII в.	149
Исмаил-Заде Д. К истории статистического учета населения городов Закавказья в дореформенный период	152
РАЗДЕЛ 3. ИЗ ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ	156
Пустоход П.И. Помещики и крепостные Украины накануне реформы 1861 г. (по данным VIII и X ревизий)	156
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	163

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ СССР

Утверждено к печати ученым советом
Института истории АН УССР

Редактор *Н.О. Черкасская*
Художник обложки *А.О. Стеценко*
Художественные редакторы *С.П. Квитка, И.П. Савицкая*
Технические редакторы *Т.К. Валицкая, И.Ю. Алексашина*
Оператор *Т.А. Радкевич*
Корректоры *Е.С. Коваль, Е.И. Мазниченко*

ИБ 9507

Сдано в набор 03.11.87. Подп. в печ. 03.02.88. БФ 01023. Формат 60х84/16. Бум. офс. № 2.
Гарн. Пресс Роман. Офс. печ. Усл. печ. л. 9,77. Усл. кр.-отт. 9,77. Уч.-изд. л. 12,80.
Тираж 1150 экз. Заказ 8-747 Цена 2р.20к.

Оригинал-макет подготовлен в издательстве "Наукова думка". 252601 Киев 4,
ул. Репина, 3.

Киевская книжная типография научной книги. 252004 Киев 4, ул. Репина, 4.

В 1988 г. ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКОВА ДУМКА" ВЫПУСТИТ
В СВЕТ КНИГИ:

Рабочий класс в развитии дружбы народов СССР. — 20 л. — 4р.40к.

Монография посвящена раскрытию ведущей роли рабочего класса в укреплении интернационального единства советского общества, углублении дружбы и сотрудничества братских республик, решении практических задач социалистического строительства. Значительное внимание уделено анализу процесса обогащения интернационалистской практики рабочего класса на современном этапе совершенствования советского общества.

Для научных работников, преподавателей вузов, пропагандистов.

Социальная активность рабочего класса Украинской ССР (70–80-е годы). — 18 л. — 4 р.

В монографии в свете решений XXVII съезда партии и последующих пленумов ЦК КПСС исследуется ведущая роль рабочего класса Украинской ССР в перестройке экономической и политической системы советского общества, освещается его трудовая активность, борьба за повышение эффективности общественного производства, деятельности в партийных, государственных и общественных организациях, возрастание образовательного и культурного уровня рабочих.

Для научных работников, преподавателей и студентов вузов, пропагандистов.

Шаталкина Е.П. Развитие социальной структуры рабочего класса Украинской ССР (30-е годы). — 18 л. — 4р.

В монографии исследуются тенденции развития рабочего класса республики в ходе строительства и упрочения социализма. Анализируются социально-демографические процессы, источники пополнения, территориально-отраслевой состав, динамика количественных и качественных сдвигов в социальной структуре УССР. Основное внимание уделено рабочим промышленности, строительства, транспорта и связи, а также аграрному отряду рабочего класса.

Большую самостоятельную ценность имеют статистические приложения, на основе которых написана монография.

Для научных работников, преподавателей и студентов вузов, всех, кто интересуется историей рабочего класса.